

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Балтийский федеральный университет имени
Иммануила Канта»

На правах рукописи

Стрюковатый Владимир Валерьевич

**ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА
ТРАНСФОРМАЦИЮ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

Специальность 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая
и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
кандидат географических наук, доцент
Зверев Юрий Михайлович

Калининград – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ.....	12
1.1. Эволюция географических подходов к анализу геополитических процессов.....	12
1.2. Географический фактор современных геополитических процессов как источников формирования систем безопасности	24
1.3. Формирование и трансформация систем безопасности в контексте географических и геополитических факторов	37
ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА.....	54
2.1. Географические детерминанты формирования геополитической конфигурации в Балтийском регионе.....	54
2.2. Геополитическая трансформация Польши и Прибалтийских государств после окончания холодной войны.....	68
2.3. Пространственные и институциональные процессы формирования геополитической конфигурации Балтийского региона.....	85
ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ АСИММЕТРИЧНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: ДИНАМИКА, ПРЕДЕЛЫ УСТОЙЧИВОСТИ И СЦЕНАРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ.....	104
3.1. Пространственная архитектура асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе	104
3.2. Пределы устойчивости асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе в контексте его географических детерминант.....	120
3.3. Сценарное прогнозирование функционирования асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе.....	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	150
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	154
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	156
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	185

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования обусловлена кардинальной геополитической трансформацией Балтийского региона, произошедшей в период с 2014 г. и особенно после начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. Именно в данный промежуток времени проблема устойчивости региональной системы безопасности вышла на первый план ввиду высокого уровня военно-политической напряженности в Балтийском регионе и определением Российской Федерации в официальных документах НАТО, Европейского союза и национальных стратегиях государств Балтийского региона как основного источника угроз, сдерживание которого является приоритетным направлением их внешнеполитической и военно-технической деятельности. Однако географические особенности Балтийского региона предполагают, что попытки одной из сторон обеспечить собственную безопасность за счет и в ущерб другой стороне, весьма затруднительны.

В настоящее время Балтийский регион трансформировался из региона трансграничного сотрудничества в один из наиболее конфликтогенных и геополитически нестабильных регионов Европы, в котором сформировалась и продолжает эволюционировать новая, качественно иная архитектура безопасности, характеризующаяся в работе как асимметричная система безопасности.

Кроме того, актуальность исследования определяется, во-первых, необходимостью пересмотра классических и неоклассических подходов к изучению геополитических процессов в условиях современной геополитической реальности, связанными с усилением роли субъективных факторов и усилением роли надгосударственных институтов, прежде всего НАТО и Европейского союза. Во-вторых, необходимостью оценки географического пространства с точки зрения его значения для сторон конфликта, с одной стороны, и уязвимости, с другой. И в-третьих,

необходимостью преодоления методологической ограниченности традиционного анализа в пользу изучения механизмов геополитических изменений, так как современная геополитическая конфигурация Балтийского региона не является статичным балансом сил, а является результатом протяженной во времени последовательности взаимодействий, в которой стратегическая неопределенность и географические уязвимости сторон выступают в качестве адаптивных свойств всей региональной системы безопасности. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на процессы милитаризации и сдерживания, выходя за рамки их упрощенной трактовки как простой гонки вооружений.

Кроме того, актуальность научного исследования определяется также растущей динамикой военно-политической обстановки в регионе. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО, трансформация военной инфраструктуры альянса на восточном фланге, наращивание военного присутствия на территории государств региона, а также модернизация и оптимизация структуры военного управления НАТО создали принципиально новую реальность в системе региональной безопасности Балтийского региона. При этом географические детерминанты региона приобрели в этих условиях критическое военно-политическое значение. Контроль над этими географическими точками определяет не только военно-политические возможности для всех вовлеченных в процесс противостояния сторон, но и возникающие стратегические риски. При этом изучение механизмов формирования асимметричной системы безопасности Балтийского региона с учетом его географических особенностей, имеет определяющее значение для понимания текущей и перспективной расстановки сил в регионе и прогнозирования развития военно-политической обстановки.

Степень научной разработанности проблемы. Пространственная организация Балтийского региона как объекта исследования представлена в работах Федорова Г.М., Корнеевца В.С., Дружинина А.Г., Пальмовски Т., Сливы З., Вибеля В. и др. Методологическую основу исследования составили

работы Дугина А.Г., Цымбурского В.Л., Лаврова С.Б., Хантингтона С., Маккиндера Х., Спайкмена Н., Мэхена А.-Т. и др. Основные подходы в изучении геополитических процессов рассматриваются в работах Карповича О.Г., Родачина В.М., О'Тула П., Доддса К., Козна С., Уолтца К. Геополитическая организация Балтийского региона рассмотрена в работах Клемешева А.П., Колосова В.А., Воротникова В.В., Смирнова В.А., Ворожеиной Я.А., Межевича Н.М. Системы безопасности, как особый набор мер, институтов и механизмов, направленных на защищенность геополитического пространства, рассмотрен в трудах Окунева И.Ю., Кокошина А.А., Манойло А.В., Мершаймера Д., Бузана Б., Вивера О., Ная Дж. Особенности военно-политических процессов в Балтийском регионе представлены работами Зверева Ю.М., Трунова Ф.О., Рогозина Д.О., Никнами Р., Шлапака Д.А. и других.

Объект исследования: Балтийский регион геополитическое пространство, ограниченное акваторией Балтийского моря и прилегающие территории государств.

Предметом исследования является геополитическая конфигурация Балтийского региона, сформировавшаяся под воздействием географических, политических, военно-стратегических и институциональных факторов, и принимающая форму асимметричной системы безопасности ее географические детерминанты и особенности.

Соответствие паспорту специальности. Выполненное исследование соответствует п. 15 «Геополитические, геоэкономические, геодемографические и геокультурные процессы, территориально-политическая организация общества. Глобальные и региональные геополитические системы и проблемы» паспорта специальности 1.6.13 «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география».

Временные рамки исследования определены тремя взаимосвязанными периодами: с 1990 г. по 2004 г. – период распада Советского Союза и Организации Варшавского договора и начало формирования в Балтийском

регионе новой геополитической реальности; с 2004 г. по 2021 г. – период активного военно-политического переформатирования региона; период после февраля 2022 г. – окончательная трансформация военно-политической расстановки сил в регионе.

Цель исследования – выявив общественно-географические детерминанты современной геополитической динамики, разработать теоретическую концепцию асимметричной системы безопасности и на ее основе объяснить механизмы формирования и трансформации современной геополитической конфигурации Балтийского региона.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить сущность и многомерность современных геополитических процессов как источников формирования асимметричных систем безопасности.
2. Выявить и систематизировать географические детерминанты Балтийского региона, определяющие формирование асимметричной системы безопасности, и оценить их влияние на баланс сил между Россией и НАТО.
3. Определить ключевые геополитические процессы, влияющие на формирование асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе, и роль Соединенных Штатов, НАТО и ЕС в этих процессах.
4. Оценить пределы устойчивости сформировавшейся асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе посредством общественно-географического анализа ее конфликтного потенциала и механизмов взаимного сдерживания Россия – НАТО, и на этой основе разработать сценарные альтернативы ее динамики в среднесрочной перспективе.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепции географического детерминизма, политического реализма, геополитического дуализма, пространственного распределения сил, секьюритизации региона и динамического равновесия напряженности. Работа

основывается на теоретических и прикладных исследованиях в области изучения географических факторов распространения силы и формирования систем безопасности.

Методологической основой исследования является системный подход к изучению и оценке пространственного распределения сил и формирования асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе с использованием общенаучных и специальных методов исследования. Общенаучные методы представлены картографическим анализом пространственной конфигурации ключевых географических точек, сравнительно-географическим методом для оценки баланса сил, а также системно-структурным и статистическим анализом военных расходов и вооруженных сил. Специальные методы включают анализ стратегических решений (decision-метод), SWOT-анализ возможностей и уязвимостей России и НАТО в Балтийском регионе, а также сценарное моделирование.

Новизна исследования:

1. Разработана и обоснована концепция, в соответствии с которой Балтийский регион рассматривается как асимметричная система безопасности, которая представляет собой устойчивую пространственную конфронтационную систему, в которой два центра силы, с одной стороны государства Балтийского региона, НАТО и Европейский союз, а с другой – Российская Федерация, находятся в состоянии динамического равновесия, основанного на взаимной уязвимости и угрозе перехода к неконтролируемой эскалации в случае намеренного или непреднамеренного нарушения баланса одной из сторон.

2. На основе введенной концепции асимметричной системы безопасности определены механизмы, объясняющие, как уникальная конфигурация физико-географических факторов одновременно ограничивает набор стратегических решений для обеих сторон и усиливает восприятие любых действий противоположной стороны как потенциально агрессивных, а также раскрывается процессуальное значение ключевых географических

точек в Балтийском регионе, которое в условиях ограниченного географического пространства играет роль мультипликатора силы.

3. Методологическая новизна состоит в разработке и апробации комплексного аналитического инструментария для изучения асимметричных систем безопасности, который заключается в оценке географических уязвимостей сторон конфронтации в условиях отсутствия между ними паритета военной силы. Анализ асимметричной системы безопасности как динамической геополитической структуры, функционирующей на стыке объективных географических, военно-политических и субъективных факторов, включая институциональные установки политических элит и надгосударственных структур, позволяет не только ретроспективно объяснить сложившуюся геополитическую конфигурацию в отдельно взятом регионе, но и прогнозировать сценарии будущих изменений, в том числе, военно-политической обстановки.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании оригинальной и научно верифицируемой теоретической модели, которая анализирует и объясняет механизмы функционирования и устойчивости современных асимметричных систем безопасности, применительно к регионам с ограниченным географическим пространством, высокой конфликтогенностью и асимметрией сил.

Практическая значимость определяется возможностью использования подходов к оценке влияния географических факторов на пространственное распределение сил и оценку пределов устойчивости асимметричных систем через три ключевых условия (рациональное восприятие рисков, баланс сил, недопущение перехода гибридных инцидентов в фазу столкновения), а также к оценке факторов распространения конфликтного потенциала в асимметричных системах, широким кругом органов государственной власти, аналитических структур и военно-политических ведомств.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концепция региональной системы безопасности может быть выражена двумя моделями: симметричной или асимметричной. В авторской трактовке асимметричная система безопасности представляет собой не просто неравенство военных потенциалов сторон, сложную, а пространственно обусловленную, иерархичную и динамическую геополитическую структуру, в которой более слабая сторона может компенсировать свою уязвимость за счет географических уязвимостей противника.

2. В настоящий момент в Балтийском регионе сформировалась устойчивая асимметричная система региональной безопасности. Формирование системы обусловлено одновременным взаимодействием трех групп факторов. Во-первых, наличие в регионе объективных географических детерминант, представляющих из себя ключевые географические, имеющих для обеих сторон стратегическое значение. Во-вторых, институционализация в евроатлантическом сообществе образа России как экзистенциональной угрозы через его нормативное оформление. В-третьих, последовательная трансформация стратегии евроатлантического сообщества от стратегии регионального баланса сил и интересов в сторону стратегии сдерживания России, а затем стратегию прямой конфронтации с ней в регионе Балтийского моря.

3. Асимметричная система безопасности в Балтийском регионе характеризуется наращиванием конфликтного потенциала, имеющего выраженную пространственную локализацию. Это стало возможным в результате процесса активной милитаризация региона привела к смещению в регионе баланса сил в сторону ЕАС и стратегическому оформлению реализации политики ослабления России в БР. Нарастание конфликтного потенциала в БР увеличивает риски его распространения за пределы региона, в первую очередь в Арктический регион и регион Северной Атлантики по линии соприкосновения Россия – НАТО.

4. Несмотря на нарастающий конфликтный потенциал асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе, она демонстрирует высокую устойчивость, которая обеспечивается не военным паритетом сторон, а сложившейся пространственной конфигурацией взаимных уязвимостей и динамическим равновесием напряженности между сторонами и угрозой перехода к неконтролируемой эскалации. Наиболее вероятным сценарием сохранения состояния системы безопасности Балтийского региона является сценарий сохранения напряженности между сторонами в условиях перманентной милитаризации.

Информационную базу исследования составили нормативные правовые акты и иные юридические документы Российской Федерации, зарубежных стран, международных организаций и международные договоры, статистические данные о финансировании, состоянии и модернизации вооруженных сил государств-членов НАТО, аналитические отчеты отечественных и зарубежных аналитических центров (включая организации, деятельность которых в Российской Федерации признана нежелательной, Приложение А), интервью и комментарии российских и зарубежных официальных лиц.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были опубликованы в 3 научных статьях, из которых 2 – в изданиях, рекомендуемых ВАК, и 1 статья (в соавторстве) – в изданиях, индексируемых SCOPUS (Web of Science) и входящих в ядро РИНЦ, а также в 2-х информационно-аналитических отчетах, выполненных в рамках государственных заданий (в соавторстве). Общий объем публикаций составил 23,4 п.л. (ВАК – 3,6 п.л.), из которых вклад соискателя 12,7 п.л. (ВАК – 2,7 п.л.). Кроме того, некоторые положения диссертационного исследования, их анализ, выводы и рекомендации были изложены в рамках докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, семинарах и круглых столах, в том числе: в Калининграде (2023–2026 гг.), IV Научная конференция по политической географии Terra Politica (Москва, 2025

г.), Евразийский конгресс экономико-географов (географов-обществоведов) (Ош, Кыргызская Республика, 2025), XVI научная Ассамблея Ассоциации российских географов-обществоведов и Международная научная конференция «Актуальные факторы и тренды пространственного развития в фокусе общественно-географического анализа» (Псков, 2025).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных литературы и источников, списка сокращений и 12 приложений общим объемом 201 страница. Основной текст диссертации состоит из 184 страниц и содержит 16 рисунков. Список использованных источников литературы составляет 264 наименование, из которых 126 – на иностранных языках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Эволюция географических подходов к анализу геополитических процессов

Появление геополитики и ее формирование как научной дисциплины происходило на стыке физической географии, политической географии и истории, и связано с анализом международных отношений с использованием возможностей географических методов. То есть, политика государств, их взаимоотношения, военно-политические, экономические связи стали рассматриваться как обусловленные политико-географическим положением стран и географическим положением их регионов в контексте их исторического развития, а геополитическая проблематика стала раскрывать значение войн, вооруженных конфликтов и политических кризисов в прошлом, как процессов, связанных с организацией и реорганизацией глобального политического пространства.

Впоследствии, во времена «холодной войны», геополитический контекст, подкрепляемый идеологией, стал использоваться для оправдания и описания перманентной борьбы между капиталистическим Западным и социалистическим Восточным блоками, которая в итоге завершилась распадом Советского Союза [179] и последовавшим за этим развитием идей глобализма и американоцентризма. Однако география, как одна из ключевых категорий геополитики, продолжала обуславливать формирование и содержание стратегии международной политики государств [188, 114].

Речь идет именно о фундаментальной стратегии, а не отдельных решениях, связанных с ее реализацией. На формирование такой стратегии оказывают влияние множество факторов, однако фактор географический – один из наиболее значимых. Географическая среда, внутри и вне государства,

может как накладывать серьезные ограничения на его внешнюю политику, так и предоставлять ему отдельные преимущества.

Вопреки устоявшемуся представлению о геополитике как об одной из теорий международных отношений, близкой к реализму, геополитика, наряду с историей и теорией международных отношений, образует самостоятельную парадигму трактовки международных отношений, где ключевым фактором выступает географическая локализация сил и интересов [116, 46]. Более того, геополитика не может трактоваться только рамками реализма международных отношений, так как в своем развитии она прошла ту же эволюцию, став не просто «реализмом на карте», а самостоятельным способом осмысления мира через пространственные нарративы [177], а также методом анализа, который может применяться в разных парадигмах. Следовательно, геополитику необходимо рассматривать как науку о мировой политике, зависящей от географической базы, познания этой базы и практического применения во внешней политике [82].

Во второй половине XIX в., следуя энгельсовскому тезису «Все истинное (то есть, позитивное) знание есть совокупный результат специальных наук» [120], в науке утвердился позитивизм, определивший единственным источником истинного знания эмпирические исследования [74, 45]. География, наряду с историей, социологией и экономикой становится местом поиска закономерностей, не только объясняющих, но и помогающих предсказать закономерности развития человеческого общества. То есть, география дала возможность «лучше понимать политическую карту мира, читать "между строк" и видеть, пусть и нечетко, контуры политического будущего тех или иных регионов» [64].

Таким образом, позитивистский подход в геополитике базируется на принципах научной рациональности, эмпирической верификации и детерминистского анализа пространственных факторов. В рамках данного подхода государство рассматривается как субъект, чье поведение во многом

обусловлено такими материальными факторами, как территория, ресурсы, транспортная инфраструктура и военно-стратегическое положение.

Такой характер методологии исследования является оптимальным для анализа сложной геополитической конфигурации Балтийского региона, где исторические традиции, экономические и военно-стратегические интересы, а также культурные факторы образуют сложную систему межгосударственного взаимодействия [132]. Однако географический детерминизм геополитики и преобладающее влияние природных сил над объективными процессами в развитии общества, рассматривались как часть системы политического знания, наряду с экономикой, социологией, демографией и управлением [118].

В парадигме географического детерминизма государство рассматривалось не только как «живой организм», но и как «организм», нуждающийся в «жизненном пространстве» (*Lebensraum*) [96, 52]. В контексте данной концепции, государства во все исторические периоды, включая ранние протогосударства, вели борьбу за наиболее выгодные и благоприятные для своего существования и развития местоположения как между собой, так и с природными условиями, управляя на основе эмпирического освоения закономерностей процессами локализации, территориальной организации государства, а также распределения и перераспределения сфер влияния с соседними государствами [42, 14].

В то же время, в контексте географического детерминизма, пространство рассматривалось как «не просто территория, занимаемая государством, а его политическая сила» [168, 13]. В этой концепции сформировался принцип непрерывности государства, утверждавший, что «развитие военной мощи и силы суверенного государства напрямую зависит от его природных условий» [45, 7].

Таким образом, методологические основы геополитического позитивизма одновременно стали основой геополитического реализма, рассматривающего международные отношения через призму борьбы за власть, национальные интересы и силовое доминирование, где государства

действуют в условиях анархии международной системы, в которой их выживание зависит от способности наращивать свою мощь и противостоять угрозам [203]. При этом реализм, как и позитивизм, стремится к системному анализу, опоре на эмпирические данные и построение теорий, объясняющих поведение государств через объективные факторы, такие, например, как распределение силы, географическое положение и экономический потенциал.

В парадигмах геополитического позитивизма реализация национальных интересов сводится к борьбе за контроль над пространством и ресурсами, где сильные государства стремятся доминировать за счет более слабых. Для этого государство должно обладать военной мощью, особенно превентивного характера, поскольку в отсутствие такой мощи государство становится уязвимым для экспансии со стороны более сильных акторов и особенно их коалиций. В этих условиях для обеспечения собственной безопасности государство вынуждено либо наращивать собственный военный потенциал, либо формировать военно-политические коалиции и союзы, так как в условиях отсутствия глобального порядка безопасность государства может достигаться через создание угрозы для других. Напротив, ослабление государства, как и его неспособность защитить свои интересы, неизбежно провоцируют против него агрессию [78].

Однако, с течением времени позитивистская парадигма геополитики стала подвергаться критике за излишний географический детерминизм и недооценку роли и значения культурных, идеологических и социальных факторов в формировании геополитической динамики, так как исключительно материалистический подход приводил к упрощенным прогнозам [142].

Таким образом, преодолев в своем дальнейшем развитии «очарование» географией, геополитика стала наукой синтетической, объединившей достижения социологии, экономики, философии и других наук [37, 86]. Однако пространство, как категория геополитики, сохранило свое ключевое значение, позволяя сочетать традиционный анализ географических факторов с современными методами моделирования и прогнозирования.

Наиболее широкое распространение эта теория получила после окончания Второй Мировой войны, когда США и СССР начали борьбу за глобальное доминирование на планете, и взаимосвязь глобальной геополитики и единства Мирового океана получили идеологическую конъюнктуру. Однако значение данной теории заключалось не только в конкуренции за глобальное доминирование в мире, но главным образом в стремлении сначала Великобритании, а позднее США, не допустить создания в Европе континентального блока России и Германии, создавая между ними зону контролируемого буферного пространства. Согласно данной теории «географического центра истории», попытки континентальных держав установить контроль над прибрежными зонами, являлись причиной всех конфликтов в Европе [83].

В данной парадигме Балтийский регион, находящийся на стыке Запада и Востока, исторически выполнял роль буферной зоны между континентальной Россией и континентальной сферой интересов морской державы – Великобритании. В то же время, Балтийский регион иллюстрирует, как географические факторы продолжают влиять не только на политику государств региона, но также оказывать влияние на политику Европейского союза, оставаясь важным элементом европейской геополитики со времен Ганзейского союза, играя ключевую роль в формировании политических и экономических связей [110].

Таким образом, и географический подход, делающий акцент на физической географии, и цивилизационный, делающий акцент на идеологическом факторе, сводятся к экзогенному детерминизму – концепции внешней обусловленности, связывающей географическое положение и природные условия государства с его политической судьбой, внешней политикой и ролью в международных отношениях, когда геополитика одного государства зависит от соседних с ним государств. Особенно это касается малых и пограничных государств, являющихся зоной влияния великих держав и не способных проводить самостоятельную политику, так как «история,

также как и теория международных отношений, написана в терминах великих держав» [203, 72].

Таким образом, геополитический и цивилизационный подходы в исследовании международных отношений фокусируются на одном ключевом факторе, определяющем геополитическую динамику, – взаимодействии физико-географических условий и идеологических систем. В методологическом плане эти концепции демонстрируют склонность к детерминистским интерпретациям, предполагающим жесткую зависимость политических процессов от пространственных и культурных факторов.

Оба подхода оперируют дискретным членением мирового пространства, представляя его в виде системы статичных и линейно очерченных границ. Однако геополитическое пространство, включая его границы и приграничные зоны, формируется под влиянием многослойных и нелинейных процессов, которые можно описать в терминах торической динамики – взаимопересекающихся и взаимовлияющих структур. Эти процессы создают сложный геокультурный контекст, в рамках которого разворачивались основные политические трансформации XX в.

То есть, предположение Х. Маккиндера о неизбежности соперничества государств и войне, как следствии политических амбиций, связанных с их изначально экспансионистской политикой, полностью вписываются в современные предположения о «соперничестве между государственными элитами как определяющем политическом факторе неизбежности столкновения великих держав» [170, 44].

При этом, начавшийся в середине XX века процесс геополитического соперничества Советского Союза и США, имевший прежде всего идеологические корни, совпал с началом процесса глобализации в мире, став ключевым фактором идеологического противостояния двух политических систем, – социализма и капитализма, в период холодной войны. В то же время, этот период характеризовался не только противостоянием идеологий, но и противостоянием экономик и технологической конкуренцией, а также борьбе

за контроль над географическим пространством, главным образом – в Восточной Европе, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и Африке.

В это время основная идея либеральной парадигмы в геополитике заключалась в утверждении, что демократии, в западном понимании этого термина, не воюют между собой. Такое утверждение создало иллюзию безопасности для стран, принявших либеральную модель своего развития и развития международных отношений. Однако ключевая проблема такой модели стала заключается в том, что под «демократией» подразумевается исключительно западная либеральная система, а все остальные автоматически попадают в категорию «недемократических» и, следовательно, становятся потенциальными объектами для вмешательства или уничтожения [78].

Политические элиты в странах, объявивших себя демократическими, стали формулировать свои идеалы для основанного на правилах мирового порядка, оторванного от существующих геополитических и геостратегических реалий, что создало предпосылки для мировой политической анархии, в которой военная сила действовала как основной источник мирового порядка на фоне отсутствия всеобъемлющей международной стабильности. Эта ситуация напрямую влияла на вопросы национальной безопасности, – главной причины, оправдывавшей военные действия в период холодной войны [135].

После распада в 1991 г. Советского Союза и предшествовавших этому событию распадов Совета экономической взаимопомощи и Организации варшавского договора, прекратила свое существование и биполярная геополитическая система, сформировавшаяся после окончания Второй Мировой войны и основанная на балансе сил СССР и США. Расширение НАТО и Европейского союза, а также усиление роли транснациональных компаний привели одновременно к усилению экономической и, как следствие, политической взаимозависимости государств Европы и Соединенных Штатов [33, 189].

В это время сформировалось две логики поведения государств – главная, геоэкономическая логика, вытекала из стремления капитализма к

географической экспансии, а вторая, – геополитическая, – из потребности политиков в поддержании авторитета на международном уровне. При этом «географические истины» геополитики в риторике прагматично настроенных лидеров государств, особенно в отношении экономики и миграционных процессов, воспринимались американцами как «зловещие», угрожающие глобализации и как неспособность таких лидеров к управлению изменениями. Следовательно, в их понимании они стали «антидемократичными», снижающими роль демократии в глобальном управлении, поскольку в этом случае авторитарные государства (к которым стали относить Россию, Китай и Иран) напрягают свои политические «мускулы» [160].

То есть, геополитическое представление о конкурирующих государствах, по мнению американских политиков, просто устарело как предпосылка для политических императивов и академического анализа. Хотя, по их мнению, государства по-прежнему могут оказывать влияние на систему международных отношений и являться ключевым институтом в формировании будущего, однако наиболее сильное влияние должны оказывать, прежде всего, процессы глобализации, - экономической, политической, культурной, - при их поддержке и одобрения Соединенными Штатами и, главным образом, в их интересах [144].

Многие американские политики стали рассматривать геополитику как механизм усиления мировой гегемонии США, главным образом, с позиции силы: «каждые десять лет или около того Соединенным Штатам нужно брать какую-нибудь маленькую дрянную страну и швырять ее о стену, просто чтобы показать миру, что мы настроены серьезно» [225]. Следуя этой логике, Соединенным Штатам необходимо было начать войну с Ираком, потому что им необходимо было начать войну с кем-то в регионе, и Ирак имел для этого наибольший смысл. Таким образом, вся риторика американской внешней политики того времени стала сводиться к сравнению международных отношений с тюремным двором, в котором понимают и принимают только силу.

Фактически, все военно-политические кризисы, в которые были вовлечены Соединенные Штаты после окончания холодной войны, и имевшие для них сомнительную стратегическую ценность, были следствием их геополитической культуры сдерживания времен холодной войны и носили скорее идеологический подтекст – укрепление собственной гегемонии с одновременной демонстрацией силы. То есть, потребность правительств США в поддержании собственного и государственного авторитета, в контексте геополитических процессов, оказалась более значительной и фактически стала основой американской внешней политики.

В то же время глобализация, представляющая собой качественно новый этап в расширении масштабов интернационализации хозяйственной деятельности, сопровождалась параллельным процессом регионализации, что существенно повлияло на традиционные геополитические модели. Глобализационные процессы, обуславливающие процесс формирования новой мировой системы, привели к тому, что государства стали вынуждены передавать надгосударственным структурам, таким как Европейский союз и НАТО, часть собственного суверенитета. В первом случае это касалось вопросов экономики, во втором – безопасности. При этом сама система международных отношений стала формироваться не принципах равенства и партнерства государств, а на основании решений, принимаемых в надгосударственных институтах, главным образом, в интересах более богатых и развитых государств.

Этот период, ставший эпохой усиления глобализации, привел к появлению новых геополитических теорий и концепций, в которой утверждалось, что с распадом СССР и крахом коммунизма либеральная демократия в сочетании с рыночной экономикой стала окончательной формой политического устройства мира, у которой нет жизнеспособных альтернатив, а все остальные системы, такие как авторитаризм, тоталитаризм и теократия, исторически обречены [146]. В этой теории роль географического пространства сводится к влиянию на способность государств к консолидации,

например, Япония и Великобритания легче создают сильные демократические институты из-за естественных границ, тогда как степные или горные регионы, такие как Афганистан, склонны к собственной фрагментации [145].

Однако, концепция «конца истории» и ее последователей-идеалистов оказалась преждевременной и столкнулась с критикой, и прежде всего, со стороны западных ученых. В частности, критике подверглась теория, доказывающая, что современные и будущие геополитические конфликты будут определяться не идеологиями, а культурно-религиозными различиями [156].

Таким образом, после окончания холодной войны у главных геополитических акторов так и не возникло согласия относительно контуров современной геополитики, поскольку большая часть дискуссий была посвящена географической составляющей происходивших преобразований, с оглядкой на исторические аналогии, а не на развитие человечества, «взявшего все в свои руки» [140]. При этом на смену идеологиям коммунизма и капитализма, утратившим свое значение, пришли цивилизационные разломы, основанные, прежде всего, на религии. Запад ошибочно полагал, что его ценности, права человека и демократия, будут приняты во всем мире. Напротив, люди стали идентифицировать себя не по политическим убеждениям, а по культуре, религии и традициям [156].

Логика неолиберализма, конкуренции и рынка, навязанных Соединенными Штатами в начале 2000-х гг. для установления правил, благоприятных для все более глобализирующегося капитализма, лишь укрепили осознание государствами своих возможностей для использования силы в условиях сложившейся международной системы. В условиях глобализации и изменения мирового порядка, динамизм геополитического пространства стал рассматриваться как частный случай пространства физического в его сочетании с такими фундаментальными свойствами, как протяженность, структура и их взаимодействие с материальными (экономическими, политическими и социальными) системами [103, 130].

В сложившейся геополитической структуре мира, как и в любой самодостаточной системе, единицы бóльших возможностей устанавливают арену действий для других так же, как и для себя. В системной теории структура есть объединенное понятие; и структура системы генерируется взаимодействием ее принципиальных частей. Поэтому и логика системного подхода, построенная на силовых понятиях, требует анализа небольшого числа государств. Такое неравенство в отношении менее сильных государств стало «вписано в государственную систему, оно не может быть устранено», при этом структура современной геополитики определяется распределением возможностей между государствами, а баланс сил является ключевым механизмом поддержания стабильности [202].

На этом фоне к началу третьего десятилетия XXI в. на Западе сложился системный кризис либеральной демократии, обусловленный распадом традиционного единства демократических процедур и либеральных ценностей, что повлекло за собой возникновение «нелиберальной демократии», игнорирующей права меньшинств, и «недемократического либерализма», – технократического управления, оторванного от воли избирателей [172]. В результате, институциональные демократические основы оказались подорваны экономическим неравенством, культурной тревогой и цифровой трансформацией публичной сферы.

В XXI в. демократии стали чаще разрушаться не военными переворотами, а постепенно, в результате действий избранных лидеров, которые подрывают «демократические» институты изнутри. Современные автократы приходят к власти легитимно, но затем ослабляют систему сдержек и противовесов, ограничивая свободу слова, свободу собраний, вводя цензуру в средствах массовой информации, но самое главное, маргинализируя оппозицию. В качестве ключевых признаков кризиса демократии, были названы отказ от демократических правил в политике, отрицание легитимности оппонентов, поощрение насилия или терпимое отношение к нему, а также готовность ограничить гражданские свободы [164].

Таким образом, в ходе эволюции геополитических подходов происходил пересмотр отношения к понятию «пространство». В модернистских школах доминировало пространственная парадигма мироустройства, предполагавшая, что мир разделен на протяженные пространственные объекты – государства, империи, сферы влияния и т.д. [121]. При этом политике не обязательно обладать «территориальностью» в этом понимании. Территориальность является лишь одной из стратегий развития политики, которая в ходе исторических процессов стала догматом нашей эпохи.

Современная геополитика стала характеризоваться значительным усложнением процессов, их динамикой и отходом от жесткого географического детерминизма. В современной действительности географические факторы необходимо рассматривать не как предопределяющие, а как обуславливающие политические процессы [195]. Такой подход позволяет более гибко анализировать современные международные отношения в условиях их нелинейного развития [32, 109]. В свою очередь, игнорирование пространственных факторов в геополитике приводит к спекуляциям и, как следствие, отсутствию консенсуса по базовым понятиям. В данном контексте «пространство» как понятие является основой развития обществ и государств

Следовательно, теория географического детерминизма демонстрирует, что даже в условиях глобализации географические факторы продолжают оказывать влияние на безопасность государств, а географическое пространство остается структурным условием, ограничивающим или усиливающим политические, экономические и военные потенциалы государств, являясь ключевым фактором в формировании геополитической асимметрии.

1.2. Географический фактор современных геополитических процессов как источников формирования асимметричных систем безопасности

Как отмечалось выше, современный геополитический процесс представляет собой многомерное явление, которое сочетает в себе традиционные геополитические факторы (географическое положение, протяженность границ, наличие естественных географических объектов и т.д.) с различными формами и целями противоборства государственных и негосударственных субъектов.

Если рассматривать геополитические процессы с позиций классического, позитивистского подхода, основанного на строгом географическом детерминизме в геополитике, то их главными проявлениями становится борьба за контроль над ключевыми пространствами, обусловленная объективными географическими факторами и стремлением государств к максимизации своей мощи и обеспечению собственной безопасности [83].

Неоклассическая геополитическая теория, сместив акцент с материальных и силовых аспектов пространственного контроля [86, 166] на усиление роли идеологии, идентичности и институтов «мягкой силы», рассматривает геополитические процессы как конкуренцию за контроль географического пространства через усиление политического и экономического лидерства и культурное влияние. Пространство при этом рассматривается сквозь призму системных (распределение политических возможностей между государствами), когнитивных (восприятие государствами намерений, угроз и действий со стороны других государств) и внутренних (системы принятия решений внутри государств) факторов [138, 10]. Географические факторы при этом рассматриваются государствами-экспансионистами для дифференцирования пространства и территорий как объектов для проецирования на них своего влияния [180, 60].

В теории критической геополитики акцент сместился на дискурсивную природу геополитических процессов, рассматривая их как результат

производства определенных географических образов и нарративов, которые обосновывают внешнюю политику государств, исключая влияние на нее фундаментальных естественных законов [178]. В данной концепции геополитика «отошла от традиционного понимания концептов “политический” и “географический”, выйдя за рамки исследовательских задач, принимающих во внимание лишь физические границы, институт государственной власти и внешние условия» [94, 8].

Современную геополитическую парадигму можно описать как систему, включающую силовую экспансию классической геополитики, неклассические экспансионистские парадигмы «мягкой силы» и «непрямых действий», а также парадигмы неоклассической геополитики (которые включают информационно-сетевые технологии для создания и управления социально-политическим хаосом и социальной энтропией, а также технологии манипуляции массовым сознанием и изменения национальной, культурной и религиозной идентичности) [66]. Поэтому можно утверждать о том, что именно такая система используется субъектами международной политики в настоящее время в борьбе за доминирование и влияние во всех современных геополитических пространствах и контроль над природными, человеческими и территориальными ресурсами государств.

То есть, современный синтетический подход, интегрирующий в себе различные подходы к определению понятия «геополитический процесс», рассматривает его как динамичную и многомерную систему взаимодействия разнообразных государственных и негосударственных субъектов, использующих методы силового, экономического, политического и культурно-цивилизационного противостояния, направленных на достижение, удержание или перераспределение власти, сфер влияния и ресурсов в определенном географическом пространстве. Само же географическое пространство, в данном случае, выступает не просто ареной противостояния субъектов геополитики, а является активным структурирующим условием современных геополитических процессов [141].

Таким образом, дифференцированный характер понятия «геополитический процесс» охватывает все множество и совокупность отдельных политических, экономических, военных и социальных процессов, протекающих в отдельно взятом географическом пространстве, формируя «обобщенную, целостную картину динамики» этого пространства, охватывая при этом целенаправленные действия центров силы на сохранение или изменение сложившейся реальности [98, 44]. Данный подход при анализе и оценке геополитических процессов позволяет преодолеть ограничения статического, «факторного» анализа, и сфокусироваться непосредственно на механизмах геополитических изменений, связанных в том числе, с изменением геополитической структуры региона.

Однако вся множественность и совокупность процессов, протекающих в отдельно взятом географическом пространстве, не формируется и не развивается сама по себе. Как на каждый отдельно взятый процесс, так и на их совокупность, влияет пространственное распределение как политических, так и экономических, социальных, идеологических, культурных и других факторов, которые также носят комплексный характер [41, 336]. При этом систему геополитических факторов логично определить как сложноорганизованное и динамично развивающееся геополитическое образование, возникающее на определенном пространстве на основе взаимодействия природных и социальных составляющих, которые в их совокупности оказывают целостное влияние на политику государства. При этом сама система геополитических факторов обладает собственной внутренней структурой, функциями и логикой развития, что отражает источники ее образования, механизмы взаимодействия элементов, ее деятельностно-ролевую предназначенность, переходы из одного качественного состояния в другое [81].

Во-первых, это стабильные, медленно меняющиеся географические условия, которые создают субъектам отношений устойчивые преимущества и уязвимости. К их числу можно отнести физико-географический ландшафт

(рельеф, гидрография, климат), наличие и распределение природных ресурсов, исторически сложившаяся пространственная организация (границы, расселение, транспортные коридоры), демографический потенциал [49]. Особую роль при этом играют возможности одного из субъектов отношений контролировать ключевые географические точки – например, проливы, транспортные коридоры, острова и границы. Во-вторых, это динамические условия, к которым относятся состояние экономики субъектов отношений, их идеологические установки и тренды их развития, эффективность внутренних политических институтов, уровень жизни населения и т.д. [27]. И, наконец, в-третьих, отношения ключевых акторов, связанные с использованием ими имеющихся у них ресурсов для получения наиболее предпочтительного для себя результата или поведения со стороны другого субъекта геополитического процесса. Взаимодействие этих трех групп факторов определяет вектор, характер и интенсивность геополитического процесса, который может иметь как эволюционный, так и революционный характер трансформации геополитической системы (Рисунок 1).

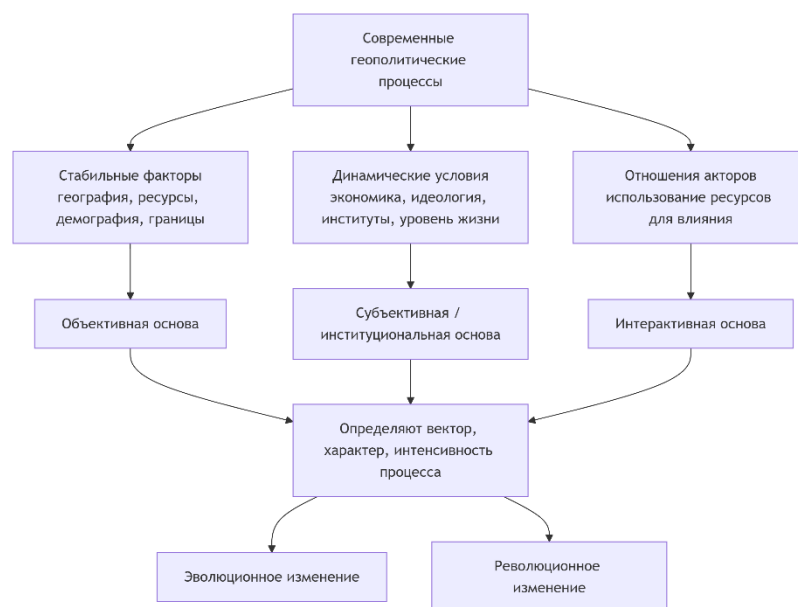

Рисунок 1 – Система факторов, формирующих современные геополитические процессы

Источник: составлено автором на основе [81], [49], [27].

Данные факторы, однако, необходимо рассматривать только в контексте деятельности конкретных акторов, так как именно государственные и негосударственные субъекты международных отношений, преследуя собственные интересы (национальные или коллективные), являются источником механизма геополитических изменений, трансформируя потенциальные преимущества или уязвимости географического пространства в реальные политические действия.

При этом роль и интересы государственных и негосударственных образований в динамике геополитических процессов, независимо от характера их протекания, являются как правило разнонаправленными и антагонистичными. Государства, в свою очередь, оставаясь главными субъектами геополитических процессов, стремятся не только обеспечить собственные суверенитет, безопасность, территориальную целостность и экономическое процветание, но и проецируют свое влияние на суверенитет и безопасность более слабых государств [95, 31]. Однако в современных международных отношениях политическая мощь государства перестала быть монополией национальных правительства и стала во многом зависеть от политики межгосударственных образований и отношений с государствами, не являющихся их членами [62].

Вместе с тем геополитические процессы необходимо рассматривать как фундаментальную категорию, которая отражает практическое значение геополитических теорий, - непрерывную динамику изменений в локальном, региональном и глобальном масштабах. Совокупность таких изменений, которые могут носить как случайный, так и целенаправленный характер, приводит в итоге к качественно новому состоянию то геополитическое пространство, в котором они происходят. То есть, формирование и протекание геополитических процессов происходит на стыке объективных и субъективных факторов. Объективными факторами в данном случае являются географическое положение государства, его ресурсная база, демографическая ситуация, уровень технологического развития (особенно в промышленной и

военной сферах), а также сформировавшаяся структура международных отношений [99].

Субъективные факторы связаны, прежде всего, с состоянием и поведением военно-политического руководства государства, его стратегической культурой, идеологическими установками, эффективностью политического управления и способностью мобилизовать ресурсы для достижения геополитических целей [87, 118]. В качестве главных катализаторов геополитических процессов часто выступают системные международные кризисы, технологические прорывы, смены политических режимов или резкие изменения в балансе сил, возникающие, например, после окончания крупных вооруженных конфликтов и войн [52, 16].

То есть, основными субъектами геополитических процессов являются государства. При этом нации-государства остаются ключевыми субъектами, определяющими силовую проекцию геополитических процессов через свою внешнюю, военную и экономическую политику [44]. В рамках геополитических процессов их интересы традиционно связаны с обеспечением национальной безопасности, государственного суверенитета, территориальной целостности, экономического благополучия и расширения сфер влияния в мире.

Государства обычно воспринимаются как однородный класс территориальных образований, признанные, прежде всего, как суверенные члены ООН, которые обладают внешним и внутренним суверенитетом. Однако даже беглый анализ показывает, что под общим понятием «современное государство» объединены крайне разнородные образования, которые различаются не только размерами, мощностью или ролью в мире, но и своей внутренней природой, живущие по различным логикам своего существования. И хотя все они составляют основу мировой политики, лишь некоторые являются государствами в строгом смысле слова [63, 31]. В этом смысле определяющим фактором является не только формальный суверенитет государства, но и его реальная позиция в мировой структуре, которая

определяется совокупным потенциалом международного влияния, то есть ресурсами (экономическими, военными, дипломатическими, культурными и иными), которые страна использует для продвижения своих интересов в отношениях с другими государствами для оказания прямого и непрямого, военно-политического, дипломатического, экономического, финансового, технологического, культурно-информационного и иного воздействия на другие государства и международную среду в целом в своих целях и интересах [100].

Однако в динамике современных геополитических процессов активную роль стали играть также негосударственные образования, что усложнило классическую модель межгосударственного взаимодействия. При этом, возрастание их роли связано, прежде всего, с трансформацией всей системы международных отношений, сложившихся после распада Советского Союза в 1991 г [46]. Этот феномен является следствием глобализации, которая, с одной стороны, создала общее пространство для формирования экономических, информационных и социальных взаимозависимостей, а также взаимозависимости в области безопасности [65, 121]. То есть, произошла качественная трансформация, в которой возрастающую роль стали играть межгосударственные Евроатлантические организации, которые буквально вытеснили из международных процессов национальные государства [34].

В данном контексте это можно проследить в процессе эволюции НАТО, которая, утратив после окончания холодной войны своего главного противника – Советский Союз, не прекратила свое существование, а была вынуждена фундаментально пересмотреть свои стратегические доктрины и задачи. Результатом трансформации блока стала его интеграция в формирующуюся однополярную систему мира и сделало одним из ключевых факторов европейской и глобальной безопасности. При этом сама трансформация потребовала от альянса решения трех ключевых вопросов: географического, военно-политического и оперативно-технического [24, 94].

Географический фактор трансформации НАТО связан с его существенным расширением на Восток. При этом политика расширения сферы деятельности альянса бала связана не только с приемом новых членов, но и с вовлечением в его деятельность государств, расположенных в регионах геополитических интересов НАТО [92]. Такой подход был связан прежде всего с тем, что Соединенные Штаты стремились сохранить «однородность силовых действий для защиты своих национальных интересов» при активном сотрудничестве с другими государствами [76, 28]. В результате НАТО удалось не только избежать распада, но и беспрепятственно расшириться на Восток, а также, преодолев рамки евроатлантической региональной организации, заявить о своих претензиях на мировое лидерство в военно-политической сфере [119, 7].

Таким образом, в результате глобальных геополитических процессов конца 1990-х гг. Североатлантический альянс, пересмотрев свои доктрины и географические рамки, трансформировался из регионального оборонного блока 16 государств Европы в ключевой инструмент глобального военно-политического влияния, членами которого к 2025 г. являются 32 государства, 30 из которых – государства Европы.

Однако трансформация и расширение НАТО продемонстрировали и диалектическую природу отношений внутри самого альянса, самостоятельно выступающего в качестве субъекта геополитических процессов. При этом парадокс отношений внутри НАТО заключается в том, что коллективное усиление суверенитета и безопасности его государств-членов через их интеграцию в альянс неизбежно привело к внутренним противоречиям, ограничению их автономии в области обороны и появлению новых форм зависимости, которые сами по себе стали значимым фактором геополитической динамики как в глобальном, так и в региональном масштабах. Это выражается в том, что Североатлантический альянс, созданный как инструмент силовой проекции и сдерживания общего противника, внутри себя стал представлять пространство постоянного

взаимодействия и борьбы разнонаправленных национальных интересов, восприятий угроз и стратегических культур. При этом расширение НАТО на Восток, являясь мощным геополитическим процессом, изменившим традиционный баланс сил в Европе, одновременно интенсифицировал и внутренние трения между «старыми» и «новыми» членами, а также между сторонниками жесткого сдерживания России и приверженцами более осторожного, диалогового подхода, что привело к внутренней дилемме о распределении рисков и ответственности между членами альянса.

В результате, государства, ставшие членами как Европейского союза, так и НАТО, одновременно стали заложниками собственного статуса в этих организациях, так как они вынуждены следовать той политической повестке, которую им навязывает евроатлантическое сообщество в лице руководства НАТО и ЕС, в том числе, в вопросах применения силы [50, 14].

В этом стал проявляться субъективный фактор геополитических процессов, то есть, отношение внутренних элит к происходящим геополитическим процессам, которое оказывает непосредственное влияние на то, в каком векторе международных отношений эти процессы протекают и будут протекать. Примером такого влияния может служить назначение на ключевые посты Европейского союза представителей Прибалтийских республик – главных сторонников идеи «реваншистских и имперских амбиций России» и «ее агрессии против Запада и порядка, основанного на правилах» [219; 220]. В частности, одни из ключевых постов в Еврокомиссии занимают К. Каллас (Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности), В. Домбровскис (Еврокомиссар по вопросам экономики и производства), А. Кубилюс (Еврокомиссар по обороне и космосу) [217]. В Совете ЕС в качестве постоянных представителей участвуют К. Михал, Э. Силиня и Г. Науседа [230]. Такое делегирование полномочий, в том числе, привело к девальвации статуса национальных государств и размытию классических геополитических концепций [84], связанных с главенствующей ролью государств в международных отношениях.

Другим диалектическим парадоксом расширения НАТО на Восток, решительно поддержанного Соединенными Штатами и странами Центральной и Восточной Европы как необратимого геополитического процесса, стала реакция России, которая восприняла этот процесс как непосредственную угрозу национальной безопасности. То есть, даже после распада Советского Союза попытки России пойти на интеграцию с Западом натолкнулись на недружелюбную и негативную реакцию, прежде всего, со стороны США и Североатлантического альянса, где к России по-прежнему относились как к «латентному» противнику. Перманентный страх перед Россией так и остался ключевой идеей НАТО [114].

В итоге, геополитические процессы, вызванные расширением и трансформацией Североатлантического альянса, привели к регионализации военных угроз в Европе и возвращению к логике силового противостояния с Российской Федерацией. В свою очередь, это заставило НАТО (особенно после начала Россией специальной военной операции на Украине) вновь сместить фокус на коллективную оборону и сдерживание России как на свою ключевую задачу. Но это смещение происходит в условиях обострения обстановки внутри самого альянса, гораздо более гетерогенной, чем во времена холодной войны, так как некоторые государства-члены выражают неготовность и не желание открытого противостояния с Россией. Однако за такое противостояние выступают как раз те страны, которые представляют Балтийский регион, и в первую очередь – это государства Балтии, Польша и Финляндия. То есть те государства, которые непосредственно граничат с Российской Федерацией. Это, в свою очередь, привело к усилению европейской опоры на НАТО и привлечению государств-членов к процессу формирования новой архитектуры безопасности в Европе, как к геополитическому процессу формирования новой, многоуровневой системы безопасности, основанной на общих идеологических установках, но разных военных и экономических возможностях государств-членов альянса.

Формируемая новая архитектура безопасности стала основываться на раздельном географическом подходе (государства, расположенные ближе к России, требуют усиления военных и политических мер противостояния ей, тогда как государства, расположенные географически дальше, настроены к этому скептически) и привела к эволюции форм контроля от сплошного (общеевропейского) к сетевому и многоуровневому – когда распределение и размещение сил обусловлено близостью к границам России, географическими особенностями района размещения и возможностями размещаемых сил и средств.

Однако геополитические процессы, вызвавшие такую трансформацию, были связаны с началом Россией проведения специальной военной операции на Украине. После первоначального периода дестабилизации, вызванного началом СВО, Европейский союз и НАТО выработали обновленную стратегию реорганизации европейской архитектуры безопасности, действующую в рамках сложившегося баланса сил. Данную стратегию можно определить как компартиментализированный географический подход к усилению безопасности Европы в трансатлантическом контексте. Отличительной чертой этого подхода является минимизация институциональных противоречий между государствами-членами НАТО по вопросам внешней политики. Вместо фокусирования на разногласиях, западные государства делают акцент на достижении единства и консолидации усилий в общей задаче сдерживания России в рамках единой трансатлантической структуры [154].

В таком изменении военной политики НАТО также раскрывается субъективный фактор геополитических процессов, который заключается в том, что более слабые в военном отношении государства стремятся использовать военный, политический и экономический потенциал всего альянса для решения двух ключевых для них вопросов. Во-первых, для усиления своего военного потенциала за счет других государств-членов, так как самостоятельно они не в состоянии обеспечить собственную

обороноспособность. Во-вторых, для усиления своего влияния и значимости внутри блока. Причем для решения данного вопроса ими используются два фактора: нарратив о «скорой русской агрессии» и «опыте существования под российской оккупацией», и упреки других членов альянса в неспособности и/или нежелании тратить на общую оборону необходимые средства, в отличие от них, которые выполняют это требование. Здесь необходимо пояснить, что 2 или 5 процентов от внутреннего ВВП Эстонии, Латвии, Литвы или той же Польше в реальных суммах не сопоставим с тем же процентом от ВВП, например, Германии или Франции, а тем более, - США (Приложение Б). Однако «внутреннее равноправие» стран-членов альянса позволяет им заявлять такие требования.

Зависимость евроатлантического сообщества от влияния субъективных факторов на принимаемые в рамках НАТО и Европейского союза решения и, как следствие, на все геополитические процессы как в регионе, так и в Европе в целом, привела к тому, что носителем такой политической культуры становится не только население государств Балтийского региона, но и всего европейского сообщества. При этом сама политическая культура, сформированная в рамках государственной идеологии и национальных интересов государств Балтийского региона [50, 12], привела в итоге к усилению внутригосударственного влияния правящих элит государств Балтийского региона и их представителей в Евроатлантических структурах.

Исходя из факторов и условий геополитических процессов, можно утверждать, что пространственное распределение сил является их неотъемлемой частью, так как оно представляет собой пространственную и динамичную проекцию совокупного потенциала (экономического, политического, военного, культурного) всех акторов, взаимодействующих в рамках определенного региона или глобальной системы [41, 336]. То есть, на всех уровнях международного геополитического порядка, представляя собой «базовое согласие между группой государств относительно ключевых правил, принципов и институтов» [158, 45]. Такое распределение потенциалов никогда

не бывает равномерным или статичным – оно характеризуется постоянными флуктуациями, вызванными как внутренним развитием акторов, так и их стратегическим или ситуационным (оперативным) взаимодействием.

Концепция «баланса сил», являясь ключевой в рамках классической, реалистской парадигмы геополитики, в современной коннотации понимается не как механическое равновесие, а как сложная, иерархичная и асимметричная конфигурация взаимодействия акторов, в которой недостатки одного из них в какой-либо сфере (например, экономической) будут компенсироваться его преимуществами в других (военной, культурной и т.д.) [203].

Таким образом, процесс перераспределения сил, их проекции на другие географические пространства ключевыми акторами, является сутью геополитической динамики, обуславливающей возвышение одних центров силы и относительный или полный упадок других, формирование и распад альянсов, возникновение и прекращение (временное или постоянное) войн и вооруженных конфликтов, - все это отражает непрерывную борьбу за более выгодные позиции в пространственном измерении. В данном контексте геополитический процесс, как категория, есть не что иное, как процесс изменения карты политических влияний, где «карта» понимается как в прямом, так и в метафорическом смысле.

Таким образом, современные геополитические процессы, представляющие собой многомерное явление, выходят за рамки классического силового противостояния мировых держав и формируемого ими «баланса сил». Синтез классических, неоклассических и критических подходов показывает, что современная динамика международных отношений стала определяться сложным взаимодействием объективных географических факторов, субъективных установок национальных и наднациональных элит, а также институциональных возможностей акторов, среди которых все более весомую роль наряду с государствами стали приобретать межгосударственные объединения.

В этих условиях ключевой характеристикой современной фазы геополитической динамики в Европе становится асимметрия – неравномерное распределение не только военной мощи, но и уязвимостей, политического влияния и восприятия угроз субъектами международных отношений на континенте. Именно эта асимметрия, отчетливо проявившаяся в отношениях внутри евроатлантического сообщества, а также между ним и Российской Федерацией, сформировала и специфику региональных подсистем общеевропейской безопасности.

В частности, протяженная во времени и пространстве последовательность взаимосвязанных событий, действий и взаимодействий между государственными и негосударственными акторами в Европе, привела в итоге к качественной трансформации всего евроатлантического геополитического пространства, включая Балтийский регион, перераспределению в нем зон контроля и влияния, а также к изменению самой архитектуры безопасности и, как итог, к формированию в Балтийском регионе асимметричной системы безопасности.

1.3. Формирование и трансформация систем безопасности в контексте географических и геополитических факторов

В глобализующемся мире, где традиционные биполярные структуры уступили место более сложным многоуровневым конфигурациям, начала формироваться новая концепция современной геополитики. Эта новая геополитическая парадигма характеризуется, в том числе, асимметричной системой безопасности, отражающей сложное взаимодействие субъектов с неравными возможностями в конкретном, отдельно взятом регионе. При этом современная международная система стала характеризоваться сложным переплетением центров власти, в котором формальное превосходство одной стороны часто компенсируется стратегическими возможностями другой [134].

В данной парадигме государства должны рассматриваться не как абстрактные акторы, взаимодействующие в системе международных

отношений, а как пространственные объекты, имеющие собственные территориальные характеристики [122]. Однако, в современном контексте пространственной парадигмы, существуют также сетевые политии, в которых суверенитет распределен и не привязан жестко к границам, такие, например, как Европейский союз и НАТО, которые являясь надгосударственными образованиями не вписываются в классическую модель территориального государства. Такие образования, безусловно, занимают некоторое пространство, однако не являются пространственными объектами [32].

В частности, если в качестве примера данного утверждения рассматривать Европейский союз, то каждое государство региона, при всех своих особенностях, является частью единой европейской системы, что определяет внутреннюю и внешнюю политику каждого государства и их взаимоотношения, учитывая наличие общих интересов и вызовов [26].

Такой подход обусловлен тем, что современные концепции геополитики рассматривают территориальность как физическую протяженность в рамках четко обозначенных границ, внутри которых существует суверенитет. Однако, одна и та же территории не может одновременно находится под разными суверенитетами. Пространственность же отражает влияние и распределение политии в пространстве, поскольку ее границы гораздо шире, что позволяет надгосударственным образованиям распространять суверенитет на несколько территориальных политий одновременно [177]. В данном случае территориальность является по своей сути стратегией развития, в том числе, в вопросах использования силы и, как следствие, формирования региональных или глобальной систем безопасности, в том числе – ассиметричных.

То есть, пространство оказывает влияние не только на формирование государств и негосударственных образований, но оно также влияет на проявление ими силы в международных отношениях. При этом концептуализация «силы» как категории также, как и геополитика, имеет два противоположных подхода – реалистский и либеральный (постмодернистский).

В первом случае сила определяется как способность государства влиять на других, не подвергаясь при этом внешнему воздействию. В рамках данной парадигмы применение силы подразумевает принуждение и жесткое давление и сводится, главным образом, к военной мощи государства и способности вести войну [169]. Такая трактовка доминировала в период «холодной войны» и предполагает жесткую иерархию международной системы [157].

Второй подход, напротив, основан на концепции «мягкой силы» и включает не только материальные, но и нематериальные факторы, такие, например, как культурные ценности или привлекательность государственных институтов [174].

Однако сила, как ключевая категория геополитики, не может существовать в вакууме и игнорировать пространственное положение ее источника. При этом распределение силы и ее эффективность зависят от географического положения государств, их соседствующего окружения, доступа к ресурсам, транспортным маршрутам и т.д. То есть, необходимо соединение «источника силы» с определенной территорией, на которой он располагается, или на которую он воздействует, так как сила распространяется в конкретном пространстве, и в этом ее фундаментальность [32, 109].

В данном контексте современная география, как и современная геополитика, подтверждают Закон Тоблера о том, что «все взаимосвязано, но расположенные ближе друг к другу объекты взаимосвязаны больше, чем расположенные дальше» [197]. Примером данного закона в геополитике является модель влияния эффекта соседства на конфликтность и сотрудничество между государствами и регионами, в соответствии с которой географическая близость не всегда ведет к конфликту, но всегда увеличивает его вероятность или его эскалацию, либо наоборот, – кооперацию, в зависимости от исторического контекста, экономических интересов и действий правящих элит [176].

Однако понимание природы силы, объяснение причин, принципов и методов ее распространения, ее влияние на государства и отношения между

ними, невозможно без обращения к геополитике и рассмотрения вопроса о пространственном распределении силы и систем безопасности, так как именно географическое пространство является ключевой переменной, объясняющей феномен распространения силы.

В этой связи необходимо отметить, что фактор пространства в геополитике остается ключевым в силу двух причин.

Во-первых, глобальное распределение силы (военной, политической, экономической) исторически неравномерно и динамично. Центры мирового могущества (локусы силы) со временем смещаются, в результате чего одни государства возвышаются, а другие, наоборот, - приходят в упадок. Это циклический процесс, в котором каждая эпоха выделяет нового лидера, который с течением времени теряет свою гегемонию и уступает место следующему мировому лидеру. Именно такое перемещение центров силы служит главным двигателем мирового развития [89].

Во-вторых, существует выраженная асимметрия в части применения различных форм «силы», когда выбор между «мягкой» и «жесткой» силой существенно варьируется в зависимости от конкретного региона и характера межгосударственных отношений в нем [174]. Такая вариативность в выборе подходов подчеркивает, что в современной мировой политике не существует универсальной модели применения силы, так как выбор конкретных методов взаимодействия всегда определяется спецификой региона, характером отношений между государствами и их текущими политическими целями.

Таким образом, можно выделить две системы безопасности, которые формируются исходя из пространства, на которое они проецируются, акторов, которые проецируют силу на пространство, а также средств и методов, с помощью которых сила проецируется акторами.

Первой является симметричная система безопасности, в которой акторы обладают сопоставимыми военными, экономическими и политическими потенциалами, а их стратегии взаимодействия строятся на основе взаимного признания равенства возможностей. В симметричных системах баланс сил

поддерживается за счет равных возможностей сторон для достижения своих целей военно-политическими средствами.

Классическим примером симметричной системы безопасности является противостояние Организации Варшавского договора и НАТО в Европе, которое основывалось на территории, которую контролировали два блока, паритете вооруженных сил, включая ядерные потенциалы обеих сторон, а также на идеологическом дуализме. Обе коалиции обладали сопоставимым количеством личного состава, техники и вооружения, а их стратегии исходили из возможностей ведения крупномасштабной как конвенциональной войны, так и с применением ядерного оружия (Рисунок 2, Приложение В).

Рисунок 2 – система безопасности в Европе (по сост. на 1989 г.)
Источник: составлено автором на основе [35].

Другим современным примером симметричной региональной системы безопасности может служить Южная Азия. После обретения Индией и Пакистаном ядерного оружия оба государства имеют сопоставимые как обычные виды вооружений, так и сопоставимые ядерные потенциалы. Это привело к тому, что их перманентное противостояние в Кашмире сдерживается именно фактором взаимной уязвимости, даже в условиях перехода сторон к периодическим вооруженным столкновениям. Это создает

для них симметричную структуру сдерживания, аналогичную советско-американской периода холодной войны [201].

В отличие от симметричной, асимметричная система безопасности характеризуется значительным неравенством потенциалов акторов, при котором более слабая сторона компенсирует свою уязвимость за счет внешнеполитических и военных стратегий, а также использования своих географических преимуществ и географических уязвимостей другой стороны в конкретном регионе. В таких системах формальное военное превосходство одной стороны часто нивелируется географическими или военно-политическими факторами, используемыми другой стороной.

В качестве современного примера асимметричной системы безопасности можно привести ситуацию в зоне Персидского залива. В условиях начавшихся боевых действий в феврале 2026 г. Соединенные Штаты, сосредоточив в регионе три ударных авианосных группы, не смогли ничего противопоставить возможности Ирана не только блокировать Ормузский пролив, но и нанести неприемлемый ущерб находящимся в регионе военным базам США (включая уничтожение штаба 5-го флота в Бахрейне), нанеся при этом значительный военный и экономический ущерб союзникам США в регионе. В итоге это привело к прекращению активной фазы боевых действий на фоне отказа союзников США по НАТО вмешиваться в конфликт, коллапса экспорта энергоносителей и удобрений из стран Персидского залива, а также угрозы перекрытия Баб-эль-Мандебского пролива прокси-силами Ирана в Йемене [226].

Такая вариативность систем безопасности подчеркивает, что в современной мировой геополитике не существует универсальной модели применения силы, так как выбор конкретных средств и методов ее применения всегда определяется спецификой региона, где она применяется или планируется ее применение, характером отношений между сторонами, их политическими целями и военно-экономическим потенциалом.

Таким образом, современная геополитика рассматривает баланс сил не как статичное состояние, а как динамический процесс, в котором акцент делается на региональные и локальные аспекты, в которых ключевую роль играют не только великие державы, но и другие акторы, включая негосударственные.

То есть, асимметричные системы безопасности являются, по своей природе, геополитическими структурами, сформировавшимися в результате взаимодействия географических факторов и политических субъектов, а также процессов изменений, происходящих в них. Сами же геополитические структуры состоят из геополитических паттернов, - форм, размеров и физических характеристик геополитических единиц и сетей, которые их связывают и отличают от других геополитических единиц. Кроме того, они включают также и геополитические объекты – политико-географические центры, области и границы, которые вносят свой вклад в уникальность как геополитической единицы, так и всей геополитической системы в целом [139, 37].

Регион, являясь одновременно и самостоятельной, и взаимозависимой геополитической единицей, является, соответственно, и частью асимметричной системы безопасности, так как в большинстве своем регионы являются частью континентов и связаны между собой географической близостью, политическими, культурными и военными взаимоотношениями, а в некоторых случаях – исторической миграцией и общей историей возникновения государств.

Само понятие асимметричных систем безопасности не является новым в геополитике, оно трансформировало идеи [83; 166] о формировании баланса сил под влиянием географического положения и распределения ресурсов, подчеркивая, что контроль над ключевыми географическими пространствами определяет глобальное доминирование [194].

Понятие глобального господства привело к усилению внимания к роли асимметрии в современных международных отношениях. В условиях

анархичной международной системы государства по своей природе вынуждены максимально усиливать свое превосходство, что неизбежно приводит к формированию сложных асимметричных конфигураций, проявляющихся не только в отдельных регионах, но и в глобальном масштабе [170], представляя тем самым пример геополитического дуализма.

Концепция геополитического дуализма, как особое проявление асимметричной системы безопасности, представляет собой теоретическую конструкцию, объясняющую устойчивость конфронтационных систем, в которых ни один из акторов не обладает абсолютным превосходством. Ключевыми элементами концепции являются наличие двух центров силы с принципиально разными возможностями влияния, существование зон взаимного проникновения интересов, наличие механизмов сдерживания эскалации с обеих сторон, а также динамическое равновесие безопасности, поддерживаемое за счет постоянной коррекции сторонами своих стратегий.

Кроме того, концепция геополитического дуализма основана на нескольких фундаментальных принципах.

Во-первых, принцип асимметрии силы основан на предположении, что одна сторона обладает подавляющим военным, политическим и экономическим потенциалом, в то время как другая сторона обладает ограниченными, но важными ресурсами, включая выгодное географическое положение, энергетические ресурсы, союзнические обязательства или военную мощь [71, 112]. Во-вторых, принцип взаимозависимости означает, что даже в состоянии конфронтации вовлеченные стороны вынуждены учитывать интересы друг друга из-за общей цели предотвращения эскалации [161]. Третий принцип, динамизм, отражает постоянную эволюцию таких систем под влиянием внешних и внутренних факторов [196].

Таким образом, геополитический дуализм отличается от классического биполярного противостояния (например, периода холодной войны) тем, что не предполагает идеологического антагонизма и глобального характера противоречий. Это скорее региональная система сдержек и противовесов, где

стороны вынуждены учитывать интересы друг друга в силу географической, экономической и культурной взаимозависимости [117].

Географический детерминизм как методологическая основа для анализа асимметричных систем безопасности систематизирует влияние географических факторов на политические процессы. Однако в современной интерпретации географический детерминизм постулирует, что пространственные характеристики территории, ее расположение, конфигурация границ, доступ к морю и рельеф, оказывают решающее влияние на формирование стратегий безопасности государств [139]. Это явление особенно выражено в асимметричных системах, где географические различия между акторами могут служить как источником стратегического преимущества, так и источником уязвимости [150].

Анализ исторических примеров асимметричных систем безопасности показывает, что история международных отношений содержит значительное количество случаев, которые можно проанализировать для лучшего понимания современных процессов.

Классическим примером геополитического дуализма является противостояние Афин и Спарты в Древней Греции (V в. до н.э.). Морское превосходство Афин и сухопутное господство Спарты привели к установлению системы взаимного сдерживания, которая просуществовала несколько десятилетий. Отличительной чертой этой системы было четкое географическое разделение сфер влияния, использование союзников в качестве буферных зон и постоянная корректировка стратегий в ответ на действия противника [159].

В теоретических рамках географического детерминизма основополагающим понятием является пространственное распределение сил. Под этим понимается стабильная система взаимоотношений между субъектами геополитики, обусловленная их географическими характеристиками и параметрами безопасности [175].

Данная конфигурация определяется тремя отдельными группами факторов: во-первых, физико-географическими факторами, включая рельеф и гидрографию; во-вторых, политико-географическими факторами, такими как конфигурация границ, наличие анклавов (эксклавов) и соседних государств; в-третьих, экономическими и военно-политическими факторами, включая наличие и распределение военных и экономических ресурсов [148].

При этом, в асимметричных системах безопасности пространственная конфигурация всегда носит комплексный характер – уязвимости одного актора компенсируются его сильными сторонами в других измерениях, что в свою очередь создает динамическое равновесие [203].

Еще одним фундаментальным понятием географического детерминизма является понятие «естественных границ» [200]. В современном геополитическом контексте понятие естественных границ приобретает новое значение. Эти границы больше не являются просто физическими барьерами, а превращаются в «зоны трансформации угроз», где традиционные военные угрозы проявляются в гибридных формах давления [48].

Концепция «естественных границ», предложенная Маккиндером, также нашла современное применение в анализе современных асимметричных систем безопасности. В современной интерпретации она трансформировалась в теорию «стратегических анклавов» [149], согласно которой в условиях глобализации важны не столько обширные континентальные пространства, сколько ключевые точки контроля над коммуникациями и ресурсами. Идеальным примером такого стратегического анклава в Балтийском регионе является российский эксклав – Калининградская область, географическое положение которого, окруженного странами-членами НАТО, превращает его из потенциально уязвимой территории в мощный инструмент асимметричного влияния. Размещение в этом регионе современных систем вооружений в сочетании с географическими особенностями, такими как ограниченность пространства и близость к стратегическим коммуникациям, создает эффект мультипликатора силы, благодаря которому даже ограниченный военный

контингент способен контролировать значительную часть Балтийского региона [150].

Кроме того, теория географического детерминизма выделяет понятие «узел напряженности» (или «точка напряженности») – локальных ключевых географических точек, где концентрируются или могут концентрироваться противоречия между субъектами в асимметричной системе безопасности [177].

Географический детерминизм объясняет устойчивость этих точек в контексте понятия пространственного императива [139], которая доказывает, что определенные географические точки неизбежно становятся объектами соперничества между акторами в силу своего местоположения. Например, в Балтийском регионе это проявляется в том, что все попытки ослабить напряженность вокруг Датских проливов, в том числе посредством международных договоров, не могут отрицать их стратегического значения для всех участников, и которое является неотъемлемой частью географической конфигурации региона [182]. Кроме Датских проливов, в качестве других примеров ключевых точек (или узлов напряженности) можно привести Панамский и Суэцкий каналы, Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы.

Особый аспект географического детерминизма в анализе асимметричных систем связан с концепцией географии сдерживания [190], объясняющей, как географические особенности территории могут служить инструментом сдерживания даже для более слабых акторов. В контексте Балтийского региона это явление проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, необходимо учитывать фактор территориальной глубины. Например, обширные просторы России исторически служили естественным сдерживающим фактором для любого агрессора [152]. В современных условиях это преимущество трансформировалось в стратегию глубокой обороны, при которой угроза нанесения ответного удара по территории противника исходит из удаленных и географически защищенных позиций.

Во-вторых, необходимо учитывать эффект географического мультипликатора, который заключается в способности ограниченных военных контингентов, дислоцированных в стратегически важных точках, контролировать непропорционально большие территории, что объясняется особенностями рельефа и гидрографии [151]. Этот фактор приобретает особую актуальность для Калининградской области, где развертывание современных ударных систем России позволяет контролировать практически всю территорию Восточной Европы (Рисунок 3).

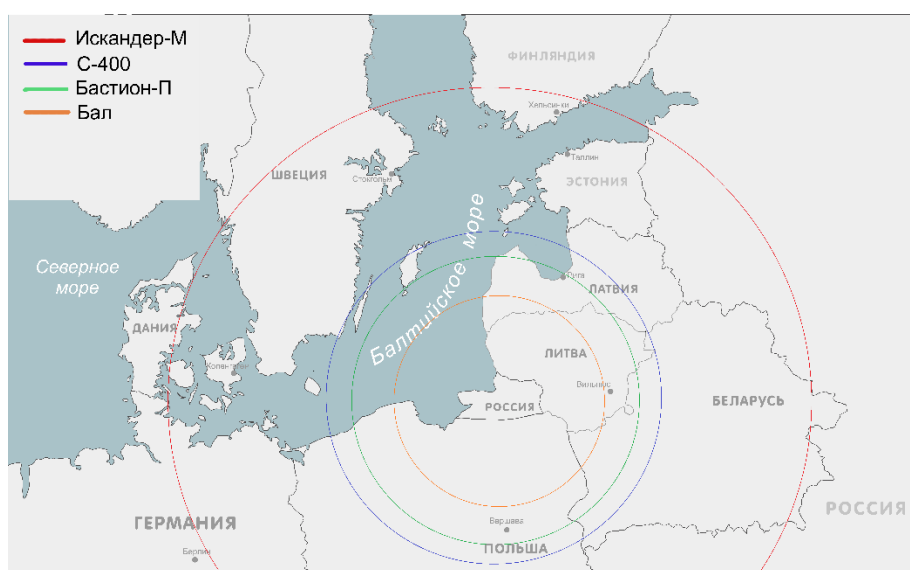

Рисунок 3 – Дальность поражения целей ракетным вооружением с территории Калининградской области.

Источник: составлено автором на основании [147], [162], [173], [190].

В-третьих, это наличие географических барьеров, когда природные препятствия, такие как реки, болота и лесные массивы, становятся частью оборонной стратегии государства. Этот фактор приобретает особое значение в контексте стран Балтийского региона, где он значительно ограничивает использование как больших надводных кораблей, подводных лодок, а также тяжелой техники и вынуждает НАТО адаптировать свою стратегию к специфике местности [165].

Несмотря на критику со стороны представителей альтернативных методологических подходов, географический детерминизм остается основным инструментом анализа современных асимметричных систем

безопасности. В то же время пространственные факторы по-прежнему оказывают определяющее влияние на стратегии государств, формы их взаимодействия и перспективы развития противостояния между ними. Вместе с тем, современная интерпретация географического детерминизма требует учета ряда ключевых элементов.

Во-первых, необходимо признать, что в условиях технологического прогресса абсолютное значение географических барьеров постепенно снижается. Однако их относительная важность сохраняется, поскольку современные системы вооружений не сводят на нет, а скорее трансформируют значение географических факторов.

Во-вторых, географический детерминизм должен учитывать новые факторы пространственной организации общества – киберпространство, информационное пространство и экономические связи, – которые создают новые измерения асимметричного противостояния [129].

Таким образом, геополитическую систему региона можно представить как динамическую и иерархически организованную структуру, в которой ключевую роль играет неравномерное распределение сил и потенциалов акторов (военных, экономических и политических). Такое распределение, обусловленное географическими факторами, прямо влияет на формирование в заданном регионе асимметричных систем безопасности, которые являются результатом взаимодействия государств и надгосударственных образований, обладающих различными ресурсными потенциалами, стратегическими возможностями и географическим положением. Такое взаимодействие приводит к установлению специфического, зачастую неустойчивого, баланса сил – фундаментального каркаса, на котором строится вся геополитическая система региона.

Функциональным проявлением пространственного распределения сил, в свою очередь, является асимметричная система безопасности в регионе, которая отражает тот факт, что в условиях географической и ресурсной асимметрии стороны вынуждены разрабатывать региональные стратегии,

которые учитывают и компенсируют их слабости и уязвимые места, а также максимизируют их сильные стороны в конкретном пространственном контексте. Такая асимметрия приводит к формированию сложных геополитических конфигураций, где военное превосходство одного государства (надгосударственного образования) может нивелироваться выгодным географическим положением, сетевыми союзами, экономическими возможностями или даже гибридными методами противодействия другого государства, что, в свою очередь, является классическим примером геополитического дуализма (Приложение Г).

Необходимо отметить, что системы безопасности не являются статичными конструкциями – они постоянно трансформируются под воздействием комплекса факторов, включая изменение баланса сил, технологические прорывы, географические условия и появление или влияние новых акторов. Переход от симметричной системы безопасности к асимметричной происходит в тех случаях, когда нарушается равенство потенциалов участников. Так, при возникновении ресурсной асимметрии, например, при резком наращивании военной мощи одной из сторон, а также при использовании слабой стороной выгодного географического положения, ранее существовавшая симметричная система утрачивает равновесие и приобретает асимметричный характер. Обратная трансформация – от асимметричной системы к симметричной – происходит реже и требует более длительных процессов, становясь возможной в тех случаях, когда более слабая сторона наращивает свой военно-экономический потенциал до уровня сильной, например, путем создания или приобретения ядерного оружия, создания сопоставимых обычных вооруженных сил или заключения союзных договоров, обеспечивающих баланс сил в регионе [198].

Наиболее показательным примером описанной трансформации является Корейский полуостров, где обе системы безопасности прошли сложную эволюцию от асимметричной к симметричной конфигурации. В первые десятилетия после Корейской войны (1950-1953 гг.) система безопасности на

полуострове носила ярко выраженный асимметричный характер. КНДР, пользуясь поддержкой СССР и Китая, создала значительное превосходство в обычных вооружениях, особенно в артиллерии, танках и численности личного состава, тогда как Южная Корея, чья экономика только начинала восстанавливаться после разрушительной войны, обладала ограниченным военным потенциалом и полностью зависела от присутствия американских войск. КНДР также имела преимущество в географическом положении – близость к демилитаризованной зоне позволяла ей угрожать Сеулу, расположенному всего в 50 километрах от границы, артиллерийским огнем без необходимости глубокого вторжения. Однако начиная с 1970-х гг. ситуация начала постепенно меняться. Экономическое развитие Южной Кореи позволило ей инвестировать значительные средства в модернизацию вооруженных сил. К 1980-м гг. Южная Корея не только догнала, но и по ряду параметров превзошла КНДР по качеству обычных вооружений, создав сопоставимый военный потенциал, что на фоне ослабления военной помощи со стороны России в начале 1990-х гг. привело к асимметрии уже в пользу Южной Кореи. Однако создание КНДР ядерного оружия в 2000-е гг., привело к окончательной трансформации системы безопасности на Корейском полуострове из асимметричной в симметричную [137]. В настоящее время обе стороны обладают сопоставимыми обычными вооруженными силами (с учетом качественного превосходства Южной Кореи и количественного – КНДР), а наличие ядерного потенциала у Пхеньяна создает классическую структуру ядерного сдерживания, аналогичную советско-американской периода холодной войны. При этом географический фактор, ранее дававший преимущество КНДР, не утратил своего значения полностью, но был компенсирован Сеулом за счет технологического превосходства и союзнических фактора США [189].

Пример Корейского полуострова наглядно демонстрирует, что трансформация симметричной системы безопасности в асимметричную и наоборот всегда обусловлены динамикой пространственного распределения

силы, географическим детерминизмом и стратегической адаптацией сторон. Это, в свою очередь, подтверждает тезис о том, что системы безопасности не являются постоянными, а представляют собой эволюционирующие геополитические структуры.

Таким образом, географический детерминизм в его современной интерпретации остается ключевым инструментом для понимания логики, лежащей в основе асимметричных систем безопасности. Однако необходимо постоянно совершенствовать методологический аппарат и учитывать возникающие факторы, влияющие на пространственную конфигурацию международных отношений. В контексте Балтийского региона это требует тщательного изучения традиционных географических факторов в сочетании с современными вызовами и угрозами. Такой подход позволяет прояснить современную геополитическую конфигурацию региона и одновременно облегчить прогнозы относительно его будущего развития. Этому способствует растущая асимметрия между Россией, государствами региона и внешними акторами, включая США, Великобританию, НАТО и Европейский союз.

Данный подход позволяет синтезировать принципы географического детерминизма с современными представлениями о сложности международных отношений и геополитических систем, в которых сила является многомерной и пространственно-обусловленной категорией. При этом пространственное распределение сил (баланс сил) задает статичную (или медленно меняющуюся) основу геополитической стабильности, в то время как асимметричная система безопасности представляет собой ее динамический, процессуальный аспект, который постоянно адаптируется к изменениям баланса сил, возникающим и трансформирующимся угрозам, формируя, трансформируя или разрушая геополитическую стабильность.

Таким образом, геополитическая стабильность, основу которой составляет стабильность стратегическая, является условием устойчивости как глобальной, так и региональных политических систем. При этом стратегическая стабильность представляет собой такое равновесие, при

котором ни одна из сторон не способна извлечь преимуществ из нарушения военно-политического баланса, а следовательно, не стремиться к его нарушению.

Следовательно, пространственное распределение сил в общем, и асимметричные системы безопасности, в частности, в контексте их влияния на формирование и трансформацию геополитической системы любого региона, являются взаимно обуславливающими. Так, пространственное распределение сил создает предпосылки для асимметрии в безопасности, которая, в свою очередь, оказывает обратное влияние на перераспределение сил через формирование или изменение альянсов и блоков, развитие военных доктрин и экономических стратегий государств, закрепляя тем самым устойчивость геополитической системы региона.

ГЛАВА 2. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

2.1. Географические детерминанты формирования геополитической конфигурации в Балтийском регионе

В контексте концепции асимметричных систем безопасности и пространственного распределения сил Балтийский регион представляет собой уникальную модель асимметричной системы безопасности, в которой географические и политико-географические факторы формируют устойчивую конфигурацию геополитического дуализма. Такая система характеризуется, прежде всего, взаимодействием двух центров силы – военно-политическим союзом государств региона (НАТО и Европейский союз), обладающим военно-политическим доминированием, с одной стороны, и Российской Федерацией, использующей ограниченные, но стратегически значимые рычаги влияния, с другой стороны.

Геополитическое значение Балтийского региона исторически определялось его ролью в качестве арены столкновения России и региональных, а позднее и мировых держав. Однако если классические геополитические концепции рассматривали регион сквозь призму статичного контроля над пространством, то в контексте современного геополитического подхода Балтийский регион необходимо рассматривать не только с точки зрения контроля сухопутного и морского пространств, но и с позиции изменения значения отдельных геополитических характеристик региона. В первую очередь речь идет об изменении его политической роли вследствие изменений технологий власти и силы [79, 16]. При этом, при всей своей относительности, пространственная характеристика является основой силового потенциала, что упрощает исходные положения при изучении национальных интересов.

Эволюция глобальной политической структуры от биполярного устройства к системе *Pax Americana* изменили и природу власти государств, а следом – и надгосударственных образований. Эти изменения, в свою очередь, оказали существенное влияние на концептуализацию как европейского пространства в целом, так и Балтийского региона в частности.

Трансформация военной мощи государств происходила в два последовательных этапа – индустриализация армий и появление стратегических вооружений. Индустриализация армий кардинально изменила характер войн, резко повысив мобильность войск, их мощь и коммуникации, а также нейтрализовав многовековое стратегическое значение ландшафта и рельефа местности. Появление стратегических ядерных вооружений привело к фундаментальному сдвигу в военной стратегии, заменив традиционные масштабные сухопутные операции возможностью мгновенного достижения целей войны одним ударом, что исключило необходимость длительной мобилизации экономики [164, 94].

Таким образом, к середине XX в. географический фактор, традиционно считавшийся самым стабильным элементом мировой политики, стал утрачивать свою первостепенную важность, в то время как значение современных видов вооружений и технологий, как наиболее изменчивой компоненты силы, существенно возросло.

Однако, после окончания периода «холодной войны», распада Советского Союза и социалистического блока в Восточной Европе, а также с началом глобализации, значение географического пространства в геополитике начало возрастать, по двум причинам. Во-первых, прекратилось военное противостояние двух мировых держав и возглавляемых ими блоков – НАТО и ОВД, что привело к вакууму силы и дестабилизации в ключевых регионах, ранее находившихся в сфере Соединенных Штатов и Советского Союза (например, Балканы, Восточная Европа, Кавказ и Центральная Азия). Это вновь сделало критически важным для обеспечения безопасности не только контроль над территориями, но также над транспортными коридорами и

границами. Во-вторых, глобализация, парадоксальным образом, не отменила значение географии, а трансформировала его. С расширением понятия «пространство» возникли и новые формы борьбы за него, за контроль над цифровыми пространствами и данными, кибербезопасность, а также необходимость обеспечения безопасности глобальных логистических маршрутов, морских торговых путей и трубопроводов [64,12].

В данном контексте Балтийский регион необходимо рассматривать как целостный, но внутренне противоречивый регион, уникальность которого заключается в его двойственной природе. С одной стороны, он является частью как российской, так и европейской геополитической, экономической и культурной систем, которые находятся в состоянии асимметрии. С другой стороны, процесс геополитической трансформации Балтийского региона характеризовался усилением разделения границ между Россией и государствами региона, как морских, так и сухопутных, что привело к тому, что регион приобрел ярко выраженную двойственную структуру [47]. При этом двойственность региона, обусловленная антагонизмами «Россия – НАТО» и «Россия – ЕС» [108], усиливает его определение как сугубо геополитическое пространство.

То есть, двойственное геополитическое объяснение Балтийского региона свидетельствует о том, что его границы обусловлены не только географическими критериями, равно как и не только балансом сил. Необходимо также учитывать и этнический и культурный факторы, что, например, бывшие Прибалтийские республики ассоциируют себя как «органическую часть Запада, «похищенную» Советским Союзом» [72] после 1940 г. Таким образом, Балтийский регион и особенно Прибалтика, это не просто геополитическое пространство, – это идея [80], в которой совмещаются объективные географические характеристики и расстановка сил ведущих держав, что «отражает и укрепляет региональную идентичность и помогает обосновать политическую повестку дня и способствует ее легитимизации в глазах граждан» [73].

В данном контексте Балтийский регион представляет собой феномен геополитической системы, в которой географический и политический факторы проявляются вне зависимости друг от друга – с одной стороны, регион стал местом прямого конфликтного соприкосновения России и НАТО, с другой стороны – причины их политического конфликта имеют внерегиональные корни и находятся за его пределами [109].

Отправной точкой для определения Балтийского региона и как географического, и как политико-географического, и как геополитического пространства является бассейн Балтийского моря [70; 77; 181], которое, являясь центральным географическим элементом региона, играет роль не просто водного пространства. В первую очередь, Балтийское море является ключевым фактором в определении границ региона и его политико-географический состав, который принято определять государствами, имеющими непосредственный выход к Балтийскому морю, которые условно можно было разделить на три группы: Скандинавские страны (Финляндия, Швеция, Дания); страны Балтии (Эстония, Латвия, Литва); Россия, Германия и Польша [88; 184] (Рисунок 4).

Рисунок 4 – Границы Балтийского региона

Источник: составлено автором на основании [70; 77; 88; 181].

Замкнутый характер Балтийского моря, его небольшие размеры и глубины (Рисунок 5), превращает его в потенциальный и трудный театр военных действий [105], на котором преимущества крупных надводных и подводных кораблей нивелируются малыми, но мобильными морскими силами, значение которых в замкнутых морских пространствах в условиях применения современного вооружения значительно возрастает [208]. Напротив, роль и значение крупных морских соединений, основу которых составляют крейсера, эсминцы и ударные (атомные) подводные лодки, слишком велики, чтобы их можно было эффективно использовать в прибрежных водах, особенно в закрытых и полузакрытых районах, известных как «узкие моря» [199].

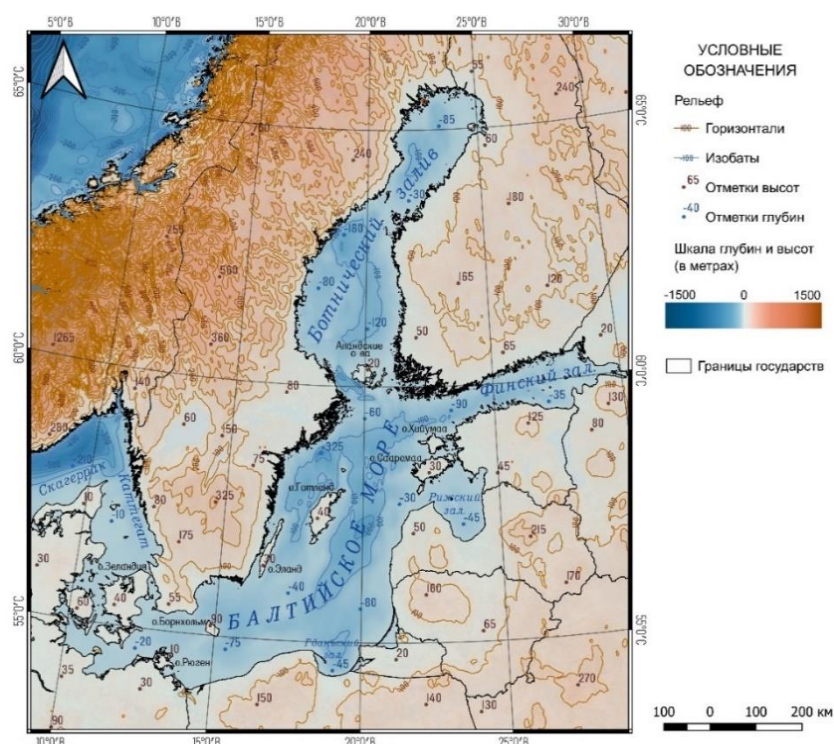

Рисунок 5 – Физическая и батиметрическая карта Балтийского моря.
Источник: составлено автором на основе [215]

Финский залив, протяженностью около 400 км при средней ширине 80 км (сужающийся в районе Невской губы до 12 – 15 км) создает естественный географический коридор, трансформируя водное пространство в стратегический транспортный проход, контроль над которым определяет возможности доступа к ключевым экономическим и политическим центрам

региона. Кроме того, устье Финского залива и политико-географическая структура его побережья сформировали сложную мозаику интересов и взаимозависимостей прибрежных государств – России, Финляндии и Эстонии, которая обусловлена границами их территориальных вод и шириной полосы международных (нейтральных) вод (рисунок 6), которая по обоюдному согласию Эстонии и Финляндии была расширена ими до 6 морских миль (около 11 км) – по три морских мили каждой стороной от срединной линии [17].

Экономическая значимость Финского залива определяется, во-первых, интенсивностью торговых потоков через его акваторию, а во-вторых, его стратегическим (военным и экономическим) значением для России. Такое разделение акватории создает естественный рубеж, где стороны вынуждены учитывать не только взаимные интересы, но, одновременно, наращивать свое военное присутствие, чтобы не уступить стратегическую инициативу.

Рисунок 6 – Схема территориальных вод Российской Федерации, Финляндии и Эстонии, а также нейтральных вод в акватории Финского залива. Источник: составлено автором на основе [9], [10], [11], [17].

Учитывая замкнутость Балтийского моря, принципиальное значение в географии региона и, особенно, для судоходства, приобретают Датские (или Балтийские) проливы – Каттегат, Эресунн (или Зунд), Большой и Малый Бельт (рисунок 7). Эти узкие и мелководные в своих критических точках морские

коридоры являются единственным выходом из Балтийского моря в Северное и далее в Атлантический океан. Данный факт делает проливы еще одной ключевой точкой региона – все проливы (включая пролив Скагеррак) контролируются странами-членами НАТО, что предоставляет Альянсу в случае конфликта или политического кризиса установить над проливами эффективный контроль над входом в Балтийское море и выходом из него, осуществив фактически его блокаду несмотря на их международный статус и свободу их использования всеми странами [3; 21]. В этом смысле «география превратила Данию в “привратника” Балтики, а ее членство в НАТО – в гарантию того, что ключи от этих ворот находятся в руках Запада» [153, 78].

Рисунок 7 – Система Датских (Балтийских) проливов и пролива Скагеррак (Норвегия)

Источник: составлено автором на основе [3], [15], [16], [19], [21].

Возможность закрыть проливы для судоходства и фактически «запереть» Балтийское море является мощным военно-политическим инструментом Запада для оказания экономического и политического давления на Россию, наравне с возможностью ограничения прохода кораблей и судов в акватории Финского залива, например, за счет расширения Эстонией прилегающей зоны до 12 морских миль (22 км) от базовой линии

территориального моря Эстонии и 24 морских миль (44 км) от берега [224], что позволит эстонским властям останавливать и досматривать «подозрительные» суда за пределами морской территории Эстонии [106].

Учитывая наличие в Балтийском регионе эксклавного субъекта Российской Федерации – Калининградской области, а также баз Балтийского флота в Балтийске и Кронштадте, для России свобода судоходства в акваториях Финского залива и Балтийского моря (как и свободный проход кораблей и судов через Датские проливы) имеет стратегическое значение, так как любая политическая дестабилизация обстановки в регионе, не говоря уже о военной, может немедленно привести к нарушению грузоперевозок между основной территорией России и Калининградской областью, а корабли Балтийского флота окажутся запертыми на базах.

Еще одной из ключевых географических детерминант Балтийского региона как асимметричной системы безопасности является наличие в Балтийском море крупных островов, принадлежащих государствам региона: Борнхольм (Дания), Готланд (Швеция), Сааремаа (Эстония) и Аландские острова (Финляндия) (рисунок 8).

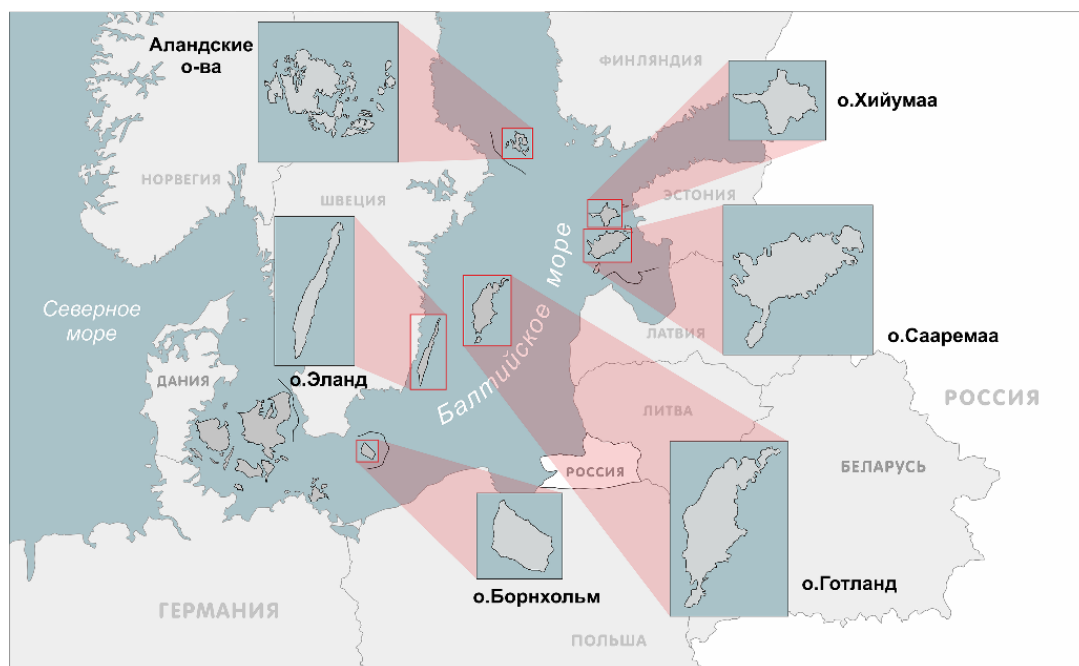

Рисунок 8 – Главные острова Балтийского моря.
Источник: составлено автором на основе [191].

Эти острова хотя и не создают прямых препятствий для судоходства в акватории Балтийского моря, однако они позволяют разделить акваторию моря на отдельные зоны контроля как морского, так и воздушного пространства, особенно в случае милитаризации островов.

Кроме того, милитаризация островов и размещение на них современных систем вооружения, таких как противокорабельных ракетных или зенитных ракетных комплексов, а также систем РЭБ, позволяет контролировать береговую линию и территорию южного и юго-восточного побережья Балтийского моря вплоть до Санкт-Петербурга. В результате возникает ситуация, когда с учетом особенностей балтийского мелководья тот, кто контролирует острова, контролирует коммуникации [127, 134]. То есть, в условиях возможного конфликта значение островов возрастает многократно.

На суше важнейшими с военно-политической точки зрения географическими точками как для России, так и для НАТО, выступают российский эксклав – Калининградская область, и узкий промежуток на границе Польши и Литвы – Сувалкский коридор (рисунок 9).

Рисунок 9 – Калининградская область и Сувалкский коридор
Источник: составлено автором на основе [67, 68, 69, 107, 162, 173, 190].

Сувалкский коридор, представляющий собой узкую полосу суши протяженностью около 100 км на границе между Польшей и Литвой, является одним из ключевых элементов асимметричной системы безопасности Балтийского региона. Его географическое положение между Калининградской областью на западе и Беларусью на востоке определяет его стратегическую значимость как для Российской Федерации, так и для Североатлантического альянса.

Необходимо отметить, что исторически Сувалкский коридор никогда не имел столь выраженного стратегического значения, которое он приобрел после вступления в НАТО бывших Прибалтийских республик СССР, когда его роль резко возросла, так как он стал не только транспортным коридором между Литвой и Польшей, но и символическим рубежом между зонами влияния России и Запада в Балтийском регионе.

Географическое положение Сувалкского коридора имеет стратегическое значение, прежде всего, для НАТО, которое обусловлено его критической ролью в обеспечении сухопутной связи между Прибалтийскими республиками и остальной частью Альянса. Таким образом, геополитическое значение Сувалкского коридора заключается в его способности влиять на баланс сил в регионе, поскольку даже в аналитических докладах США и НАТО он фигурирует не иначе как «ахиллесова пята» Альянса на его восточном фланге [162].

Географическое положение Сувалкского коридора, расположенного в равнинной лесисто-болотистой местности, ограничивает возможности для использования и маневра крупных воинских соединений (особенно с использованием тяжелой техники), что делает его сложным для проведения масштабных военных операций. Однако, именно такая ограниченность и сложность пространства усиливает его стратегическое значение, поскольку контроль над Сувалкским коридором позволяет контролировать единственный сухопутный маршрут, связывающий страны Балтии с Польшей и далее – со странами Западной Европы. В случае конфликта или кризиса

перекрытие коридора Россией позволяет не только изолировать Литву, Латвию и Эстонию от остальных членов НАТО, но изолировать потенциальный театр военных действий на их территории, создав тем самым оперативный вакуум и прекратив логистику Альянса [190].

Таким образом, Сувалкский коридор представляет собой не только географический объект, но и сложный геополитический феномен, в котором сочетаются военные, экономические и символические аспекты, значение которого выходит за рамки локального конфликта интересов и отражает тенденции глобального геополитического противостояния в Балтийском регионе. Контроль над Сувалкским коридором, или даже возможность такого контроля, становится инструментом влияния, который подтверждает тезис о том, что в условиях асимметричной системы безопасности географические детерминанты продолжают играть ключевую роль, определяя как возможности, так и ограничения для региональных и внерегиональных игроков [193], а контроль таких географических точек способен определять расстановку сил в пределах всего региона [134].

Однако наиболее важной географической и, как следствие, геополитической точкой на карте Балтийского региона является Калининградская область. При этом, как и в случае с Сувалкским коридором, она является геополитическим феноменом, наличие и значение которого имеет огромное геополитическое значение как для России, так и для Запада, особенно для бывших советских республик Прибалтики.

Главным фактором, влияющим на геополитическую обстановку вокруг Калининградской области, является ее полуэкславное положение. При этом, до начала обострения отношений с соседними государствами, географическое положение Калининградской области создавало не только угрозы, но и возможности для ее развития в рамках трансграничного сотрудничества [67, 107]. Кроме того, в период существования Советского Союза у Калининградской области отсутствовали проблемы транспортной

доступности с другими регионами страны, отсутствовали угрозы морской или сухопутной экономической блокады региона [69, 245].

После распада Советского Союза Калининградская область оказалась фактически отрезанной от основной части Российской Федерации государствами, вышедшими из состава СССР и которые всячески демонстрировали свои антироссийские настроения. В этих условиях впервые возник вопрос обеспечения экономической, транспортной, энергетической и военной безопасности региона, поскольку область столкнулась с проблемами грузового и пассажирского транзита через территорию ставшей независимой Литвы, что в существовавших условиях создавало значительные проблемы для снабжения области с территории России [107]. После того, как Польша и государства Прибалтики вступили в НАТО и Европейский союз, Калининградская область приобрела все признаки эксклава, при этом став одновременно полуанклавом внутри НАТО и Европейского союза [69, 249].

Начиная с этого времени начался период ухудшения отношений как с Европейским союзом, так и с отдельными государствами региона, который начиная с 2014 г. привел к еще большей конфронтации в отношениях между Российской Федерацией, Европейским союзом и государствами региона и актуализировал проблему «двойной периферии», то есть проблему региона, который находится на периферии как по отношению к основной территории страны, так и по отношению к соседним государствам, являясь эксклавом по отношению к России и анклавом для Евросоюза [112, 8]. Таким образом, можно констатировать, что Калининградская область, поэтапно проходя процесс «эксклавизации» после распада СССР, перешла от эксклавности юридической к эксклавности фактической [68, 37]. В итоге это привело не только к обострению межгосударственных отношений, но и к изменению роли Калининградской области, связанной с ее географическим положением. В условиях географической и экономической изоляции от основной части России, Калининградская область стала рассматриваться не иначе, как «военный форпост» России на Западе.

В условиях вступления в НАТО трех Прибалтийских республик, Польши, а также Финляндии и Швеции, и последовавшей за этим милитаризацией региона, логичным выглядит факт, что военная активность России в Калининграде является ответом на расширение НАТО, которая направлена на сдерживание альянса в Балтийском регионе [147]. В частности, речь идет об увеличении контингентов НАТО на территории Прибалтийских республик и Польши, размещении военных баз, проведении масштабных учений, а также о создании логистической инфраструктуры в регионе Балтийского моря.

То есть, в настоящее время Калининградская область является ключевым элементом не только асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе, но и играет ключевую роль в пространственном распределении сил в регионе, что превращает российский эксклав в фактор сдерживания НАТО, влияющий на баланс сил в регионе. В этих условиях значение Калининградской области определяется не только значительным военным присутствием России в регионе, но и ее способностью влиять на стратегические планы сторон, создавая для НАТО «зону риска». Такой контроль в регионе позволяет России компенсировать свое относительное ослабление на западном направлении, однако сохраняя при этом статус ключевого игрока в региональной геополитике.

Таким образом, рассмотрение географического пространства Балтийского региона в целом, а также его ключевых географических точек как отдельно, так и в их взаимосвязи, подтверждает, что контроль ключевых точек в отдельно взятом регионе является важной компонентой создания, трансформации и функционирования асимметричной системы безопасности, которая, в свою очередь, непосредственно влияет на пространственное распределение сил в регионе.

Географические объекты, такие как проливы, заливы и острова, а также политико-географическое положение стран имеют не только физическое и политическое измерение, но и влияют на расстановку сил в регионе, а также

на принятие сторонами стратегических решений. Кроме того, различное восприятие сторонами значения как отдельно взятого географического объекта, так и их региональной совокупности, имеет непосредственное значение для распределения сил в регионе, поскольку стороны по-разному оценивают риски и возможности, связанные с одними и теми же географическими объектами (Рисунок 10).

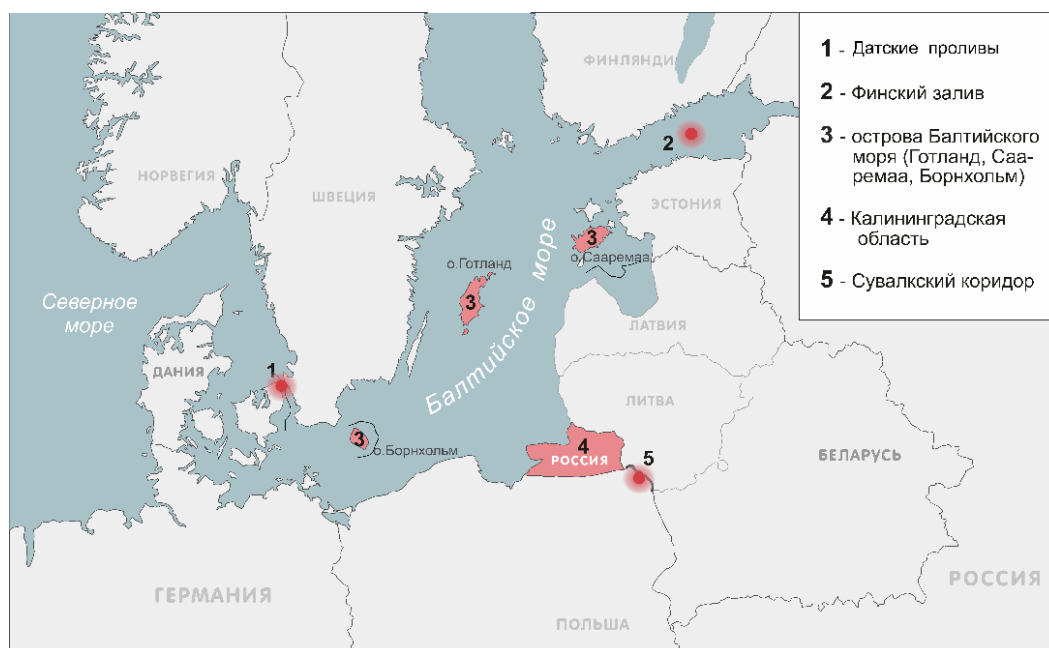

Рисунок 10 – Ключевые географические точки Балтийского региона
 Источник: составлено автором на основе [3; 10; 11; 17; 19; 21; 67; 68; 69; 107; 162; 173; 190; 191].

Таким образом, Балтийский регион представляет собой сложную систему, где сложное взаимодействие географических и политико-географических детерминант создают устойчивую конфигурацию геополитического дуализма. Замкнутость морского пространства, ключевые географические точки, эксклавность Калининградской область и конфигурация границ государств региона, рассматриваемые в комплексе, формируют геополитическую систему, в которой ни одна из сторон не может достичь абсолютного превосходства, что подтверждает положения о том, что географический детерминизм остается ключевым инструментом для анализа и оценки пространственного распределения сил в отдельно взятом регионе мира.

2.2. Геополитическая трансформация Польши и Прибалтийских государств после окончания холодной войны

Рассматривая Балтийский регион как модель асимметричной системы безопасности, как сложную систему взаимодействия субъектов международных отношений, детерминированную, в том числе географическими факторами, ее необходимо рассматривать в контексте процессов формирования и трансформации всей геополитической системы региона. При этом также необходимо рассматривать участие в этих процессах нерегиональных и надгосударственных акторов, главным образом – Соединенных Штатов и НАТО, так их роль в этих процессах во многом являлась определяющей [36].

Как уже отмечалось, после распада Организации Варшавского договора и крушения Советского Союза, главной геополитической стратегией США стало наращивание своего присутствия в Восточной Европе, включая регион Балтийского моря. Начиная с этого времени Восточная Европа стала играть центральную роль в реализации американского проекта новой Европы и нового американо-европейского партнерства, началом новой эры и дебатов, как о будущем Европы, так и о будущем отношений США с Европой. Эти процессы инициировали фундаментальную трансформацию политической карты Восточной Европы, включая бывшую советскую Прибалтику.

Вместо единого геополитического пространства, десятилетиями находившегося в сфере интересов и контроля Советского Союза, на восточном побережье Балтийского моря сформировалась принципиально новая конфигурация сил, представленная четырьмя новыми независимыми государствами – Российской Федерацией (фактически преемницей СССР), Латвией, Литвой и Эстонией, а также Польшей.

Именно в этот период Россия начала стремительно утрачивать в регионе не только политический контроль, но и свое геополитическое влияние в Восточной Европе, поскольку западные страны, и в первую очередь Соединенные Штаты Америки, развернули активную деятельность по

усилению своего присутствия в обретших независимость Польше и Прибалтийских республиках [113]. Этот период стал эпохой интенсивного геополитического переформатирования Балтийского региона, являвшейся неизменной с момента окончания Второй мировой войны.

В ходе этой трансформации объективные (географические) факторы и комплекс субъективных факторов (таких, например, как цели представителей национальных элит, влияние и установки внешних политических акторов) в своей совокупности предопределили демонтаж прежней и формирование качественно новой, и внутренне конфликтной системы безопасности, которая заложила фундаментальные предпосылки для последующей милитаризации региона [85]. Именно в эти годы происходило формирование и внешнеполитических стратегий Польши и трех Прибалтийских республик, исходившей из принципиальной позиции, согласно которой они являются не просто частью европейской цивилизации, а ее «органической частью, «похищенной» Советским Союзом» [72]. Данная установка подразумевала не только декларацию собственной принадлежности к западному миру, но и настойчивое требование от европейского и мирового сообщества официального признания факта «советской оккупации» со всеми вытекающими из этого политическими, правовыми и моральными последствиями.

Таким образом, стремление к независимости и международной субъектности государств Балтии и Польши основывалось на субъективном и, что более важно, конъюнктурном факторе – отчетливо выраженном желании националистически ориентированных элит этих государств, подкрепленном историческими нарративами об «отобранной Советами независимости» [30]. Это предопределило вектор внешней политики четырех государств, направленный на решительный разрыв отношений с Россией и всестороннюю интеграцию с западным сообществом. Причем этот вектор был сформирован еще до того, как сам распад СССР стал объективно неизбежным и необратимым.

Официальное признание независимости Латвии [6], Литвы [7] и Эстонии [8] постановлениями Государственного Совета СССР 6 сентября 1991 г. ознаменовало собой начало качественно нового этапа, на котором ключевым и системообразующим фактором, определившим вектор развития всего Балтийского региона, стала позиция и целенаправленная политика Соединенных Штатов Америки относительно новых суверенных государств.

В годы холодной войны геополитическая ситуация в Балтийском регионе, поддерживаемая социалистическим статусом Польши и ГДР, а также нейтралитетом Швеции и Финляндии, существенно ограничивала возможности США по продвижению здесь своих стратегических концепций. Однако после объединения Германии, роспуска Организации Варшавского договора и крушения Советского Союза, главной геополитической стратегией Вашингтона становится планомерное наращивание своего политического, экономического и военного присутствия как в Восточной Европе, так и в регионе Балтийского моря. В частности, Д. Чейни, Министр обороны в Администрации Дж. Буша-старшего, называл такие цели желательными и призывал использовать «значительные изменения в подходах к работе» и, среди прочего, учитывать кардинальные изменения в Организации Варшавского договора при долгосрочном планировании [259].

Такой подход к оценке пространственного значения Польши и трех новых Балтийских государств в геополитических интересах Соединенных Штатов констатировал факт, что «Прибалтика, в силу своего географического положения, должна входить в сферу геостратегических и геополитических интересов США, поскольку именно в этом регионе Россия непосредственно “соприкасается” с Европой, являющейся геополитической базой США» [126]. При этом главная задача Соединенных Штатов заключается «не в том, чтобы “исправить” Западную Европу, а в том, чтобы “исправить” Европу в целом, стать частью усилий Европы по расширению и интеграции Западной Европы с Восточной» [125].

Одним из ключевых инструментов формального юридического и политического закрепления этого влияния стала Американо-Балтийская хартия партнерства (*US-Baltic Charter*), подписанная в январе 1998 г [14]. В этом документе в качестве общей и не подлежащей пересмотру цели партнеров провозглашалась полная и всеобъемлющая интеграция Эстонии, Латвии и Литвы в европейские и трансатлантические политические, экономические институты, а также в институты безопасности и обороны, включая, что особенно важно, Европейский союз и НАТО. В более глубоком смысле Хартия фактически закрепляла зависимое положение Прибалтийских государств, предоставляя Соединенным Штатам уникальную возможность гибко «использовать» эти страны, в зависимости от текущей конъюнктуры, в качестве инструмента влияния на Россию. Фактически, прибалтийским элитам дали понять, что окончательное решение вопроса об их вступлении в НАТО напрямую зависит от того, насколько успешно они смогут выстроить свои отношения с Россией и, что важнее, насколько последовательно они будут демонстрировать в этом свою лояльность Западу [38]. При этом все три прибалтийских лидера, – А. Бразауска, Г. Улманис и Л. Мери, призвали США принять активное участие в формировании общего евроатлантического будущего в Балтийском регионе [18].

В дальнейшем геополитическое значение Балтийского региона для национальных интересов США неоднократно подтверждалось именно в контексте оказания влияния на Российскую Федерацию. В частности, целевая группа Сената США по международным отношениям утверждала, что Северо-Восточная Европа должна являться «точкой фокуса» внешней политики Администрации Б. Клинтона, так как в годы холодной войны этот регион был стратегической периферией и не играл значительной роли в политике Соединенных Штатов. Однако после ее окончания ситуация изменилась и Северо-Восточную Европу необходимо рассматривать в качестве приоритета, как регион для интеграции Восточной и Западной Европы в единое экономическое и политическое пространство. Кроме того, Северо-Восточная

Европа служит «пробным камнем» в отношениях с Россией так как именно здесь пересекаются интересы США и России, и нестабильность в любой из этих точек затрагивает всех. Балтийский регион остается единственным местом в Европе, где потенциально возможна прямая конфронтация между США и Россией, поэтому Вашингтон крайне заинтересован в снижении напряженности и содействии стабильному развитию этих стран [133].

Однако стратегия Соединенных Штатов предполагала, что балтийский вопрос не станет рассматриваться Россией как причина перекраивания карты безопасности в северо-восточной Европе, и который может спровоцировать кризис между странами Запада и Россией, так как отсутствие естественных барьеров на пространстве от Пиренеев до Санкт-Петербурга потребовало бы от России продвижения на запад с целью обезопасить себя от возможности вторжения, что делает положение Польши и Балтийских стран проблемным.

То есть, стратегия США в отношении России рассматривала, в том числе, пространство соседних с ей государств одновременно и как фактор сближения с Россией, и как фактор оказания на нее политического и экономического давления.

В данном контексте географическое пространство, занимаемое Эстонией, Латвией и Литвой, исторически обладавшее двойственным геополитическим потенциалом, - ограниченными размерами их территорий и географическим положением на перекрестке геополитических интересов «больших держав», - предопределили ту специфическую роль, которую этим государствам было суждено играть в системе международных отношений на протяжении столетий [28]. То есть их местоположение на стыке Запада и Востока традиционно делало их не самостоятельными субъектами геополитических процессов, а объектом притязаний и ареной соперничества крупных региональных, а впоследствии и глобальных держав.

Такая оценка ценности данного геополитического пространства полностью подтверждает тезис о том, что слабые и политически неустойчивые государственные образования, расположенные на границах великих держав,

неизбежно становятся либо их буферными зонами, призванными амортизировать столкновение интересов крупных держав, либо зонами перманентного конфликта между ними [115, 118].

Это позволяет утверждать, что три Прибалтийских государства обязаны своим существованием не столько внутренним предпосылкам, сколько роли «буфера» в противостоянии более крупных держав и изменению баланса сил в регионе связанных, прежде всего, с крушением Советского Союза. Приобретенный ими суверенитет, в данном случае, — это результат геополитического торга новой России и США. А их последующее вступление в НАТО и Европейский союз, инициированное и поддержанное Соединенными Штатами, стало «осознанным выбором» государств Балтии присоединиться к западному центру силы для того, чтобы гарантировать свой суверенитет от потенциального давления с Востока. То есть ключевым фактором в выборе Прибалтийскими государствами вектора своего развития после обретения независимости, стали горизонтальные связи — их географическое положение относительно других акторов и стремление получить поддержку Европы и США [93, 101].

В классической геополитической теории такие территории определялись как лимитрофы — специфические буферные пространства, чья стратегическая судьба решается не в собственных столицах, а в центрах принятия решений великих держав. Следовательно, объективная географическая уязвимость Прибалтийских республик, их лимитрофное положение изначально предрасполагали их к активному поиску внешнего покровителя и делали их естественной ареной для столкновения интересов крупных держав сразу же после ухода советского доминирования, что и стало первичным, объективно заданным фактором формирования будущей конфигурации региональной безопасности.

Для государств Прибалтики и Польши их геополитическое положение стало является определяющим при принятии ими решений о военно-политическом союзе с тем или иным государством или военно-политическим

блоком. Изменение баланса сил в регионе после распада Советского Союза и всего социалистического блока изменило и парадигму международных отношений, которая подразумевает объединение одного государства с другими государствами против нового-старого «источника угрозы» – Российской Федерации [202, 114].

Таким образом, географическое пространство Польши и трех Прибалтийских республик в стратегии США постепенно должно было трансформироваться из зоны потенциального сотрудничества с Россией в зону экзистенциального давления на нее. При этом государствам региона отводилась роль инструментов внешней политики Соединенных Штатов, а их суверенитет оказался подчинен задачам сдерживания России, что в дальнейшем обусловило и предопределило долгосрочный кризис в системе европейской безопасности, сделав регион точкой потенциальной прямой конфронтации евроатлантического блока с Российской Федерацией.

Другим важным обоснованием усиления американского присутствия в регионе стала реанимация классической геополитической концепции, призванной на этот раз служить инструментом недопущения стратегического сближения между Россией, Германией и Европейским союзом и создания вокруг России «санитарного кордона», ядром которого должна стать Польша [221]. В данной концепции потенциальный союз немецкого капитала и передовых технологий в совокупности с российскими природными ресурсами представляет собой непобедимую комбинацию, способную создать в центре Евразии силу, напрямую угрожающую глобальным интересам Соединенных Штатов.

Следовательно, Соединенные Штаты рассматривали Польшу и Прибалтийские государства отнюдь не изолированно, а как критически важный элемент в своей более широкой глобальной стратегии сдерживания России и, что не менее важно, недопущения формирования в центре Европы каких-либо нежелательных и неподконтрольных Вашингтону геополитических альянсов и, прежде всего, гипотетического союза России и

Германии. Другой целью, ставшей перед Соединенными Штатами в регионе, стала проблема обеспечения безопасности Прибалтийских стран и то, как «Соединенные Штаты будут стремиться удовлетворить свои потребности в сфере безопасности, станет серьезной проверкой приверженности США идее создания “единой и свободной” Европы» [133].

Таким образом, углубление интеграции Польши, Латвии, Литвы и Эстонии в ключевые евроатлантические институты и структуры безопасности стало одной из ключевых задач Соединенных Штатов в Европе вплоть до момента их вступления в Европейский союз и, что более важно – в НАТО. При этом основная цель заключалась в том, чтобы окончательно закрепить связи государств региона не только с Соединенными Штатами, но и с Европейским Союзом.

В итоге, влияние политики Соединенных Штатов стало не просто декларацией их стремлений по интеграции Польши и трех Прибалтийских республик в евроатлантические структуры, а полноценным практическим инструментом реализации долгосрочной американской стратегии, увязывающей воедино вопросы безопасности, экономического развития и политической стабильности в Европе. Конечной целью такой стратегии становилось окончательное и необратимое «прикрепление» Польши и государств Балтии к западным институтам, прежде всего к НАТО, в качестве восточного фланга альянса.

Параллельно с американскими инициативами, хотя и в тесной связке с ними, развивался и европейский вектор интеграции, имевший для стран Балтии не меньшее, а в некоторых аспектах даже большее символическое значение. Для постсоветских элит Латвии, Литвы, Эстонии и, в меньшей степени – для Польши, вступление в Европейский союз никогда не было исключительно экономическим расчетом, основанным на рациональном анализе выгод. В гораздо большей степени это был мощный символический акт, призванный окончательно ознаменовать разрыв с «советским прошлым» из получить безусловное, институционально оформленное подтверждение

своей «европейской идентичности». Членство в Европейском союзе и НАТО рассматривалось ими как две неразрывные стороны одного общего процесса – каждая из этих организаций, хотя и в разных сферах, должна была обеспечить надежную защиту их вновь обретенного суверенитета.

Европейский союз, приняв в 2009 г. специальную Стратегию для региона Балтийского моря [20], официально выделил этот регион в отдельный, приоритетный макрорегион, подчеркнув тем самым его особую геополитическую специфику и необходимость применения комплексного, межотраслевого подхода к его развитию [101]. Это решение стало важнейшим институциональным этапом, окончательно закрепившим новую геополитическую реальность уже на уровне политики Европейского союза. Следовательно, для Прибалтийских государств Европейский союз стал не только и не столько источником финансовой помощи и экономического развития, сколько ключевым символом принадлежности к западной цивилизации, что многократно усиливало субъективное стремление политических элит дистанцироваться от России и укрепить их идентичность в качестве форпоста Европы на ее восточных рубежах.

Таким образом, действия Польши, Латвии, Литвы и Эстонии подтверждают тезис о критической важности для малых государств союза с более мощными государствами как гарантами их безопасности. Расположенные в геополитически значимом пространстве – на стыке Запада и России, - Прибалтийские государства, также как и Польша, видели основу своего суверенитета, прежде всего, в интеграции с евроатлантическими структурами. Такой внешнеполитический курс сочетался также и с общей для малых государств линией на адаптацию к сложившемуся миропорядку, в котором Варшава, Вильнюс, Рига и Таллин стремились за счет интеграции со странами Запада интернационализировать собственные риски, исходившие по их мнению от России, и одновременно расширить для себя сферу внешнеполитической деятельности на международной арене. Одним из главных инструментов здесь стало активное участие в международных

институтах и многосторонних форматах, где они апеллировали, прежде всего, к нормам и моральным основам мировой политики, что позволяло им создавать некий рычаг давления на западные государства в виде «жертв российской, а потом и советской оккупации».

В целом, внешнеполитическое поведение этих государств и их элит характеризовалось отсутствием стремления к каким-либо компромиссам с Российской Федерацией и строгому следованию в фарватере евроатлантической повестки. Однако, уже в этот период наблюдались и отклонения от модели чистого геополитического приспособленчества, так как государства Балтии, в частности, пытались превратить конфликтный потенциал в отношениях с Россией (например, в вопросах определения границ и русскоязычных меньшинств) в ресурс для торга с Западом и ускорения их евроатлантической интеграции.

Необходимо также отметить, что указанные три фактора внешнеполитических концепций Польши и Прибалтийских государств – экономический, политический и военный, не только присутствовали в основе их выбора в пользу евроатлантической интеграции, но и взаимодополняли друг друга [38]. То есть именно комплекс взаимодополняющих факторов сделал вступление в Европейский союз и НАТО безальтернативной целью политических элит Польши, Эстонии, Латвии и Литвы, так как они столкнулись не только с необходимостью выбора для себя системы национальной безопасности, которая гарантировала бы им сохранение их суверенитета, но и с необходимостью их дипломатической поддержки и повышения своего международного авторитета. При этом ни Польша, ни Прибалтийские государства не сталкивались с какой-либо военной угрозой со стороны Российской Федерации. Однако неспособность отказаться от традиционного для них образа мышления о безопасности, а также чрезмерно важная роль, отводимая ее военным аспектам, облегчили польским и прибалтийским элитам выбор на евроатлантическую интеграцию, хотя и после короткого периода их колебаний и нерешительность в 1991 – 1992 гг.

С другой стороны, после распада своего главного противника, НАТО переживала кризис самоопределения, так как нуждалась в изменении своих военных и политических доктрин. Военно-политическое руководство альянса хотя и осознавало, что с исчезновением Советского Союза ключевыми для европейской и международной безопасности становятся невоенные угрозы, однако в нем по-прежнему доминировал военный и блоково-ориентированный образ мышления [207].

Таким образом можно утверждать, что и Польша, и три новых Прибалтийских государства рассматривали НАТО, в которой ведущая роль безусловно принадлежит США, в качестве единственного реального гаранта их безопасности и территориальной целостности. В то же время Европейский Союз воспринимался ими как основной источник финансовой помощи, инвестиций и гарант долгосрочной экономической стабильности и процветания. При этом соображения укрепления национальной безопасности играли в этом выборе доминирующую роль, причем в первые годы после восстановления независимости Прибалтийскими странами в оценках западных структур преобладали не столько рациональные, сколько эмоциональные, ценностно окрашенные мотивы [143, 296].

Кроме того, можно с полной уверенностью констатировать, что стремительная и глубокая переориентация бывших советских Прибалтийских республик проходила не только и не столько под влиянием объективно существовавшей «российской угрозы», сколько под мощнейшим воздействием националистических идей, ставших идеологической основой политики правящих элит в Вильнюсе, Риге и Таллине. Такая политика, по их собственным неоднократным заявлениям, должна была не только укрепить их внутриполитические позиции и ускорить интеграцию в ЕС и НАТО, но и заставить страны-участницы этих организаций приветствовать их в качестве надежных союзников, выполняющих важнейшую функцию сдерживания России на восточных рубежах альянса. Учитывая, что ключевую роль в политической жизни Прибалтийских государств стали играть

националистические элиты, в основу отношений с Россией они сознательно заложили мифическую «оккупационную» доктрину, в фундаменте которой лежит архаичный, но крайне эффективный для мобилизации образ «вечного восточного врага» [102]. Закономерным следствием этой доктрины стало добровольное принятие Прибалтийскими государствами и Польшей на себя роли самопровозглашенных защитников всего западного мира от якобы неизбежной агрессии России на восточном фланге Европы и НАТО. Для этого политические элиты Прибалтийских государств и Польши не только целенаправленно культивировали образ России как значимого «Чужого», необходимого для утверждения и укрепления собственной, еще не до конца сформировавшейся национальной идентичности, но и всерьез рассматривали себя в качестве передового форпоста Запада и атлантизма на Востоке, как «сторожевых псов» атлантической цивилизации [29].

Следовательно, националистическая идеология, в совокупности с историческими фобиями прибалтийских и польских элит, комплексами государственной неполноценности и стремлением к самоутверждению через тотальное противопоставление себя России, стали мощнейшим субъективным фактором, который не только определил векторы внутренней политики трех Прибалтийских республик и Польши, но и активно проецировался ими вовне, формируя и поддерживая конфронтационную повестку не только внутри Балтийского региона, но и распространился внутри евроатлантических структур.

Однако в начале 1990-х годов сама идея интеграции Прибалтийских государств в НАТО вызывала серьезные сомнения и даже некоторое отторжение как в Брюсселе, так и в Вашингтоне. Дебаты внутри альянса носили характер острого обсуждения последствий неизбежного обострения отношений с Россией, и для каждого государства-члена НАТО гипотетическое расширение организации на Восток означало необходимость кардинально пересмотреть свои отношения с Москвой, что было сопряжено для них с огромными политическими рисками.

Одной из главных, практически непреодолимых проблем для приема Прибалтийских республик в НАТО считалась их крайне низкая обороноспособность и неспособность самостоятельно защищать свою уязвимую территорию. Как откровенно отметил в 1999 г. датский генерал-лейтенант К. Хиллингсе, способность Латвии, Литвы и Эстонии защищать свою территорию оставляла желать много лучшего, что могло стать непреодолимым препятствием для их членства, так как они автоматически становились бы слабым звеном всего альянса [155].

Также идея интеграции Прибалтийских государств в ЕС и НАТО вызывала немалые опасения и в политическом руководстве самих бывших советских республик, которые рассматривали идею нейтралитета и стратегии «Между Востоком и Западом», как моста между Россией и Европой. Эта идея официально даже была включена в Концепцию безопасности Литвы 1992 г [171] и проект Концепции безопасности Эстонии 1993 г [124]. Идею нейтралитета рассматривали и в Латвии. Однако, «...хотя много голосов было за нейтралитет, выбор был сделан в пользу концепции коллективной безопасности...» [31]. В итоге идея о нейтральном статусе Прибалтийских государств и мосте между Европой и Россией была краткосрочной. В конце 1993 г. в Таллине все три прибалтийских президента сошлись во мнении, что «видят в НАТО главного перспективного гаранта безопасности трех государств, имея тенденции, складывающиеся после парламентских выборов в России» [90].

Таким образом, изначальное нежелание и даже враждебное отношение стран Запада в начале 1990-х годов к идее принимать только что ставшие независимыми страны Прибалтики в Европейский союз и НАТО, к началу 2000-х годов резко сменилось на необходимость их приема в эти союзы и даже ответственностью за то, чтобы они были в них приняты. Многие западные политики и эксперты стали констатировать, что «...осознание Западом своих моральных обязательств и стратегической необходимости все же возобладало. Только представьте, как выглядел бы прибалтийский регион сегодня, если бы

в 2004 г. Вильнюс, Ригу и Таллин не пустили в НАТО и ЕС: вне всякого сомнения, он был бы менее стабильным, безопасным и благополучным» [185].

Вступление Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО и Европейский союз в 2004 г. можно назвать отправной точкой нового, второго этапа геополитической трансформации не только их, но и всего пространства Балтийского региона. Несмотря на широко распространенные ожидания начала «эпохи безопасности», это событие не привело к ослаблению конфронтационного характера исторической политики в регионе [102, 84]. Политика НАТО и Европейского союза стала преследовать цель «продления европейской идентичности до границ с Россией». При этом постоянные апелляции прибалтийских и польских политиков, а также представителей этих стран в евроатлантических структурах, позволили поставить эти структуры в позицию должников и заручиться в последствии не только политической и экономической поддержкой, но и включать интересы Польши и Прибалтийских республик во внешнюю политику как Европейского союза, так и НАТО [167, 289].

После вступления Польши и Прибалтийских государств в НАТО и Европейский союз концепция моста между Востоком и Западом, равно как и другие идеи многовекторного сотрудничества с Российской Федерацией стали вымарываться из политического дискурса не только этих государств, но и всего европейского пространства [39, 126]. Однако наибольшие изменения, имевшие долгосрочные политические и экономические последствия, коснулись трансформации пространства Балтийского региона в военно-политическом плане. Вступление Польши, Эстонии, Латвии и Литвы в Североатлантический альянс привело к тому, что все государства региона, за исключением сохранявших политический, но не военно-технический нейтралитет Швеции и Финляндии, стали членами НАТО.

В последствии это привело к радикальному и, как оказалось, необратимому изменению военно-политической обстановки в регионе — приближению военной инфраструктуры альянса не только к границам

Российской Федерации, но и к одному из ее стратегических центров – г. Санкт-Петербургу. При этом Калининградская область оказалась в полуэксклавном положении.

Однако необходимо отметить, что при принятии Польши и Прибалтийских республик в НАТО, государства-члены альянса согласились с требованиями России о сокращении обычных вооруженных сил в Европе, а также на не размещение ядерного оружия на территории его новых членов [40, 248]. При этом отношения Россия – НАТО нельзя было назвать партнерскими, так как уже в 1997 г. произошел первые серьезные разногласия по вопросу расширения альянса и принятию в него Польши, Венгрии и Чехии [97, 44].

Однако даже в условиях противоречий военное присутствие НАТО в регионе в период с 1991 по 2008 гг. носило весьма ограниченный и политически сдержанный характер, чтобы не провоцировать руководство России на ответные действия. Перелом в восприятии государствами региона произошел после операции по принуждению Грузии к миру, проведенной российскими вооруженными силами в августе 2008 г [97, 239].

Тем не менее, именно в период до 2014 г. были заложены и институционально оформлены все ключевые предпосылки для последующей, уже неизбежной милитаризации региона. Эти предпосылки сводились, во-первых, к последовательной интеграции вооруженных сил Польши, Эстонии, Латвии и Литвы в объединенные структуры Североатлантического альянса, системы разведки и управления, а также включения их национальных вооруженных сил в оперативные планы НАТО.

Во-вторых, началось непосредственно военное освоение территории Польши и Прибалтийских государств как в ходе постоянно проводившихся на их территории учений, так и в ходе отдельных миссий альянса, например, миссии воздушного патрулирования воздушного пространства государств региона *Baltic Air Policing*, в рамках которой ВВС стран-членов выполняют задачи интегрированной системы противовоздушной и противоракетной

обороны НАТО по патрулированию воздушного пространства стран Балтии [213].

В-третьих, Прибалтийские государства и Польша коренным образом изменили свои военные доктрины, где ключевым фактором стала безальтернативная ориентация на евроатлантические структуры в вопросах обеспечения безопасности. Данный фактор в совокупности с постоянно ухудшавшимися отношениями с Российской Федерацией и усиливавшимися обвинениями ее в реваншизме и возрождении имперских амбиций, привели к гипер-секьюритизации внешней политики Польши и трех Прибалтийских республик и фактически делегированию своей обороноспособности Брюсселю и Вашингтону. При этом евроатлантические структуры и, прежде всего НАТО, стали центрами принятия решений в вопросах отношений с Российской Федерацией.

Таким образом можно утверждать, что период после распада Советского Союза и окончания периода холодной войны стал периодом последовательного демонтажа постбиполярной архитектуры безопасности в Балтийском регионе и началом формирования качественно новой, внутренне конфронтационной системы, основанной на системной интеграции в Польши и Прибалтийских государств в евроатлантические структуры. При этом географические особенности государств региона и, прежде всего, их буферное положение у границ Российской Федерации, в совокупности с идеологической компонентой польских и прибалтийских политических элит, в контексте со стремлением США усилить свое положение и влияние в Европе, привели к кардинальной трансформации всей региональной системы безопасности.

Кроме того, вопреки изначальным дискуссиям внутри Североатлантического альянса о нецелесообразности расширения на Восток, консолидация нарративов о недемократичности и реваншизме России и геополитического прагматизма Вашингтона не только обеспечили вступление Польши и Прибалтийских государств в НАТО и Европейский союз, но и привели в последствии к формированию устойчивой асимметричной системы безопасности в регионе, где Польша и малые Прибалтийские государства получили возможность влиять на евроатлантическую повестку. В результате

это привело к ситуации, когда географическое соседство с Россией перестало восприниматься как фактор развития сотрудничества и трансформировалось сперва в инструмент политического торга и идеологической мобилизации, а затем и в инструмент сдерживания России. Заложенные в этот период институциональные изменения в системе региональной безопасности создали одновременно идеологический, политический и экономический базис для начала милитаризации всего Балтийского региона.

Таким образом, логика пространственного распределения сил, изначально обусловленная географическим детерминизмом, была значительно усилена субъективным выбором польских и прибалтийских элит и внешним влиянием со стороны Соединенных Штатов, что предопределило переход региона от состояния постсоветской неопределенности к фазе открытого военно-политического соперничества, и в итоге создало предпосылки для начала процессов милитаризации региона и переходу к стратегии сдерживания России, как к единственно необходимой и единственно возможной.

Однако такая стратегия имеет фундаментальное и неразрешимое противоречие, которое заключается в том, что декларируемая и гарантируемая со стороны НАТО безопасность новых членов альянса обеспечивалась не их собственными силами и средствами (что является объективно невозможным фактом), а исключительно гарантиями со стороны Соединенных Штатов. Это привело государства региона к ситуации, когда они стали зависимы в вопросах обороны от других государств-членов НАТО, но для того, чтобы поддерживать такую обороноспособность, они вынуждены все больше и все громче заявлять о «скорой агрессии России против Запада». Этот порочный круг сохранения и поддержания собственной безопасности, подкрепляемый объективными географическими факторами, привел в итоге к тотальной милитаризации региона, как единственно возможному, с точки зрения доминирующей в евроатлантических структурах логики, способу сдерживания России.

2.3. Пространственные и институциональные процессы формирования геополитической конфигурации Балтийского региона

Если период 1991 – 2004 гг., был временем геополитического переформатирования региона, который характеризовался демонтажом постсоветской системы и институциональным закреплением новой европейской идентичности Прибалтийских государств и Польши через их ускоренную интеграцию в евроатлантические структуры, то последующий этап, хронологические рамки которого охватывают 2004 – 2021 гг., стал эпохой последовательного, системного и фактически необратимого формирования новой архитектуры безопасности в Балтийском регионе как асимметричной системы.

Данный процесс необходимо рассматривать как переход от формирования геополитической конфигурации региона, обусловленной географическими и политическими факторами, к военно-технической реализации, то есть к непосредственной интеграции Польши, Эстонии, Латвии и Литвы в военные структуры НАТО и, соответственно, как начало милитаризации региона. Однако милитаризация Балтийского региона, начавшаяся как дозированный и политически сдержанный ответ на новые угрозы, в качестве которых Россия практически не рассматривалась, к концу второго десятилетия XXI века трансформировалась в необратимый и практически неконтролируемый процесс, который кардинально изменил не только пространственное распределение сил в регионе, но и заложил основу для качественно нового витка конфронтации, последовавшего после начала Россией СВО в феврале 2022 г. По сути, Балтийский регион стал примером того, как геополитические амбиции Запада превратили самый спокойный регион Европы в арену военного противостояния, если не сказать в зону военной конфронтации.

Вступление в Североатлантический альянс в 1999 г. Польши, а затем и трех Прибалтийских республик (29 марта 2004 г.), стало тем водоразделом,

который можно охарактеризовать как период латентной милитаризации как региональных государств, так и всего региона в целом.

Тем не менее, ситуация в сфере военной безопасности в Балтийском регионе, даже на фоне процессов, связанных с распадом Советского Союза и Организации Варшавского договора, выходом из состава СССР Прибалтийских республик и демонтажа существовавшей архитектуры безопасности, была спокойной. Однако процесс формирования в регионе новой системы безопасности, связанный, в том числе, с событиями вокруг процесса объединения Германии, развивался стремительно.

В ноябре 1990 г. СССР, 6 государств-участников ОВД и 16 государств-членов НАТО подписали Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) [2], в преамбуле которого сохранение безопасности в Европе называлось «краеугольным камнем». Смысл этого договора заключался в том, чтобы избавиться от материального наследия холодной войны – огромного количества личного состава армий, вооружения и военной техники, баз материально-технического обеспечения и военной инфраструктуры, чтобы трансформировать эти миллионные военные группировки, которые противостояли друг другу в центре Европы и создать основу принципиально новой системы безопасности, в ее общеевропейском и региональном аспектах, где упор делался бы на инструменты контроля над вооружениями, союзничество, минимизации роли военных блоков и т.д. В основу Договора ОВСЕ был заложен принцип количественных ограничений для пяти основных категорий обычных вооружений и техники государств-участников: боевые танки, боевые бронированные машины, артиллерийские системы, ударные вертолеты и боевые самолеты (Приложение Д). При этом Договор носил бессрочный характер.

В данном контексте очень важно отметить, что на момент подписания договора Латвия, Литва и Эстония входили в состав Советского Союза и, соответственно, входили в систему фланговых ограничений, предусмотренных договором, которые охватывали, в том числе,

Прибалтийский военный округ. Первый вопрос, который возник после выхода Прибалтийских республик из состава СССР и получения ими независимости, как вписать новые государства в систему военной безопасности в Европе. В начале 1992 г. консультативная группа по управлению режимом договора, на основании решения всех стран-участников договора, приняла решение о том, чтобы вывести Латвию, Литву и Эстонию из зоны действия договора, так как они заявили о политике военного неприсоединения и, как Австрия, Швеция и Швейцария, не должны учитываться в общеевропейских военных балансах, как незначимые в военном отношении государства [51, 48].

К 1999 г., после возвращения НАТО к политике «открытых дверей» и отхода Администрации США от обещаний, данных российской стороне о не расширении Североатлантического альянса, европейские страны поставили во главу угла вопрос о европейской безопасности путем развития мер доверия и контроля над вооружениями, в рамках которого должны охватываться все военные тренды военного строительства в Европе, в том числе, изменения состава военных организаций, либо организаций, которые претендуют на независимую военную роль.

Разработанное 19 ноября 1999 г. на саммите ОБСЕ в Стамбуле Соглашение об адаптации ДОВСЕ [12] должно было устранить военный дисбаланс, возникший в результате масштабных военно-политических изменений – расширения НАТО за счет бывших членов Организации Варшавского договора и планируемого вступления в альянс постсоветских республик Прибалтики. Документ заменял прежнюю зонально-групповую систему квот, основанную на блоковом принципе времен холодной войны, на национальные и территориальные лимиты для каждого государства-участника (последние допускали размещение иностранной техники, но в установленных соглашением пределах). Предполагалось, что обновленный режим ДОВСЕ будет укреплять безопасность всех стран-участниц вне зависимости от их принадлежности к военно-политическим блокам [13].

После этого должны были начаться переговоры с Латвией, Литвой и Эстонией об их присоединении к режиму договора об обычных вооруженных силах в Европе и получение согласия каждого участника с тем, что они могут иметь в составе своих национальных вооруженных сил ограничения по пяти видам вооружений. Также предметом обсуждений должны были стать возможные отступления от норм договора касающиеся, например, развертывания на территории Прибалтийских государств иностранных контингентов (сил), а также некоторые другие положения, которые соответствовали бы общему пониманию того, что линия соприкосновения в Центральной и Восточной Европе должна представлять собой пространство пониженной военной активности и пониженных уровней вооружения.

На этом фоне Российской Федерацией были достигнуты двусторонние договоренности с каждым из трех Прибалтийских государств относительно обмена информацией по нормативам, предусмотренным адаптированным Договором об обычных вооруженных силах в Европе. Данная мера была направлена на предотвращение возникновения трудностей у государств Балтии после того, как их присоединение к договору обрело бы юридическую силу. Параллельно с этим с ними были также установлены контакты по линии министерств обороны, а также реализовывались дополнительные меры, направленные на обеспечение транспарентности и военной сдержанности, что обеспечивало в регионе стабильность обстановки в тот период времени.

Однако Соединенные Штаты, по сути, запретили Прибалтийским государствам ратифицировать соглашение об адаптации ДОВСЕ потому, что в Вашингтоне поняли, что вступление в силу этого договора фактически обнуляет значение НАТО, как главного механизма обеспечения безопасности в Европе. В то же время в Североатлантическом альянсе начали заявлять о неприемлемости наличия у государств-членов альянса различных обязательств в сфере контроля над вооружениями и обеспечения военной безопасности. В связи с этим участие всех стран НАТО в режиме контроля над вооружениями в рамках адаптированного ДОВСЕ рассматривалось как

непременное условие со стороны самого альянса. Впоследствии данная позиция претерпела изменения в сторону смягчения – соответствующее требование стало трактоваться как желательное, но не обязательное.

Подобная трансформация позиции НАТО свидетельствует о характере последовательных действий альянса в отношении России, а также о нежелании соблюдать принятые на себя обязательства. Но несмотря на сложный характер межгосударственных отношений, военная составляющая в них не прослеживалась ввиду незначительности военного потенциала прибалтийских государств. Однако НАТО блокировала ратификацию соглашения странами-участницами, а Латвия, Литва, Эстония отказались присоединяться к договору.

Таким образом, несмотря на то, что подходы к самому принципу ограничений отличались революционностью и соответствовали духу времени, Запад утратил чисто военный интерес к сокращению вооруженных сил в Европе. Это произошло потому, что после выполнения Советским Союзом (а затем Россией) условий основного договора ОВСЕ, а также после распада СССР и вступления в НАТО 12 стран Восточной и Центральной Европы, Североатлантический альянс получил многократное общее превосходство над Россией по ограничиваемым договором вооружению и технике [25, 255]. В итоге это привело к созданию военно-политической неопределенности, которая в дальнейшем привела к милитаризации сперва отдельных государств Балтийского региона, потом всего региона в целом, в конечном итоге – к тотальной милитаризации всех европейских государств Восточной Европы [109].

Но даже несмотря на незавершенность процессов по реализации ДОВСЕ и обещания, которые давались России американскими и европейскими партнерами о соблюдении баланса вооружений, военно-политическая ситуация оставалась спокойной, а отношения России и государств Балтии не имели военного компонента, хотя в них и сохранялись проблемы и противоречия.

В то же время, Североатлантический альянс, формально руководствуясь духом Основополагающего акта Россия – НАТО 1997 г [5]., воздерживался от размещения постоянных значительных боевых сил на территории своих новых членов. Однако уже сам факт расширения альянса к границам Российской Федерации, которое максимально приблизило его военную инфраструктуру к российским стратегическим центрам – Санкт-Петербургу и Калининградской области, - создал предпосылки для будущего наращивания военного потенциала НАТО во всем Балтийском регионе.

В марте 2004 г. на заседании Североатлантического совета было принято решение о начале проведения коллективными силами НАТО миссии *Baltic Air Policing* (Балтийское воздушное патрулирование) под предлогом защиты воздушного пространства альянса. Руководство миссией было поручено Центру объединенных воздушных операций ВВС НАТО (г. Удем, Германия).

Ключевой характеристикой этого этапа стало отсутствие системного сухопутного и морского присутствия НАТО в Балтийском регионе. Так, командная структура альянса в регионе была представлена только Многонациональным корпусом «Северо-Восток» (*Multinational Corps Northeast – MNC NE*), развернутым в сентябре 1999 г. в г. Щецин (Польша). При этом, первоначально на штаб корпуса были возложены задачи по содействию в разрешении международных кризисов, боевые операции по обеспечению мира, а также управление гуманитарных и спасательных операций [237].

Таким образом, период до 2014 г. можно охарактеризовать как период времени, когда геополитические изменения в Балтийском регионе еще не были подкреплены ни антироссийской и милитаристской риторикой представителей евроатлантических структур и государств региона, ни принятыми ими юридически обязывающими документами, ни тем более, военно-техническим присутствием НАТО в регионе.

Качественный сдвиг произошел после 2014 г., когда события на Украине – государственный переворот в Киеве, воссоединение Крыма с Россией и

начало вооруженного конфликта на Донбассе, – были восприняты политическими элитами НАТО, и в особенности Польши и Прибалтийских государств, не как локальный кризис, а как фундаментальное изменение всей парадигмы европейской безопасности. Россия была вновь определена в качестве главной угрозы, а стратегия ее сдерживания объявлена приоритетной миссией Альянса [190].

На саммите в Уэльсе в сентябре 2014 г. произошла институциональная смена парадигмы НАТО. Альянс официально отошел от постбиполярного миротворчества к коллективной обороне как своей основной цели, а сдерживание России было объявлено одной из основных задач альянса. Ключевым документом, оформившим этот переход, стал «План действий по повышению боеготовности» (*Readiness Action Plan*), который институционализировал реакцию альянса на новые вызовы безопасности в Европе [244]. В частности, было решено повысить оперативность Сил реагирования НАТО (*NATO Response Forces – NRF*), которые могли бы быстро реагировать на потенциальные вызовы и угрозы. В рамках Сил реагирования НАТО было решено создать Объединенную оперативную группу повышенной готовности (*Very High Readiness Joint Task Force – VJTF*), состоящую из сухопутных сил и поддерживающих их воздушного, морского и оперативного компонентов для реагирования на возникающие угрозы, особенно на периферии НАТО, то есть, в странах Балтии [258].

В то же время, даже учитывая рост военной активности НАТО в регионе, на этом этапе задачи Североатлантического альянса формулировались преимущественно в терминах успокоения союзников и демонстрации способности к быстрой переброске подразделений на Восточный фланг альянса, что было скорее политическим жестом, нежели полноценным военным планированием [111].

Дальнейшее развитие стратегии НАТО по сдерживанию России в Балтийском регионе и наращиванию милитаризации в регионе можно проследить и проанализировать в том числе, по заключительным коммюнике

саммитов НАТО, прошедших после саммита в Уэльсе в 2014 г., ставшего констатацией факта обострения отношений между Российской Федерацией и Евроатлантическим сообществом.

Качественные изменения в эволюции стратегии сдерживания России произошли на Варшавском саммите НАТО в июле 2016 г., в ходе которого было решено еще больше укрепить позиции Североатлантического союза в области сдерживания и обороны. Для усиления Оперативной группы повышенной готовности было решено создать батальонные группы передового присутствия (*Enhanced Forward Presence – eFP*) в Эстонии, Латвии, Литве и Польше, чтобы в рамках общей позиции недвусмысленно продемонстрировать солидарность, решимость и способность союзников действовать, немедленно реагируя на любую агрессию [262].

Данное решение имело глубокую географическую и стратегическую обусловленность. Во-первых, выбор в качестве размещаемого подразделения именно батальонной, а не дивизионной структуры, был прямым следствием географической уязвимости региона, которая выражалась в как в невозможности организации обороны крупного оперативного соединения, так и, что более важно, в невозможности его оперативного снабжения в случае начала боевых действий и изоляции Сувалкского коридора. То есть, география делала развертывание тяжелых соединений не только бессмысленным, но и крайне рискованным.

Во-вторых, размещение батальонных групп передового присутствия преследовало скорее политические цели. Эти группы не предназначались для отражения полномасштабного вторжения, а служили воплощением принципа коллективной обороны, закрепленного в статье 5 Вашингтонского договора. Боевая батальонная группа, численностью 1000 – 1500 человек, должна была гарантировать, что любое враждебное действие неизбежно приведет к потерям среди военнослужащих стран-членов НАТО, чьи военнослужащие были бы в составе этих групп, тем самым автоматически активируя механизм коллективного ответа для всех членов Североатлантического альянса.

Параллельно с развертыванием групп передового присутствия происходила трансформация всей командной структуры НАТО в регионе. В 2015 г., еще до проведения Варшавского саммита, было начато создание шести координационных центров (*NATO Force Integration Units – NFIU*) на территории стран Балтии (Таллин, Рига, Вильнюс), Польши (Быдгощ), а также в Румынии и Болгарии. Эти небольшие по составу центры, укомплектованные представителями национальных и иностранных вооруженных сил, выполняют функцию координационных центров и логистических хабов для будущих сил усиленного присутствия [238].

Таким образом, размещение на Территории Польши и Прибалтийских государств батальонных групп передового присутствия и создание координационных центров стало, по сути, процессом интеграции их вооруженных сил в оперативное командование НАТО (Приложение Е), одновременно превращая территорию этих государств из абстрактного в военном плане, географического пространства в конкретный театр военных действий с детально проработанными планами действий в кризисных ситуациях, маршрутами снабжения, базами материально-технического обеспечения, разведки и т.д.

В 2014 г., с целью координации действий батальонных групп передового присутствия, дислоцированных в Польше, Эстонии, Латвии и Литве, а также их национальных вооруженных сил в интересах НАТО, был трансформирован Многонациональный корпус «Северо-Восток», штаб которого находится в польском Щецине (*Multinational Corps Northeast – MNC NE*). Это значительно повысило уровень оперативного управления национальными и коллективными силами НАТО в регионе, а также позволило планировать не только тактические, но и оперативные действия вооруженных сил альянса, действуя в качестве передовых сил повышенной готовности в пределах всего Балтийского региона (Приложение Ж).

На саммитах в Брюсселе в 2018 и 2021 гг. уже не декларировалось никаких военных программ по сдерживанию России, а только подтверждалось

обеспечение устойчивого военного усиления, поддержка развертывания, обеспечения длительности действий войск стран НАТО и совершенствования логистической структуры, а также заявлялась готовность сохранять и развивать далее полный диапазон сил и средств, необходимых для обеспечения убедительного сдерживания и обороны, готовых к адаптации ответных мер и реагированию на любые угрозы [216].

Единственное заявление, об усилении ВМС НАТО и повышению осведомленности на море, было сделано на саммите в Брюсселе в 2021 г. В этом заявлении говорилось о подготовке стратегической оценки в Балтийском море, восстановлении и совершенствовании коллективных навыков ведения боевых действий на море, включая противолодочные, десантные операции и защиту морских путей и коммуникаций. То есть, речь шла о модернизации и наращивании морского компонента НАТО в Балтийском регионе.

Начиная с 2014 г. НАТО значительно активизировало присутствие своих Постоянных военно-морских групп (*Standing NATO Maritime Group 1 – SNMG1* и *Standing NATO Mine Countermeasures Group 1 – SNMCMG1*) в Балтийском море. Эти соединения проводили регулярное патрулирование акватории Балтийского моря, отрабатывая взаимодействие и демонстрируя способность альянса проецировать силу в любой точке Балтийского моря [240].

Параллельно с коллективными усилиями НАТО, государства Балтийского региона развернули беспрецедентные национальные программы переоснащения, перевооружения и реорганизации своих вооруженных сил, которые необходимо рассматривать как неотъемлемую часть сложившейся в Балтийском регионе асимметричной системы безопасности.

После событий 2014 г. на Украине начался период резких изменений в динамике военных расходов государств региона в сторону их увеличения. Если в первые годы после вступления в НАТО оборонные бюджеты Эстонии, Латвии и Литвы колебались в пределах минимально рекомендуемой отметки в 1% от их внутреннего ВВП, то начиная с 2015 г. начался их устойчивый и стремительный рост. Анализ динамики военных расходов в странах региона

за период 2004 – 2021 гг. наглядно демонстрирует курс государств Балтийского региона на милитаризацию (Рисунок 11, Приложение 3). При этом можно выделить несколько четко прослеживаемых этапов в динамике изменений военных расходов. В период с 2004 по 2008 гг. наблюдалась относительная стабильность оборонных бюджетов, которая сменилась спадом после мирового финансового кризиса 2008 – 2009 гг., затронувшим, в частности, Латвию и Литву. Переломным моментом стал 2014 г., после которого все три прибалтийских государства и Польша продемонстрировали устойчивый и значительный рост военных расходов. Таким образом, после 2014 г. Прибалтийские государства, и Польша не только достигли требуемого НАТО лимита в 2% ВВП (Латвия в 2018г., Литва в 2020 г., Эстония в 2019 г. Польша в 2015 г.), став своеобразными лидерами альянса по военным расходам¹.

В отличие от трех Прибалтийских государств и Польши, военная политика Германии и Дании в рассматриваемый период носила более сдержанный характер. Германия также наращивала свои расходы на оборону, но делала это менее динамично. С 2014 г. оборонный бюджет ФРГ вырос с 1,18% ВВП до 1,53% в 2021 г., что в абсолютных цифрах составило значительный прирост (с 44,6 млрд долл. в 2014 г. до 56,5 млрд долл. в 2021 г.), однако страна оставалась далека от выполнения норматива НАТО в 2% ВВП. Дания демонстрировала аналогичную тенденцию умеренного роста военных расходов, достигнув 1,41% ВВП в 2021 г., или 5,27 млрд долл. в абсолютных показателях.

¹ *Прим. автора:* Безусловно, нельзя рассматривать и сравнивать ВВП, например, Эстонии и Германии, где 2% на военные расходы будут составлять диаметрально противоположные размеры, однако расчет расходов внутри НАТО ведется именно в процентном соотношении к национальному ВВП и поэтому такие государства как, например, Эстония, Латвия, Литва или Греция, являются лидерами по этому показателю.

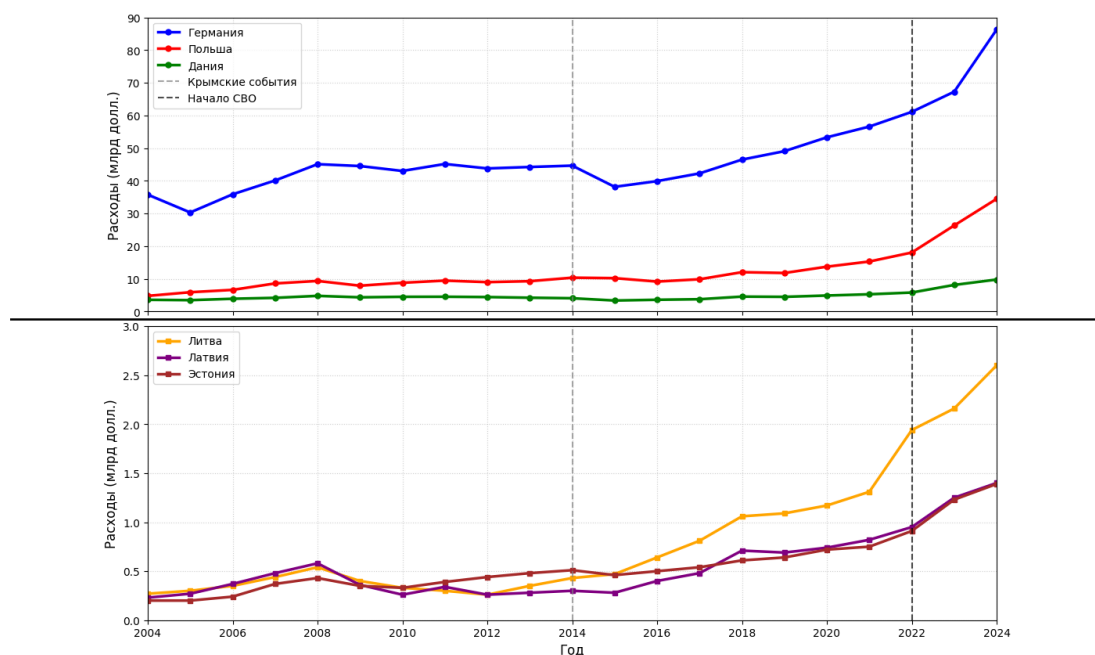

Рисунок 11 – Динамика расходов на оборону Германии, Польши, Дании, Латвии, Литвы и Эстонии в 2004 – 2024 гг.

Источник: составлено автором на основе [218; 244].

Вследствие увеличения военных расходов произошли и качественные изменения в системах переоснащения и перевооружения национальных армий государств Балтийского региона, главным образом Прибалтийских государств и Польши.

Осознавая свою неспособность противостоять России в вооруженном конфликте высокой интенсивности, а также учитывая географию пространства (непосредственная граница с Российской Федерацией, малые площади, сложная лесисто-болотистая местность, наличие большого количества водных объектов) и демографические показатели (невозможность иметь крупные вооруженные силы в численном отношении в условиях ограниченного мобилизационного ресурса), государства Прибалтики сделали ставку на высокоточные современные системы вооружения. В частности, Эстония, имеющая среди этих государств наибольшую береговую линию, приобрела современные противокорабельные ракетные комплексы (ПКРК), которые в случае их размещения на побережье Балтийского моря или Финского залива, позволяют блокировать все прилегающие акватории и пути морские торговые пути. При этом, например, ракетные системы типа *Blue*

Spear 5G предназначены не только для поражения надводных, но и наземных целей в радиусе их действия. Латвия также приобрела ПКРК с введением их в действие в 2027 г. Польша располагает противокорабельными ракетными комплексами типа *NSM* в составе морской ракетной части, дислоцированной вблизи Гданьска [57].

Другим важнейшим направлением стало модернизация артиллерийских систем большой дальности, главным образом, за счет увеличения количества реактивных систем залпового огня (РСЗО). Закупка Польшей и государствами Прибалтики американских РСЗО *M142 HIMARS* кардинально изменила баланс огневой мощи в регионе, так как данные мобильные комплексы способны наносить высокоточное огневое поражение объектам тыла, узлам коммуникаций и скоплениям войск, находящимся на значительном удалении от линии соприкосновения (до 300 км в зависимости от типа используемых боеприпасов), что является эффективным средством ведения боевых действий на ограниченном пространстве, особенно в условиях труднопроходимой местности, а также условиях заранее подготовленных районов ведения боевых действий.

Географическая обусловленность этого выбора очевидна: при отсутствии оперативной глубины, способность поражать противника еще на этапе его выдвижения и сосредоточения становится критически важным фактором сдерживания. При этом одной из особенностей РСЗО *M142 HIMARS* является возможность ведения огня как по наземным, так и по надводным целям. Кроме того, использование высокоточных и дальнобойных боеприпасов (например, ракет *ATACAMS* модификаций *M39A1*, *M57* или *M57E1*) с дальностью до 300 км [187] представляет угрозу крупным стратегическим районам – г. Санкт-Петербургу и Калининградской области,

Польша, обладающая несравнимо большим экономическим и демографическим потенциалом по сравнению с Прибалтийскими республиками (причем, вместе взятыми), стала флагманом милитаризации всего восточного фланга НАТО. В частности, в рамках Плана технической

модернизации вооруженных сил на 2021 – 2035 гг., Варшава объявила о беспрецедентной программе модернизации армии, особенно своих сухопутных войск, включающей закупку немецких танков *Leopard*, американских *Abrams* и южнокорейских *K2 Black Panther* [59], американских систем ПВО/ПРО *Patriot*, включая новую интегрированную систему боевого управления ПВО и ПРО (*Integrated Air and Missile Defense Battle Command System – IBCS*) [55], артиллерийских систем (американских РСЗО *M142 HIMARS* и южнокорейских САУ *K9 Thunder*) [58]. Кроме того, Польша активно модернизировала собственные системы ПВО/ПРО ближнего радиуса действия в рамках программ *Pilica* и *Pilica+* [56].

При этом приобретение такого количества вооружения и военной техники неизбежно привело и к модернизации всей структуры польских сухопутных войск. В результате в 2018 г. была сформирована новая 18 механизированная Железная дивизия, а в 2022 г. – 1-я пехотная дивизия Легионов [60]. Причем основу вооружения и военной техники новых соединений составили иностранные образцы.

Можно утверждать, что начиная с 2004 г. польская армия находилась на этапе перехода от советской модели формирования и обеспечения к переходу на современные стандарты НАТО. Реформы были сосредоточены на создании возможностей и подготовке к масштабным изменениям, которые были начаты в 2017 г. и характеризовались не просто количественным и качественным увеличением состава польской армии, а системной модернизацией всех вооруженных сил Польши. Столь масштабные реорганизация, модернизация и наращивание вооруженных сил имело двойную цель. Во-первых, они должны были обеспечить национальную оборону государства с опорой на собственные возможности. Во-вторых, сделать Польшу ключевым элементом коллективной системы НАТО на восточном фланге альянса. В данном случае также сказывался географический фактор, так как пространство Польши не только позволяет разворачивать крупные военные группировки различного назначения, так и использовать ее пространство для организации

логистической сети для поддержки и снабжения не только контингентов в Прибалтийских государствах, но и на Украине, а также в юго-восточной Европе. При этом логистика на территорию Польши, благодаря развитой аэродромной, железнодорожной и автодорожной сетям, может быть организована как воздушным, так и морским, и наземным видами транспорта.

Что касается Финляндии и Швеции, то вопрос об их вступлении в НАТО начал рассматриваться уже с момента распада Советского Союза и Организации Варшавского договора, то есть с начала 1990-х гг., когда Финляндия объявила недействительными ограничительные положения Парижского мирного договора 1947 г., связанные с ограничением состава и численности вооруженных сил [4], а в 1995 г. финское правительство исключило понятие «нейтралитет» из официальных документов, заменив его термином «военное неприсоединение и самостоятельная оборона» [23].

В это же время Швеция и Финляндия, сохранявшие формальный нейтралитет, тем не менее, активно участвовали в различных программах НАТО таких, например, как Партнерство ради мира (с 1994 г.) и Инициатива по обеспечению оперативной совместимости с партнерами (*Partnership Interoperability Initiative*), в соответствии с которой повышалась способность вооруженных сил государств, не являющихся членами НАТО, действовать совместно с силами альянса в соответствии с его стандартами, правилами и процедурами, а также с использованием аналогичного вооружения. Финляндия и Швеция присоединились к этой инициативе в 2014 г [242]. В этом же году Швеция и Финляндия заключают соглашение «План действий по углублению сотрудничества в сфере обороны между Швецией и Финляндией», в соответствии с которым они обязуются не только усилить свое военное сотрудничество, но и усилить сотрудничество с НАТО, ЕС и NORDEFCO (оборонного союза государств Северной Европы) [210].

При этом и в Финляндии, и в Швеции Россия рассматривалась как «непредсказуемый игрок», а Балтийский регион является «прифронтовой полосой» [22], безопасность в котором может быть обеспечена только за счет

присутствия в нем НАТО и Соединенных Штатов. После событий на Украине в 2014 г. Швеция и Финляндия стали уделять больше внимания участию в совместных программах и учениях, проводимых под эгидой Североатлантического альянса.

В частности, Финляндия и Швеция принимали активное участие в Программе поддержки принимающей страны (*Host Nation Support*), в соответствии с которой принимающая страна обеспечивает войскам НАТО поддержку в четырех областях: логистике; инфраструктуре, развертывании сил и безопасности (реализации мер физической безопасности сил союзников и связанных с ними коммуникационных сетей) [211].

В дальнейшем, вплоть до момента вступления Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс, их статус партнеров с расширенными возможностями позволял участвовать им во всех процедурах альянса, предусмотренных для его членов, включая обмен разведданными, участие в Инициативе поддержки принимающей страны, участие в учениях и маневрах и т.д. То есть, их интеграция в военные структуры НАТО де-факто состоялась задолго до момента их вступления в альянс.

Таким образом, к началу 2022 г. в Балтийском регионе окончательно сформировалась устойчивая и внутренне сбалансированная асимметричная система безопасности. Ее главной характеристикой стал переход от политических заявлений представителей НАТО и государств Балтийского региона о необходимости усиления военного присутствия в регионе и увеличения военных расходов, к их полноценной реализации.

В этот период времени НАТО не только качественно меняет внутреннюю структуру. Кроме создания и последующего размещения в Польше, Латвии, Литве и Эстонии четырех батальонных групп передового присутствия (*eFP*), координационных центров по интеграции сил НАТО (*NFIU*) и усиления состава миссии воздушного патрулирования (*Baltic Air Policing*), также формируется региональное оперативное соединение – Многонациональный корпус Северо-Восток, и создаются структуры,

отвечающие за тыловое обеспечение и логистику – Объединенная группа логистической поддержки (*Joint Logistic Support Group – JLSG*) и Объединенное командование поддержки и обеспечения (*Joint Support and Enabling Command – JSEC*). Также в странах региона создаются Центры передового опыта в области совместной киберзащиты (*NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence*, Таллин, Эстония), в области энергетической безопасности (*NATO Energy Security Centre of Excellence*, Вильнюс, Литва), в области стратегических коммуникаций (*NATO Strategic Communications Centre of Excellence*, Рига, Латвия), в области противодействия гибридным угрозам (*The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats*, Хельсинки, Финляндия) [61].

Структурные изменения безусловно привели к изменению количественному и качественному составу объединенных сил НАТО, дислоцированных в странах региона. Так, в период с 2017 г. по 2022 г. численность контингента альянса на территории Польши и трех Прибалтийских государств увеличилась с 4630 чел. до 21500 чел., то есть в 3,5 раза (Приложение И).

Количественный и качественный рост военного потенциала государств региона, выразившийся, главным образом, в беспрецедентном росте оборонных бюджетов, модернизации и закупке вооружений (в том числе, высокоточных), дополнил новую систему безопасности в Балтийском регионе национальным компонентом (Приложение К). Это привело к тому, что государства Прибалтики стали не только участниками Инициативы принимающей страны, обеспечивающими военное присутствие коллективных сил НАТО на своих территориях, а начали полноправными и организационно интегрированными участниками системы Североатлантического альянса по сдерживанию России, расположенными вдоль ее границ.

Однако, такая милитаризация как государств региона, так и всей региональной системы НАТО носила характер не просто наращивания военного присутствия, а строго ограниченный, географически и

функционально обусловленный характер. Североатлантический альянс, соблюдая формальные ограничения Основополагающего акта Россия – НАТО (действовавшего в тот период времени), руководствуясь реальностью оперативной обстановки (отсутствия стратегической глубины альянса на Восточном фланге, уязвимости Сувалкского коридора, отсутствия регионального оперативного командования и центров МТО) и географических факторов (большое количество участков труднопроходимой местности, водных объектов и близость границ Российской Федерации), отказался от развертывания на территории государств региона крупных соединений. Вместо этого упор был сделан на локализацию на территории Прибалтийских государств подразделений бригадного уровня (национальная бригада с участием группы передового присутствия НАТО), с дислокацией основных подразделений (полков, батальонов) на ключевых участках местности. В частности, в Польше были развернуты более крупные соединения дивизионного уровня национальных вооруженных сил Польши, а также штабы двух оперативных соединений НАТО – Многонационального корпуса Северо-Восток и Многонациональной дивизии Северо-Восток. Причем расположены штабы на западе Польши вблизи границы с Германией, что позволяет снизить возможность их огневого поражения в результате, например, ракетного удара со стороны России в силу расстояния и насыщения территории государств региона средства ПВО/ПРО.

Таким образом, была создана эшелонированная система размещения национальных и коллективных вооруженных система, снабжения и боевого управления, учитывающая географические особенности как отдельно взятых государств региона, так и всего региона в целом, направленная на снижение возможности поражения ключевых военных объектов, баз МТО, логистических центров. Фактически, была создана система, гарантирующая не столько возможность победы в гипотетическом локальном конфликте с Россией, сколько неизбежность его перерастания затяжной и, как минимум, региональный (Приложение Л).

Данный вывод является ключевым для понимания сущности современной геополитической динамики в регионе, так как милитаризация в данном случае стала не целью, а средством политического и, как оказалось впоследствии, экономического сдерживания России, а также воплощением принципа коллективной обороны НАТО. Эта система превратила военную слабость и географическую уязвимость трех прибалтийских государств в их стратегический актив, окончательно закрепив за ними роль фронта Североатлантического альянса, где проходят не только географические и военные, но и цивилизационные разломы современной Европы.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ АСИММЕТРИЧНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: ДИНАМИКА, ПРЕДЕЛЫ УСТОЙЧИВОСТИ И СЦЕНАРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

3.1. Пространственная архитектура асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе

Завершающий этап трансформации Балтийского региона, который хронологически условно можно определить 2022 – 2024 гг., представляет собой качественный переход в формировании асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе и переходе Североатлантического альянса к апробации методов противоборства Российской Федерации внутри этой системы. Если предшествующий период, 2014 – 2021 гг., можно охарактеризовать окончательным политическим и институциональным оформлением новой идентичности Польши и Прибалтийских государств, а также постепенным, но системным наращиванием в Балтийском регионе военного присутствия НАТО, то события, начавшиеся в феврале 2022 г., стали универсальным катализатором, который окончательно сформировал в регионе систему, основанную на принципах геополитического дуализма и динамического равновесия напряженности. По сути, в период 2022 – 2024 гг. произошло не просто развитие ранее выявленных тенденций к милитаризации всех государств Балтийского региона, но и их качественное и системное преобразование, в результате которого Балтийский регион приобрел все признаки асимметричной системы.

Данная система представляет собой сложную, многоуровневую конфигурацию, где подавляющее институциональное и военно-техническое превосходство Североатлантического альянса сталкивается с ограниченными, но высокоэффективными рычагами асимметричного влияния Российской Федерации.

Одним из ключевых и системообразующих факторов, под воздействием которого произошло окончательное оформление асимметричной системы

безопасности в Балтийском регионе, стал отказ Финляндии и Швеции от собственного внеблокового статуса и собственной политики неприсоединения и их вступление в Североатлантический альянс. Этот факт стал прямым и наиболее наглядным следствием российско-украинского кризиса, который западными политическими элитами был воспринят не как локальный конфликт, а как фундаментальный сдвиг в парадигме европейской безопасности. Восприятие угрозы со стороны России достигло в общественном мнении и политическом истеблишменте Хельсинки и Стокгольма такого уровня, что прежние аргументы в пользу нейтралитета, основанные на историческом опыте и прагматических расчетах, утратили всякую убедительность [183].

Следствием этого шага стало то, что к концу 2024 г. все прибрежные государства Балтийского моря, за исключением самой России, стали членами Североатлантического альянса. Данный факт породил в западном экспертном и политическом дискурсе устойчивую метафору «озера НАТО», призванную подчеркнуть, как казалось на первый взгляд, беспрецедентный уровень контроля пространства, который альянс получил над всей акваторией Балтийского моря, включая ключевые морские коммуникации, Датские проливы и Финский залив, а также воздушное пространство над ними [204]. Однако эта метафора, при всей ее образной привлекательности, является глубоким упрощением ситуации, не отражающим всей сложности асимметричной конфигурации, которая сложилась в Балтийском регионе.

Утверждая о природе и значении географического детерминизма в современных условиях, необходимо констатировать, что даже после вступления в НАТО Финляндии и Швеции и расширения альянса на Север Европы, Российская Федерация сохранила за собой свои стратегические позиции в Балтийском регионе, обладая возможностями противостоять вооруженным силам, сосредоточенным в регионе, используя для этого в том числе, географические особенности региона [205].

Такие стратегические позиции Российской Федерации обеспечены, в частности, концепцией стратегических анклавов, в соответствии с которой в условиях глобализации ключевое значение приобретают не столько обширные континентальные пространства, сколько ключевые географические объекты, позволяющие не только контролировать коммуникации, но и возможности государства проецировать на них силу. В контексте данной концепции Калининградская область, как и прилегающее к ней сухопутное, морское и воздушное пространство, стали точками контроля ситуации и уравнивания военного паритета в регионе. Смысл этой концепции заключается в том, что даже ограниченный военный контингент, размещенный в выгодной географической точке, способен контролировать непропорционально большее пространство и создавать противнику угрозу, несопоставимую с его формальной численностью [150].

Таким образом можно утверждать, что Балтийский регион приобрел характер устойчивой асимметрии, где кажущееся количественное доминирование НАТО столкнулось с эффективной географической асимметрией со стороны России, основанной на использовании географических уязвимостей альянса. Именно это противостояние двух разнородных, но взаимосвязанных сил и составляет суть геополитического дуализма.

Концепция геополитического дуализма в Балтийском регионе нашла свое наиболее наглядное и функциональное выражение в формировании двух качественно различных военных потенциалов, которые можно охарактеризовать как силы присутствия НАТО, с одной стороны, и силы воспреещения Российской Федерации, с другой. Под силами присутствия в контексте данной концепции понимается эшелонированная система передовых подразделений (в первую очередь – многонациональных групп усиленного передового присутствия), главная задача которых состоит не в отражении полномасштабного вторжения, а в создании триггера для механизма, запускающего процесс коллективной обороны по статье 5 Вашингтонского договора.

Силы воспреещения доступа, напротив, представляют собой комплекс методов и средств (противокорабельных и зенитных ракетных комплексов, систем радиоэлектронной борьбы, оперативно-тактических ракетных комплексов), развернутых на ключевых географических направлениях с целью сделать любое наступательное действие противника настолько затратным и рискованным, что оно теряет военный и политический смысл. При этом постоянное взаимодействие этих потенциалов, а также жесткое политическое противостояние, формируют ту самую напряженную, но парадоксально устойчивую конфигурацию, которая и определяет современный геополитический дуализм в регионе.

Как было сказано выше, основу сил присутствия НАТО в Балтийском регионе составляют многонациональные группы передового присутствия, развернутые в Эстонии, Латвии, Литве, Польше и, с недавнего времени, в Финляндии. География размещения подразделений гарантирует, что любое гипотетическое нападение на них неизбежно приведет к потерям среди военнослужащих ведущих держав альянса – США, Великобритании и Германии [173]. Эта стратегия является подтверждением того, как географическая уязвимость Прибалтийских государств превращается в их стратегический актив, обеспечивающий им безопасность за счет автоматического вовлечения в конфликт более сильных союзников.

Данный факт подтверждает утверждение, что именно опасение неконтролируемой эскалации является главным сдерживающим фактором для обеих сторон в системе асимметричной безопасности, сложившейся в Балтийском регионе.

В противовес силам присутствия НАТО, российская стратегия асимметричного ответа, получившая окончательное оперативное оформление к 2024 г., базируется на концепции создания зоны воспреещения доступа (в классификации НАТО – A2/AD) и заключается в наборе средств и методов, позволяющих создать противнику такие условия, которые создают угрозы развертыванию и применению его вооруженных сил в регионе настолько рискованными и затратными, что делает их неприемлемыми.

Для более глубокого понимания природы и механизмов функционирования асимметричных систем безопасности необходимо также обратиться к сравнительному анализу с ситуацией, сложившейся в начале 2026 г. в зоне Ормузского пролива в контексте американо-иранского конфликта. Данный случай представляет собой классический, хотя и разворачивающийся в совершенно иных географических и культурно-политических условиях, пример того, как одна сторона конфликта, уступающая противнику в совокупной военной мощи, но использует географический фактор для создания мощного асимметричного рычага давления.

Ранее было указано, что одним из ключевых понятий географического детерминизма является ключевая географическая точка — локальная географическая точка, контроль над которой позволяет влиять на коммуникации на огромном пространстве. Ормузский пролив, это узкое, всего около 50 километров в ширину в самом широком месте, морское горлышко, соединяющее Персидский залив с Индийским океаном (Рисунок 12), которая является одним из ключевых узких мест мировой торговли, через которую проходит до 30 процентов мирового морского трафика нефти и газоконденсата (СПГ) [260].

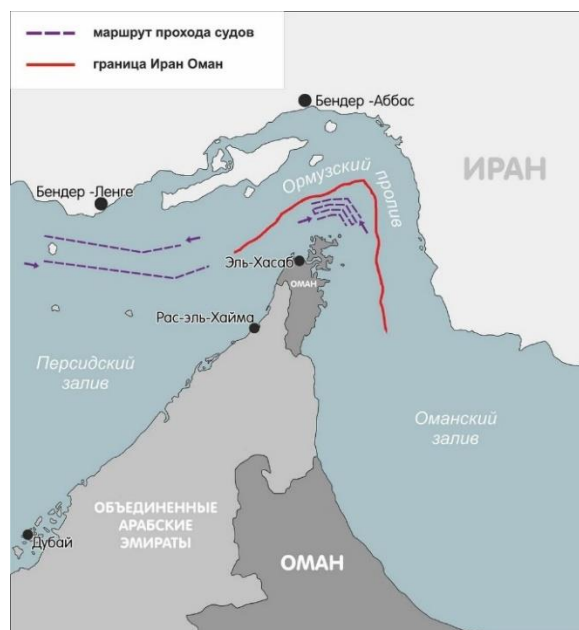

Рисунок 12 — Схема прохода судов в Ормузском проливе
Источник: составлено автором на основе данных [261]

В условиях полномасштабной войны между США и Израилем, с одной стороны, и Ираном, с другой, эта водная артерия приобрела критическое значение для экономики всего мира. В ответ на военное давление и угрозу наземного вторжения со стороны Соединенных Штатов, иранское руководство неоднократно угрожало блокировать или серьезно нарушить судоходство в Ормузском проливе, используя арсенал асимметричных средств: скоростные безэкипажные катера, противокорабельные ракеты, морские мины и беспилотные летательные аппараты [227].

Данную ситуацию (в контексте географии Балтийского региона) можно и необходимо рассматривать в качестве эмпирического подтверждения сущности современных геополитических процессов. В частности, современные геополитические процессы представляют собой многомерное явление, в котором наряду с классическим силовым противостоянием все большую роль играют гибридные методы, а ключевыми факторами становятся не только совокупный потенциал государств, но и их способность использовать географические уязвимости противника.

Во-первых, и Балтийское море, и Персидский залив являются полузамкнутыми акваториями, выход из которых обеспечивается узкими проливами – Датскими и Ормузским, что делает и проливы, и акватории исключительно уязвимыми для контроля со стороны прибрежных государств. В обоих случаях географическая конфигурация пространства сама по себе создает сторонам предпосылки для асимметричных действий в случае эскалации обстановки.

Во-вторых, в обоих случаях более слабая в конвенциональном военном отношении сторона (например, Россия на Балтике, Иран в Персидском заливе) может компенсировать этот недостаток за счет эффекта географического мультипликатора – способности как с помощью современных высокотехнологичных средств поражения (ЗРК, ПКРК, РЭБ), так и с помощью относительно недорогих и технологически простых средств (БПЛА или БЭК) создать зону ограниченного доступа и нанести неприемлемый экономический

ущерб глобальной экономике, что вынуждает более сильного противника считаться с его интересами. Такой эффект является одним из проявлений современного географического детерминизма, в котором даже небольшие военные силы, размещенные в стратегически важной точке, могут контролировать непропорционально большие пространства. То есть, угроза Ирана закрыть Ормузский пролив была прямым асимметричным ответом на военно-техническое и экономическое превосходство США и их союзников. Точно так же размещение российских сил воспреещения доступа в Калининградской области являются ответом на многократное превосходство НАТО в Балтийском регионе.

В-третьих, и это наиболее важное сходство с точки зрения подтверждения теоретической модели, это использование гибридных методов противостояния, включая использование негосударственных акторов, стали неотъемлемой частью современных геополитических процессов именно потому, что они позволяют атакующей стороне отрицать свою причастность и тем самым избегать полномасштабного ответа со стороны противника [104].

Так, например, проецирование коллективной силы военного альянса на пространство входящих в него государств, непосредственно затрагивает и конкретные ключевые географические точки самих государств-членов этого альянса, так соседних с ними государств, что в рамках отдельно взятого региона имеет стратегическое значение, поскольку контроль над ключевыми географическими точками позволяет оказывать непропорционально большое влияние на баланс сил как в регионе, так и в более широком масштабе. В частности Иран, воспользовавшись географической близостью территорий государств Персидского залива, которые предоставили Соединенным Штатам и Израилю возможности для нанесения ударов по Ирану, подверглись со стороны последнего ударам с применением как ракетного вооружения, так и БПЛА, что привело в итоге к значительному экономическому ущербу государств Персидского залива, но и уничтожению военной инфраструктуры США.

В ходе Палестино-Израильского конфликта 2023 – 2025 гг. действия даже не самых развитых в военном отношении государств, таких как непризнанное государство хуситов в Северном Йемене, против Израиля и произраильской военной коалиции во главе с США, наглядно продемонстрировали, как проецирование силы на ключевые географические точки в регионе – Красное море и Баб-эль-Мандебский проливы, способны изменить баланс сил не в пользу более мощных государств и их коалиций [212]. В частности, проиранская йеменская группировка «Ансар-Аллах» произвела в Красном море и Баб-эль-Мандебском проливе ряд атак на танкеры и торговые суда, связанные с Израилем, с помощью БЭКов, крылатых и противокорабельных ракет, а также БПЛА, что привело к серьезному повреждению нескольких десятков судов (одно получило серьезные повреждения и еще одно затонуло позднее) и захвату одного танкера [226]. В результате крупнейшие мировые перевозчики, такие, например, как *Maersk*, *Norag-Lloyd*, *MSC* и др., были вынуждены перенаправить свои суда в обход Красного моря через мыс Доброй надежды [229], что увеличило длительность перевозок на 10 – 14 дней и привело к удорожанию страховок и фрахтовых перевозок в 2 – 4 раза.

При этом потери коалиционные ВМС понесли несопоставимые потери как в средствах поражения, так и в потере ударных и четырех разведывательных БПЛА *MQ-9 Reaper* [264], стоимостью 67 млн долларов каждый. Это без учета расходов на материальное снабжение кораблей и действия всех видов авиации. Какого-либо положительного результата операция в итоге не принесла. Не была достигнута главная цель – прекратить атаки торговых судов, также как и военный потенциал хуситов не понес серьезных потерь [257]. Напротив, возглавляемая США коалиция понесла серьезные экономические, а главное, репутационные, убытки, а сама операция продемонстрировала ограниченность военной мощи коалиции в борьбе с асимметричной угрозой, исходящей от небольшого государства (а фактически – группировки), обладающего ограниченным военным потенциалом и

способностью с его помощью контролировать ключевые географические точки в регионе.

Таким образом, приведенные примеры подтверждают тезис о том, что географическое пространство соседних государств имеет непосредственное влияние на безопасность Российской Федерации, особенно в том случае, когда это пространство не только осваивается враждебно настроенными государствами и их альянсами, но и когда альянсы активно трансформируют структуру этого пространства (фактически – в плацдарм) и изменяют этим существующий баланс сил. То есть, пространственное расположение источника силы, его распределение в пространстве, его пространственная уязвимость, а также политико-географическое окружение государства являются факторами, формирующими систему безопасности государства на его внешнем контуре, в том числе асимметричные системы безопасности, обусловленные также уязвимыми географическими точками. Отсюда следует вывод, что конфигурация формируемой системы безопасности, ее границы и внутренняя динамика в значительной степени обусловлены географическим положением государств, формирующих такую систему. При этом формирование военно-политических альянсов и их функционирование как самостоятельных политий направлены на управление динамикой внутри этой системы безопасности, в том числе, на качественное и количественное распределение сил внутри нее.

Третья параллель, связанная с использованием гибридных методов и созданием проблемы атрибуции, заслуживает особого внимания, поскольку она непосредственно положение о многомерности современных геополитических процессов. Как уже утверждалось, современный геополитический процесс представляет собой синтез классического силового противоборства, «мягкой силы» и гибридных технологий, причем последние часто становятся доминирующими в современных конфликтах. Повреждение подводных волоконно-оптических кабелей или атака на нефтяной танкер с использованием подводных или надводных средств поражения одной из

сторон конфликта могут быть расценены пострадавшей стороной или другой заинтересованной стороной как акт диверсии и, соответственно, как причина для вооруженного ответа. Однако использование тех же средств поражения без опознавательных знаков или заявление о действии неизвестных лиц, порождают двусмысленность, которая позволяет атакующей стороне отрицать свою причастность к инциденту, а для пострадавшей стороны – сложную проблему выработки адекватного и пропорционального ответа [104].

В случае с Ормузским проливом, иранская стратегия гибридной блокады оказалась высокоэффективной именно потому, что она постоянно держала США и их союзников в состоянии неопределенности, вынуждая их реагировать на каждую атаку как на изолированный инцидент, а не как на элемент скоординированной государственной военной кампании [228]. Эта проблема, являющаяся классическим инструментом асимметричного противостояния, превращает критическую подводную и морскую инфраструктуру в одну из самых уязвимых и одновременно самых эффективных целей для асимметричного воздействия, что в полной мере проявляется как в Балтийском регионе, так и у берегов Аравийского полуострова [241]. Таким образом можно утверждать, что в обоих случаях асимметричный ответ строится не на стремлении к прямой военной победе, а на стремлении к созданию неприемлемых издержек и дальнейшей неопределенности для более сильного противника.

Однако наряду со сходством существуют и фундаментальные различия между балтийской и ближневосточной асимметричными системами, которые позволяют глубже понять уникальность и специфику первой из них. Если на Ближнем Востоке угроза Ормузскому проливу используется Ираном как инструмент эскалации в рамках прямого военного конфликта с целью максимизировать экономический ущерб противнику и его союзникам, то в Балтийском регионе гибридные действия государств региона, при всей их дестабилизирующей роли, направлены прежде всего на усиление эскалации, как средства политического давления на Российскую Федерацию.

Как было указано выше, после 2014 г. стратегия НАТО, направленная на сдерживание России, прошла путь от точечных демонстрационных мер к созданию полноценной эшелонированной системы военного присутствия в регионе, главной целью которой является не только и не столько гарантированное нанесение неприемлемого ущерба в ответ на любую агрессию со стороны России, сколько военное сопровождение политических и экономических средств и методов, направленных на попытки изоляции Российской Федерации, в том числе, связанных с нарушением принципов свободного судоходства и открытого моря. И напротив, российские силы воспреещения доступа в Балтийском регионе служат не столько для нанесения поражения НАТО в открытом конфликте, сколько для того, чтобы сделать саму идею такого конфликта неприемлемой и чрезвычайно опасной для альянса. Такое различие в стратегических целях и методах их реализации является ключевым для понимания специфики функционирования асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе.

Другим важным отличием является институциональная среда. В частности, после распада СССР происходила геополитическая реорганизация пространства Прибалтийских государств и Польши, результатом которой стала их глубокая интеграция в структуры НАТО и Европейского союза. В этом заключается главное отличие от зоны Ормузского пролива, где действует ряд разрозненных и зачастую конкурирующих государственных и негосударственных акторов (Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ, хуситы, различные военизированные группировки на территории Ирака и Сирии), Балтийский регион характеризуется высокой степенью институциональной интеграции и сплоченности стран-членов НАТО. Эта интеграция, с одной стороны, создает мощный коллективный потенциал для сдерживания, а с другой стороны создает специфические уязвимости, связанные с необходимостью достижения консенсуса по вопросам как применения силы, так и выбора способов и методов защиты, например, критической инфраструктуры в Балтийском море.

Таким образом, оба случая наглядно демонстрируют, что в современном мире контроль над ключевыми морскими пространствами и коммуникациями, а также наличие возможностей нарушить их функционирование, является одним из наиболее эффективных инструментов асимметричного влияния, которое позволяет стороне конфликта, не обладающей военным превосходством, эффективно отстаивать свои стратегические интересы и обеспечивать безопасность.

Это эмпирическое наблюдение полностью подтверждает теоретическую модель пространственного распределения силы, согласно которой распределение потенциалов никогда не бывает равномерным, а асимметрия может быть устойчивой, если более слабая сторона контролирует уникальное географическое пространство и, одновременно, обладает технологическими или военно-техническими средствами для его контроля.

В результате консолидации всех вышеперечисленных элементов – расширения НАТО к границам Российской Федерации, создания эшелонированной системы сил присутствия в государствах региона (Приложение Л), создания развитой логистической инфраструктуры, модернизации структуры военного управления (в том числе, национальной), и ответных действий России в виде создания системы воспреещения доступа, воссоздания Ленинградского военного округа, наращивания военных группировок вдоль западных границ и заключения Договора о гарантиях безопасности с Республикой Беларусь (включающего размещение на ее территории специальных видов вооружения) [1], - в Балтийском регионе окончательно сформировалась асимметричная система безопасности, функционирующая по принципу динамического равновесия напряженности. При этом динамическое равновесие напряженности заключается в том, что несмотря на тотальное численное, институциональное и технологическое доминирование НАТО в регионе, альянс не обладает потенциалом для проведения быстрой военной операции по захвату ключевых территорий или

же вести конфликт низкой интенсивности без риска понести неприемлемый ущерб.

Это положение обосновывается также через понятие взаимной уязвимости. В асимметричной системе стабильность держится не на равенстве сил, а на том, что ни одна из сторон не может ликвидировать стратегические уязвимости другой без неприемлемого ущерба для себя. Этот тезис находит свое конкретное подтверждение в ситуации вокруг Сувалкского коридора, который является классическим примером ключевой географической точки, контроль над которой определяет стратегическую расстановку сил во всем регионе.

Это географическое пространство по праву считается «ахиллесовой пятой» альянса и его самым уязвимым местом. В частности, захват или даже огневое перекрытие Сувалкского коридора российскими вооруженными силами в случае вооруженного конфликта привело бы к полной сухопутной изоляции Прибалтийских государств и расположенных на их территории воинских контингентов НАТО от остальной части альянса, приводя фактически к изоляции всего Прибалтийского театра военных действий альянса. В свою очередь, российские подразделения, расположенные в Калининградской области с одной стороны, и союзные силы, расположенные на территории Беларуси, с другой, делают любую попытку НАТО по деблокированию своих подразделений в странах Прибалтики крайне рискованной и сопряженной с большими потерями.

При этом в качестве одного из вариантов, способным изменить такой дисбаланс сил в регионе, называлось размещение на территории Прибалтийских государств достаточного количества сил, численностью примерно в семь бригад, в том числе трех тяжелых бронетанковых бригад, при достаточной поддержке авиации, наземных огневых средств и других вспомогательных сил. Однако даже первая часть предложенного варианта, - размещение семи бригад, из которых три тяжелых бронетанковых (это примерно 45 тыс. человек), является утопической в современных условиях.

Примечательно, что само признание этой асимметрии со стороны НАТО является дополнительным подтверждением ее существования. Как заявил в 2025 г. командующий сухопутными силами НАТО в Европе генерал Донахью, альянс разработал детальный план оперативного подавления оборонительного потенциала российских сил в Калининграде [239]. Этот план, по сути, является публичным признанием того факта, что НАТО вынуждено разрабатывать специальные сценарии для нейтрализации угрозы, исходящей от изолированного российского эксклава, что является убедительным подтверждением эффективности российской стратегии асимметричного сдерживания. Именно такая взаимная, симметричная уязвимость, а не абсолютное военное превосходство какой-либо из сторон, и порождает то хрупкое, но парадоксально устойчивое равновесие, которое характеризует современную геополитическую конфигурацию в Балтийском регионе. В регионе ни одна из сторон не может устранить стратегические уязвимости другой стороны без неприемлемого ущерба для себя. НАТО не может защитить Прибалтику без нейтрализации Калининграда, а Россия не может использовать свой эксклав для ведения полноценных боевых действий без установления сухопутного контроля над Сувалкским коридором и, как следствие, без эскалации с НАТО и вовлечением в конфликт большого числа участников.

Таким образом, представленный в исследовании эмпирический анализ полностью верифицирует и подтверждает авторскую концепцию геополитического дуализма. Как и предполагалось данной концепцией, система, сложившаяся в Балтийском регионе к 2024 г., не является биполярной в классическом понимании этого термина, так как в ней отсутствует глобальный идеологический антагонизм (подобный противостоянию коммунизма и капитализма) и паритетный баланс сил во всех сферах. В данном случае дуализм был определен как теоретическая конструкция, объясняющая устойчивость конфронтационных систем, в которых ни один из акторов не обладает абсолютным превосходством. Ключевыми элементами в

данном случае выступают два центра силы с принципиально разными возможностями, существование зон взаимного проникновения интересов, механизмы сдерживания эскалации, а также динамическое равновесие, поддерживаемое за счет постоянной коррекции своих стратегий этими центрами силы. Ситуация, которая сложилась в Балтийском регионе к 2024 г., подтверждает наличие всех указанных элементов.

При этом принцип взаимозависимости, заложенный в основу концепции геополитического дуализма, проявляется в том, что даже в состоянии жесткой конфронтации стороны вынуждены учитывать интересы друг друга из-за общей, экзистенциальной цели предотвратить неконтролируемую эскалацию. Ни НАТО, ни Россия не заинтересованы в прямом военном столкновении, поскольку его последствия будут катастрофическими, непредсказуемыми и, вероятно, необратимыми для обеих сторон. Это вынужденное сосуществование в условиях высокой, перманентной напряженности и является той новой нормой, которая определяет не только безопасность Балтийского региона, но и всю систему как евроатлантических, так и международных отношений в обозримой перспективе.

Принцип динамизма, третий ключевой элемент концепции геополитического дуализма, проявляется в постоянной, непрекращающейся эволюции системы безопасности, где каждый новый шаг поддерживает ее в состоянии управляемой стабильности. Каждый новый шаг одной стороны (вступление новых членов в НАТО, размещение новых ракетных систем, проведение масштабных учений и т.д.) вызывает зеркальный или асимметричный ответ другой (например, размещение специальных средств вооружения на территории Республики Беларусь), поддерживая систему в состоянии постоянного, но контролируемого напряжения, где гонка вооружений и гибридное противоборство становятся основным способом поддержания этого хрупкого равновесия.

Географический детерминизм, в его современной интерпретации, предложенной в работе ранее (где он был определен не как жесткая предопределенность, а как обуславливающее влияние географических факторов, которое может быть усилено или ослаблено технологическими и политическими решениями), остается ключевым инструментом для объяснения того, как государства, уступающие в совокупной военной мощи, могут эффективно отстаивать свои интересы.

Влияние сформировавшейся асимметричной системы безопасности на весь Балтийский регион и на общеевропейскую архитектуру безопасности в целом является глубоким и долгосрочным. Во-первых, окончательное оформление этой системы привело к закреплению региона в качестве постоянной зоны напряженности и передовой линии военно-политического противостояния между Россией и евроатлантическим сообществом. Это означает, что даже в отсутствие активных боевых действий регион будет оставаться ареной интенсивной гонки вооружений, постоянных военных учений и гибридных действий.

Во-вторых, эта система породила новый тип стабильности – стабильность, основанную на угрозе эскалации и взаимном сдерживании. Эта стабильность, хотя и является хрупкой и достаточно конфликтогенной, тем не менее, обладает определенной инерционностью, поскольку любое резкое изменение статус-кво чревато неприемлемыми издержками и последствиями для обеих сторон.

В-третьих, модель асимметричного сдерживания в Балтийском регионе может быть воспринята как образец для других конфликтных регионов мира, что потенциально может привести к распространению подобных конфигураций и, как следствие, к дальнейшей фрагментации и милитаризации глобального пространства.

3.2. Пределы устойчивости асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе в контексте его географических детерминант

Проведенный анализ географических детерминант Балтийского региона, эволюции институциональных структур государств Балтийского региона, Европейского союза и НАТО, а также анализ динамики милитаризации региона позволил сформулировать теоретическую модель Балтийского региона как устойчивой асимметричной системы безопасности, функционирующей в контексте концепции геополитического дуализма. Ключевым выводом данного анализа является положение о том, что такая система безопасности, несмотря на свою внутреннюю конфликтность, обладает, с другой стороны, парадоксальной стабильностью, основанной на взаимном сдерживании сторон и страхе перед неконтролируемой эскалацией.

Однако стабильность не тождественна отсутствию внутреннего конфликтного потенциала. Напротив, асимметричная система безопасности генерирует специфические, постоянно регенерируемые источники напряженности, которые могут как оставаться в латентном состоянии, так и при определенных условиях перерасти в открытое противоборство.

Как уже было сказано выше, географический детерминизм в его современной интерпретации выступает не как жесткая предопределенность геополитических процессов, а как обуславливающий фактор, который в современных условиях не утрачивает, а трансформирует свое значение. Применительно к Балтийскому региону это положение находит свое подтверждение в феномене сужения пространства маневра – процессе, при котором уникальная конфигурация физико-географических и политико-географических факторов объективно ограничивает выбор допустимых стратегических решений для всех вовлеченных в геополитический процесс акторов, одновременно усиливая восприятие любых, даже незначительных, действий противоположной стороны как потенциально агрессивных.

В данном контексте замкнутость акватории Балтийского моря и его небольшие глубины, стратегическое значение Финского залива и Датских

проливов, влияние на военно-политическую обстановку главных островов Балтийского моря, полуэкславное положение Калининградской области, а также уязвимость Сувалкского коридора, – все эти факторы в своей совокупности создают не просто географическую карту, а сложную систему взаимных ограничений, где любая попытка одной стороны улучшить свои тактические позиции неизбежно воспринимается другой не только как попытка изменить стратегический баланс, но и при определенных обстоятельствах, может рассматриваться как акт агрессии.

В контексте анализа конфликтного потенциала Балтийского региона данный вывод требует более детального рассмотрения. В частности, сужение пространства маневра в пространстве Балтийского региона проявляется в том, что ключевые географические объекты региона в условиях геополитического противостояния России и евроатлантического сообщества стали «узлами напряженности», каждый из которых является потенциальной точкой бифуркации, способной при определенных условиях инициировать цепную реакцию эскалации. Так, например, Сувалкский коридор, являясь единственным сухопутным коридором между Прибалтийскими государствами и остальной территорией НАТО, представляет собой самое уязвимое место альянса (Приложение М). Однако, как уже было рассмотрено на примере Ормузского пролива и Красного моря, сам по себе факт наличия географической уязвимости не является однозначно дестабилизирующим фактором.

В условиях асимметричной системы безопасности такая уязвимость становится источником обоюдно сдерживаемой эскалации. С одной стороны, НАТО осознает, что оперативный контроль над коридором в случае конфликта может быть потерян, что делает невозможной сухопутную переброску дополнительных соединений для деблокирования Прибалтики. С другой стороны, Россия также понимает, что любые действия по перекрытию коридора (например, развертывание дополнительных сил в Калининградской области и Беларуси) будут немедленно интерпретированы как акт

агрессивного поведения, что соответственно запустит механизм ответного наращивания сил НАТО в регионе. Например, передислокация подразделений ЧВК «Вагнер» на территории Республики Беларусь летом 2023 г. была воспринята польским правительством как «чрезвычайно опасный и дестабилизирующий шаг со стороны России» [223], «являющийся подготовкой вторжения в “самое уязвимое место” НАТО – ключевую стратегическую территорию на границе Польши и Литвы» [243]. В ответ на это к границам Беларуси было дополнительно переброшено до 1000 военнослужащих польской армии, включая тяжелое вооружение.

Таким образом, географическая конфигурация Сувалкского коридора не провоцирует конфликт, а напротив, создает мощный стимул для обеих сторон избегать любых действий, которые могут быть истолкованы как попытка установления контроля над ним. Конфликтный потенциал здесь реализуется не в форме прямого военного столкновения, а в форме перманентного состояния военной готовности и взаимных угроз, которые, однако, в силу своей обоюдной опасности, остаются в рамках риторики и оперативной (в части размещения и передислокации подразделений), но не боевой фазы.

Аналогичная логика применима и к Калининградской области. Как было отмечено ранее, российский эксклав, окруженный государствами-членами НАТО, рассматривается в американском и европейском военно-политическом сообществе как российский форпост, а развернутые там системы вооружения создают зону воспреещения доступа (A2/AD), которая по мнению тех же западных аналитиков рассматривается не иначе, как проецирование Россией силы на большую часть Балтийского региона. Однако географическая уязвимость самого эксклава, его оторванность от основной территории России и зависимость от морских и железнодорожных коммуникаций, проходящих через акватории и территории, контролируемые странами НАТО, создает сопоставимую с Сувалкским коридором уязвимость.

В частности, географическая изоляция российского полуэксклава может быть использована против него самого, так как в условиях кризиса НАТО

обладает необходимым потенциалом для установления морской блокады Калининградской области, что делает невозможным не только военное снабжение, но и гражданское сообщение региона с основной территорией России. Следовательно, конфликтный потенциал Калининградской области реализуется не в возможности ее использования в качестве плацдарма для наступательных операций против, например, Польши, а в способности создавать неприемлемые риски для НАТО в случае попытки блокады Калининградской области.

Это классическая ситуация наличия у сторон взаимных уязвимостей, которая, как утверждаете нами, и составляет суть геополитического дуализма. В данном случае система будет устойчива до тех пор, пока ни одна из сторон не попытается ликвидировать уязвимость противоположной стороны военным путем, поскольку любая такая попытка неизбежно приведет к ответным действиям, делающим эскалацию неконтролируемой.

Феномен сужения пространства маневра имеет еще одно важное измерение, связанное с ролью малых государств региона – Эстонии, Латвии и Литвы. Как уже было установлено выше, эти государства, в силу своего географического положения и ограниченного совокупного военного, экономического и политического потенциала, не являются самостоятельными акторами в асимметричной системе безопасности. Их стратегическая ценность для НАТО определяется исключительно их территорией как плацдармом, с которого оказывается давление на Российскую Федерацию, с одной стороны, и, в то же время, их ролью триггера в Североатлантическом альянсе для активации протокола 5 статьи Вашингтонского договора в случае эскалации обстановки и последующего вовлечения в конфликт максимально возможного количества членов альянса.

В контексте асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе это создает парадоксальную ситуацию, когда конфликтный потенциал региона напрямую зависит не столько от действий великих держав, сколько от поведения малых государств, которые, будучи не в состоянии обеспечить

собственную безопасность, обладают возможностью спровоцировать конфликт между более сильными игроками. При этом необходимо отметить, что политические элиты Прибалтийских государств, а также их представители в НАТО и в Европейском союзе, последовательно использовали этот ресурс для продвижения собственной повестки, направленной на максимальную конфронтацию с Россией всего евроатлантического сообщества.

В условиях асимметричной системы безопасности это создает дополнительный источник нестабильности, так как малые государства могут сознательно инициировать или провоцировать инциденты, зная, что их действия, скорее всего, не приведут к прямому военному ответу России из-за риска эскалации с НАТО, но при этом будут способствовать дальнейшей милитаризации региона и ужесточению политического и экономического давления на Россию как ответа на эти действия.

Таким образом можно утверждать, что географическая уязвимость Прибалтийских государств в комплексе с их провокационным поведением, в условиях функционирования асимметричной системы трансформируется в их политическое преимущество, что подтверждает ранее рассмотренное утверждение о критической важности субъективного фактора (установок политических элит) как в процессе принятия политических решений, так и для последующей оценки геополитических последствий таких решений. Что также является необходимым фактором для понимания всей геополитической динамики в Балтийском регионе.

Однако, конфликтный потенциал Балтийского региона не сводится только к сумме локальных точек напряженности. Его системообразующей характеристикой является способность к распространению, то есть к так называемому эффекту спилловера (эффекту распространения), который носит не линейный, а многоуровневый характер и охватывает вертикальное, горизонтальное и институциональное измерения. Анализ этого эффекта позволяет верифицировать предложенную нами концепцию геополитического

процесса как многомерного явления, сочетающего традиционные силовые и новые гибридные формы противоборства.

Если под эффектом спилловера необходимо понимать процесс трансграничной передачи последствий геополитической неопределенности, который может быть количественно измерен, например, с помощью эконометрических моделей, то геополитический риск и его последствия имеют свойство закономерно распространяться между странами и регионами [127]. Сам же геополитический риск при этом выступает в качестве передатчика в системе международных отношений, оказывая выраженное краткосрочное воздействие, например, на политические решения, стоимость нефти и т.д. [206].

Анализ эффекта спилловера позволяет верифицировать предложенную нами концепцию геополитического процесса как многомерного явления, сочетающего традиционные силовые и новые гибридные формы противоборства.

В частности, вертикальный спилловер означает переход конфликтного потенциала из военно-политической плоскости в экономическую, информационную, энергетическую и гуманитарную сферы. Как уже было показано, что милитаризация Балтийского региона после 2014 г. сопровождалась беспрецедентным ростом военных расходов и наращиванием на территории государств региона военного присутствия НАТО. Однако, как подтверждает последующий анализ, собственно военные аспекты являются лишь видимой частью комплекса геополитических процессов. Подтверждением вертикального спилловера служит трансформация экономических отношений в регионе, начавшаяся после 2014 г. Если в период 1990-х и 2000-х годов Балтийское море рассматривалось как пространство трансграничного сотрудничества, то уже к 2021 г. эти связи были либо нарушены, либо поставлены под жесткие ограничения, а после февраля 2022 г. практически полностью разрушены. Экономическая взаимозависимость, которая рассматривается как фактор, снижающий конфликтный потенциал, в

условиях асимметричной системы безопасности, напротив, стала инструментом давления и источником новых уязвимостей. Например, зависимость Прибалтийских государств от российской электроэнергии и синхронизированной работы энергосетей рассматривались западными экспертами как фактор энергетической зависимости, которую Россия могла бы использовать в как средство экономического и политического давления [192].

Аналогичным образом, зависимость российской Калининградской области от железнодорожного и автомобильного транзита через Литву стала инструментом экономического давления со стороны Европейского союза, что особенно ярко проявилось после начала украинского кризиса в 2022 – 2023 гг. в связи с введенными ограничениями на транзит подсанкционных товаров. Таким образом, вертикальный спилловер означает, что конфликтный потенциал региона реализуется не через прямое военное столкновение, а через создание «серых зон», где военные, экономические и информационные методы переплетаются, а порог эскалации оказывается размытым [53].

Горизонтальный спилловер представляет собой распространение конфликтного потенциала за пределы собственно Балтийского региона на сопредельные географические пространства, и прежде всего – на Арктический регион и зону Северной Атлантики. Взаимосвязь между балтийской и арктической системами безопасности является прямым следствием географического детерминизма, но не в его классической, статичной форме, а в форме, учитывающей современные технологические изменения.

В частности, выход из Балтийского моря через Датские проливы ведет в Северное море, затем – в Норвежское море и далее в Атлантический океан, огибая Скандинавский полуостров. Именно этот морской путь связывает Балтийский флот России с Северным флотом, базирующимся на Кольском полуострове. Следовательно, любой конфликт в Балтийском регионе неизбежно затрагивает коммуникации в Северной Атлантике, где проходят маршруты развертывания, например, подводных лодок, в том числе стратегических ракетноносцев.

В свою очередь, Арктический регион с развивающимся Северным морским путем, становится пространством растущей геополитической конкуренции, в которой Россия и США являются ключевыми игроками [75]. То есть, конфликтный потенциал Балтийского региона и Арктики не просто взаимосвязан, но и усиливает друг друга через механизмы географического проникновения. Милитаризация Балтики, в частности развертывание сил НАТО в Польше и Прибалтике, вынуждает Россию укреплять свои западные границы, разворачивая дополнительные силы в Ленинградском военном округе. В ответ на вступление в НАТО Швеции и Финляндии и начало процесса военного освоения высоких широт, Россия на арктическом направлении перешла к милитаризации арктических островов и южного побережья Северного ледовитого океана. Следовательно, горизонтальный спилловер создает замкнутый контур эскалации: напряженность на Балтике перетекает в Арктику, а оттуда обратно, формируя тем самым единый северо-западный театр военных действий, где географические, климатические и инфраструктурные факторы создают новые вызовы безопасности.

Таким образом, данный вывод подтверждает предложенную нами концепцию пространственного распределения сил как динамического процесса, не ограниченного рамками одного региона, а охватывающего сопредельные пространства, как на внутрирегиональном, так и на межрегиональном уровнях.

Институциональный спилловер является, пожалуй, наиболее значимым, но одновременно и наименее очевидным измерением распространения конфликтности. Он заключается в том, что конфликтный потенциал, сформировавшийся в Балтийском регионе, начинает оказывать обратное влияние на принимаемые в НАТО, Европейском союзе и национальных государствах решения, которые изменяют их внутреннюю структуру и внешнеполитическую повестку. В частности, вступление Прибалтийских государств и Польши в Североатлантический альянс привело к тому, что их национальные интересы, в основе которых лежала антироссийская идеология

и исторические нарративы, были интернализованы как в Европейском союзе, так и в НАТО. Особенно ярко это проявилось после начала проведения Россией специальной военной операции на территории Донбасса и Украины.

В данном контексте институциональный спилловер означает, что теперь уже не только малые государства адаптируются к правилам НАТО, но и НАТО вынуждено адаптировать свои стратегии и доктрины под уязвимости и внешнеполитические нарративы своих восточных членов. Конкретным проявлением этого процесса является замена концепции стратегического партнерства с Россией, которая была положена в основу Основопологающего акта Россия – НАТО 1997 г., на стратегию сдерживания России как на базовую миссию альянса после окончания холодной войны. Такая трансформация не была простым ответом на действия России по принуждению Грузии к миру в 2008 г., воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., или начало специальной военной операции на Украине в 2022 г. Еще до 2008 г., под влиянием американских и прибалтийских элит, в НАТО доминировал дискурс о «российской угрозе», а начавшийся разрыв отношений после 2014 г. лишь легитимизировал сложившиеся к тому времени институциональные установки.

Кроме того, институциональный спилловер также проявляется в таком геополитическом феномене, как секьюритизация, то есть переносе вопросов, традиционно относившихся к сфере экономики или внутренней политики государств, в сферу безопасности, когда некая проблема объявляется экзистенциальной угрозой, для оправдания применения чрезвычайных мер и выход за рамки обычных политических процедур [136, 23]. То есть, стремление к безопасности выводит политику и политические процессы за рамки традиционных определений, делая их либо особым видом политики, либо представляя их как нечто, стоящее над политикой. Это, в свою очередь, ставит во главу угла необходимость ответа на два взаимосвязанных вопроса: была ли проблема просто политизирована или она действительно стала проблемой безопасности.

Весьма наглядно этот механизм проявляется во всех трех Прибалтийских государствах. Например, отказ Латвии и Эстонии предоставить гражданство значительной части русскоязычного населения, что является нарушением этими государствами международных обязательств, не рассматривается ни НАТО, ни Европейским союзом как проблема прав человека и национальных меньшинств. Напротив, любые заявления России в защиту соотечественников интерпретируются как правительствами Латвии и Эстонии, так и евроатлантическими структурами как «гибридная атака» России ее и вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

Таким образом, институциональный спилlover ведет к тому, что конфликтный потенциал региона становится по своей сути самовоспроизводящимся, так как институты (НАТО, ЕС, национальные правительства) сами создают новые угрозы, которые требуют от них новых полномочий и ресурсов, которые, в свою очередь, порождают новые угрозы, замыкая круг. Данное утверждение подтверждает выдвинутый нами тезис о том, что институциональное дублирование и стратегическая неопределенность являются не слабостью, а адаптивным свойством асимметричной системы, позволяющим ей сохранять устойчивость даже в условиях перманентного кризиса.

Однако, несмотря на высокую степень устойчивости, продемонстрированную асимметричной системой безопасности в Балтийском регионе, она не является статичной и не застрахована от ее дестабилизации. Более того, именно ее внутренние противоречия, которые в обычных условиях играют стабилизирующую роль, при определенных обстоятельствах могут стать источниками резкой эскалации.

Первым и наиболее значимым фактором дестабилизации асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе является возможная деградация механизмов взаимного сдерживания, основанных на страхе перед неконтролируемой эскалацией.

Как было рассмотрено на примере ситуации в Ормузском проливе в период американо-иранского конфликта в начале 2026 г., асимметричное сдерживание эффективно только до тех пор, пока обе стороны рационально оценивают риски и избегают действий, которые могут быть интерпретированы другой стороной как «переход красных линий». Однако в условиях перманентной гибридной войны и информационного противоборства рациональность восприятия может снижаться или нивелироваться второстепенными факторами. Например, инциденты в нейтральных водах или воздушном пространстве, такие как, например, сближение военных кораблей и самолетов, имитации ракетных ударов, блокирование навигационных сигналов и т.д., которые происходят в Балтийском регионе на регулярной основе, обладают кумулятивным эффектом. Каждый такой инцидент сам по себе не приводит к эскалации, но он снижает психологический порог и повышает уровень недоверия сторон друг к другу. В определенный момент накопленная напряженность может привести к случайной войне, - ситуации, когда какая-либо сторона ошибочно интерпретирует действия другой и нанесет, по ее мнению, ответный удар, полагая, что противник уже начал агрессию [54].

Классическим примером такой логики в истории холодной войны является операция *Dropshot* (нереализованный план США по ядерной бомбардировке СССР) или учения *Able Archer 83*, которые были близки к тому, чтобы быть воспринятыми советским руководством как реальная подготовка к ядерному удару. В современных условиях, когда время на принятие решений, например, расчетами средств ПРО/ПВО, сократилось до нескольких секунд. В этих условиях риск перехода ситуации от дестабилизации к эскалации и прямому вооруженному столкновению, например, из-за технического сбоя или ошибочной интерпретации информации, возрастает многократно.

Кроме того, в качестве фактора дестабилизации выступает также возможное (хотя и маловероятное, но не равное нулю) изменение

внутриполитической ситуации в одной из ключевых стран-участниц асимметричной системы безопасности Балтийского региона. Например, смена политического режима или политического курса действующих администраций и правительств в США, Польше, Германии или даже в России может привести к пересмотру их геополитических, внешнеполитических или стратегических приоритетов. Например, изменение в Соединенных Штатах внешнеполитического курса может поставить под сомнение гарантии безопасности, в частности, для стран Балтийского региона. Такая ситуация может спровоцировать их на попытку резкого усиление конфронтационной риторики в отношении России с целью сохранить военное присутствие армии США в регионе.

Другим фактором дестабилизации ситуации в Балтийском регионе является обострение противоречий внутри НАТО и Европейского союза, которые до сих пор удавалось сглаживать за счет их консолидации вокруг «российской угрозы». В частности, размещение групп передового присутствия (*eFP*) в Польше и Прибалтике было компромиссом между «старыми» и «новыми» членами альянса. Однако этот компромисс носил хрупкий характер и рост военных расходов (требование НАТО о 2% ВВП сменилось требованиями США о 5% ВВП) вызывает недовольство в странах Южной Европы (Италия, Испания, Греция), которые традиционно фокусируются на средиземноморских и ближневосточных угрозах, а не на сдерживании России. Внутри самой Германии, которая является ключевым государством как НАТО, так и Европейского союза, растет оппозиция участию Бундесвера в миссиях, которые могут привести к прямому конфликту с Россией.

Что касается Европейского союза, то его действия свидетельствуют о переходе Европейского союза к формированию собственной военной политики, увеличению государствами-членами расходов на оборону и их ответственности как за собственную, так и за общую безопасность [249]. При этом конкретными шагами руководства ЕС в направлении милитаризации Европейского союза как надгосударственной структуры, стали принятые им

программы Европейской стратегии оборонной промышленности [209], Плана развития потенциала (*CDP*), Скоординированного ежегодного обзора в области обороны (*CARD*) и Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*), а также создание общеевропейской системы ПВО/ПРО *European Sky Shield Initiative* [222]. «Вершиной» курса европейской милитаризации стал принятый план *Readiness-2030* («Готовность 2030») [263] – стратегическая оборонная инициатива Европейского союза, так как в случае противоречий внутри НАТО, Европа должна сама сосредоточиться на собственной обороне. Необходимо отметить, что в данном документе Россия определена как «фундаментальная угроза» на обозримое будущее, а Украина названа «фронтом европейской обороны».

В данном контексте Прибалтийские государства, опасаясь, с одной стороны, роста противоречий внутри НАТО и ослабления антироссийской риторики, с другой стороны, могут попытаться спровоцировать кризис для того, чтобы укрепить как европейское, так и евроатлантическое единство. Такой сценарий, хотя и маловероятен в краткосрочной перспективе, но не может быть полностью исключен, особенно если внешнеполитический курс США изменится в сторону большей осторожности в отношении России и роста их скептицизма в отношении НАТО.

Данные модели подтверждают тезис о том, что субъективный фактор в условиях асимметричной системы безопасности играет не меньшую, а иногда и большую роль, чем объективные географические детерминанты и политическая, экономическая или военная целесообразность.

Еще одним дестабилизирующим фактором является Балтийское море, где плотность судоходства и количество подводной инфраструктуры чрезвычайно высоко (Рисунок 13), например, использование диверсионного акта «под чужим флагом», который может быть мгновенно приписан одной из сторон и, соответственно, спровоцировать ответ, даже если истинный виновник останется неизвестным. Подобные инциденты в Балтийском море не являются редкостью после обострения отношений между Россией и

евроатлантическим сообществом: в сентябре 2023 г. взорваны газопроводы «Северный поток» и «Северный поток-2», в октябре 2023 г. поврежден газопровод *Balticconnector*, в январе 2024 г. поврежден кабель высокого напряжения *EstLink-2*, в ноябре 2024 г. повреждены две ветки телекоммуникационного кабеля *C-Lion-1*, в декабре 2024 г. поврежден кабель *EstLink-2*. Как правило, после их повреждений, со стороны Европейского союза и государств региона сразу следовали заявления о том, что инфраструктура была повреждена судами российского так называемого «теневого флота», и требования о запрете его свободного прохода через акваторию Балтийского моря [54].

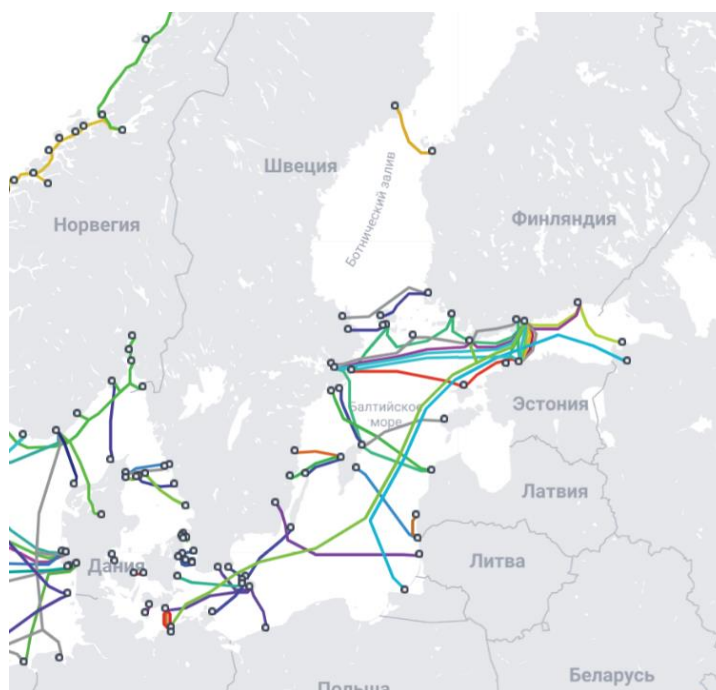

Рисунок 13 – Схема подводных коммуникаций в Балтийском море
Источник: составлено автором на основе данных [251]

Следствием таких инцидентов и следовавших за ними заявлений стала проводимая с января 2025 г. Североатлантическим альянсом миссия *Baltic Sentry* (Балтийский часовой). Формально миссия направлена на обеспечение защиты подводной инфраструктуры в Балтийском море, реальным следствием ее проведения стало наращивание военного присутствия в акватории Балтийского моря, развертывание Центра военно-морского командования в

Балтийском море (г. Росток, Германия), целью которого является координация операций в Балтийском море [214].

Таким образом, гибридные угрозы, будучи инструментом асимметричного сдерживания, одновременно являются и источником системного риска, способного подорвать устойчивость всей асимметричной системы безопасности, сформировавшейся в Балтийском регионе.

Рассматривая влияние дестабилизирующих факторов асимметричной системы безопасности Балтийского региона, необходимо также рассмотреть вопрос о пределах устойчивости этой системы. Проведенный анализ показывает, что асимметричная система безопасности в регионе будет сохранять свою устойчивость до тех пор, пока сохраняются три ключевых условия. Во-первых, это сохранение рационального восприятия рисков обеими сторонами, а также объективная оценка случайных инцидентов. Во-вторых, сохранение баланса сил в регионе, без перехода к критическому наращиванию военного присутствия, особенно количества ракетного вооружения, систем ПВО/ПРО, средств радиоразведки и радиоэлектронной борьбы, количества и масштабов проводимых учений и сокращение разведывательной деятельности. В-третьих, недопущение перехода гибридных и случайных инцидентов в фазу открытого военного столкновения. Нарушение хотя бы одного из этих условий способно запустить неконтролируемую и практически неуправляемую реакцию, в результате которой система, основанная на взаимном сдерживании, трансформируется в систему, основанную на взаимном уничтожении.

Главный вывод, который следует из анализа пределов устойчивости асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе, заключается в том, что дестабилизация всей системы наиболее вероятна не из-за прямого военного столкновения, а из-за эскалации в результате провокационных или случайных действий сторон, когда одна из них стороны не сможет адекватно интерпретировать эти действия и действительные намерения другой стороны, и предпримет ответные меры военного характера, выходящие за рамки

допустимых масштабов. В данном контексте конфликтный потенциал системы безопасности Балтийского региона представляет собой не столько угрозу неизбежной войны, сколько устойчивое и латентное состояние геополитической напряженности, которое заставляет стороны уделять значительное внимание обеспечению собственной безопасности, деформируя тем самым состояние безопасности не только в Балтийском регионе, но и на всем европейском континенте. При этом в некоторых случаях меры реагирования на изменение обстановки, предпринимаемые сторонами, являются реактивными, основанными на ошибочной оценке обстановки, как результат, чрезмерными и не отвечающими ее реальным условиям.

3.3. Сценарное прогнозирование функционирования асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе

Проведенный анализ географических детерминант и динамики формирования асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе позволяет перейти от констатации сложившейся реальности к прикладной оценке ее текущего состояния и потенциальных траекторий развития. Завершающий этап трансформации асимметричной системы безопасности Балтийского региона, завершившийся в период 2022 – 2024 гг., не просто подтвердил геополитический дуализм как устойчивую характеристику региона, но и обнажил значительный дисбаланс потенциалов сторон и их уязвимости, которые определяют пределы прочности этой системы.

Комплексная оценка географических факторов Балтийского региона, институциональных факторов и пространственного распределения сил в регионе позволяют описать и сопоставить методом SWOT-анализа внутренние и внешние факторы, влияющие на дальнейшее развитие ситуации в Балтийском регионе, а также на этой основе сформулировать обоснованные сценарии развития ситуации в регионе, основанные на комплексной оценке качественных и количественных параметров вовлеченных сторон, их субъективных установок и объективных ограничений [43].

Учитывая, что все государства Балтийского региона являются членами Европейского союза и НАТО, выявление и оценку факторов, влияющих на дальнейшее развитие ситуации, необходимо проводить в комплексе их сильных и слабых сторон, возможностей и ограничений. При этом, в соответствии с методикой проведения SWOT-анализа [123], необходимо учитывать географические факторы региона, институциональные и субъективные факторы внешнеполитической повестки государств региона, Североатлантического альянса и Европейского союза, факторы внешнеполитического дискурса. Также проводимые оценка и анализ ситуации в регионе требуют обращения не к статичным показателям военных бюджетов или численности личного состава, а к их динамическому взаимодействию, то есть, к пространственному распределению сил в регионе.

При проведении анализа необходимо учитывать, что Балтийский регион представляет собой не просто пространство конфронтации России и евроатлантического сообщества, а сложную и адаптированную систему, в которой институциональное дублирование одинаковых функций различными субъектами (государствами, Европейским союзом и НАТО), стратегическая неопределенность и асимметрия потенциалов сторон выступают в качестве механизмов, обеспечивающих устойчивость всей региональной системы безопасности.

Обобщающая оценка возможностей и ограничений сторон – государств Балтийского региона, НАТО, Европейского союза, а также Соединенных Штатов как внерегиональной, но системообразующей силы – может быть представлена в форме SWOT-анализа, интегрирующего географические, военно-политические, экономические и субъективно-политические факторы.

Сильные стороны (Strengths) асимметричной системы безопасности Балтийского региона с точки зрения западных акторов, прежде всего НАТО, заключаются в их институциональной сплоченности и военно-техническом

превосходстве на Российской Федерацией². В частности, создание в регионе системы сил передового присутствия и военного присутствия в форме различных военных миссий, совершенствование, оптимизация и адаптация командных структур, развитие в военных целях логистической инфраструктуры – обеспечивают Североатлантическому альянсу высокую степень оперативной совместимости и контроля над ключевыми основными коммуникациями в регионе. К сильным сторонам следует также отнести и полный контроль НАТО над Датскими проливами и военно-морское доминирование в акватории Балтийского моря с точки зрения контроля акватории Балтийского моря и свободы маневра для военно-морских сил альянса. Кроме государств региона и НАТО, Европейский союз также создал мощный экономический и политический фундамент для поддержания конфронтационного курса против России, синхронизировав для этого экономические инструменты (такие как санкции, ограничение транзита, введения потолка цен на российские углеводороды) с военными.

Слабые стороны (Weaknesses) системы представляют собой оборотную сторону ее сильных качеств и носят системный характер. Во-первых, это географическая уязвимость государств региона (и как следствие – всего восточного фланга альянса), трансформированная в стратегический дисбаланс. В частности, контроль НАТО над Балтийским морем не является абсолютным из-за наличия ключевого узла напряженности – Калининградской области, на территории которой российскими силами создана зона воспреещения доступа и контроля (A2/AD) позволяющая нивелировать доминирование альянса в Балтийском регионе. Во-вторых, критический дисбаланс в системе количественного и качественного оснащения вооруженных сил государств региона. В частности, между количеством военной техники и личным составом. В Германии и Польше наблюдается парадоксальная ситуация, когда наращивание

² Прим. авт.: Североатлантический альянс и государства региона рассматривают и учитывают превосходство в конвенциональных видах вооружения, способах и методах вооруженного противостояния.

высокотехнологичных систем вооружения и техники опережает возможности по подготовке для работы с этими системами квалифицированных расчетов, обслуживающего персонала, а также созданию необходимой инфраструктуры для хранения и обслуживания, а также создания систем навигационного и метеорологического обеспечения, наличия средств радиосвязи, в том числе, защищенных от воздействия средств РЭБ. Этот разрыв снижает реальную боевую эффективность формально мощных боевых группировок³. В-третьих, дефицит систем противовоздушной и противоракетной обороны. Несмотря на создание инициативы *European Sky Shield*, покрытие воздушного пространства Балтийского региона остается фрагментарным. Существующие системы ПВО малой и средней дальности, такие как *NASAMS* и *IRIS-T*, не способны создать плотную многоэшелонированную зону противовоздушной обороны [130], особенно в условиях массированного применения противником крылатых и баллистических ракет, ударных БПЛА, что было многократно продемонстрировано как в ходе конфликта на Украине, так и в ходе американо-иранского конфликта в начале 2026 г [131]. В-четвертых, это рост расходов на оборону в государствах Балтийского региона, увеличение которых становится тяжелым грузом для их экономик. Это отвлекает значительные ресурсы от социальных программ, инфраструктуры и развития гражданских секторов экономики, что в условиях уже высокой нагрузки может вызвать недовольство внутри обществ. При этом рост военных бюджетов не решает структурных проблем в области обороны, когда вместо качественного усиления обороны наблюдается ситуация «милитаризация ради милитаризации», подпитываемая инерцией НАТО на увеличение расходов и внешнеполитической логикой элит в государствах региона, так и на европейском уровне. Кроме того, увеличение расходов в во многом обусловлено внешним давлением США и необходимостью соответствовать

³ Прим. авт.: The Manpower Paradox: High-Tech Weapons and the Shortage of Skilled Personnel in European Armies – парадокс, который заключается в том, что инвестиции в высокотехнологичное вооружение не могут компенсировать недостаток квалифицированных военных специалистов, что ставит под угрозу боеспособность вооруженных сил.

коллективным обязательствам, а не реальными потребностями национальной безопасности.

Возможности (Opportunities) для укрепления как национальных, так и блоковых позиций в Балтийском регионе лежат в плоскости институционального и технологического развития. Во-первых, это завершение процесса перевооружения и интеграции вооруженных сил Финляндии и Швеции в структуры НАТО, что кардинально меняет баланс в северной части Балтики и создает новые возможности для контроля над Финским заливом. Во-вторых, переход Европейского союза к реализации программы *Readiness-2030* в части создания мобильных сил быстрого реагирования и развитие военной мобильности, которые могут повысить автономию европейской обороны в условиях дисбаланса отношений с Соединенными Штатами. Однако использование этих возможностей требует времени и значительных финансовых ресурсов, что наталкивается на бюджетные ограничения многих европейских государств.

Угрозы (Threats) для стабильности и, в более широком смысле, для самой асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе, носят комплексный и разноуровневый характер. Наиболее значимой угрозой для государств региона и, как следствие, для всей системы, является изменение внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Зависимость европейской безопасности от американских гарантий является фундаментальной чертой всей системы европейской безопасности. Потенциальный отход США от европейской повестки, который может проявиться в пересмотре обязательств по статье 5 Вашингтонского договора или сокращении своего военного присутствия в Европе или в регионе, станет для всей системы безопасности экзистенциальным шоком. Признаки такой возможности прослеживаются в как в риторике отдельных политических сил в США, ставящих под сомнение пропорциональность расходов европейских союзников, так и в проявившемся разломе отношений внутри НАТО в ходе американо-иранского конфликта в начале 2026 г., когда все ключевые союзники отказались поддержать Соединенные Штаты в проведении военных операций, а некоторые из них

отказали США в предоставлении своего воздушного пространства и военных баз [186].

Второй угрозой является внутренняя политическая дестабилизация в ключевых государствах региона и ЕС, а также рост евроскептицизма. Приход к власти правых популистских партий, способен парализовать принятие решений в НАТО и ЕС, связанных как с продолжением внешнеполитического курса, так и связанных с увеличением военных расходов или изменении оборонных законодательств [221]. Особенно уязвимы в этом плане прибалтийские государства, чья политическая элита, как уже было отмечено, заинтересована в сохранении высокого уровня конфронтации как основы собственной идентичности и внешнеполитического влияния. Любое ослабление единства Запада будет воспринято ими как угроза национальному суверенитету, что может спровоцировать их на односторонние провокационные действия.

В-третьих, это кумулятивный эффект гибридных инцидентов (или инцидентов в «серой зоне»). Повреждение подводных кабелей, нарушения воздушного пространства и захват судов торгового флота в нейтральных водах создают «новую нормальность» постоянно повышенной напряженности. Такая ситуация несет в себе риск случайной эскалацией, когда инцидент, вызванный технической ошибкой или непреднамеренными действиями третьей стороны, будет интерпретирован как начало агрессии [104].

Проведенный SWOT-анализ подтверждает, что асимметричная система безопасности в Балтийском регионе находится в состоянии динамического равновесия, но равновесия хрупкого. Ее устойчивость зависит от сохранения трех ключевых условий: рационального восприятия рисков, относительного баланса сил и недопущения перехода гибридных инцидентов в фазу открытого столкновения. Нарушение любого из этих условий, усиленное действием выявленных угроз (особенно в связи с возможным изменением политики США или внутренней дестабилизацией ЕС), способно перевести всю систему региональной безопасности в фазу бифуркации.

Рисунок 14 – Матрица SWOT-анализа геополитических факторов, влияющих на развитие обстановки в Балтийском регионе.

Источник: составлено автором на основе

Для анализа возможных траекторий развития ситуации в среднесрочной перспективе (в диапазоне 3 – 5 лет) необходимо предложить комплексные сценарии, учитывающие действия западных акторов безотносительно ответных мер России, что позволяет изолированно оценить внутренний конфликтный потенциал самой асимметричной системы.

Сценарий 1. Инерционный (вербальная эскалация). Этот сценарий представляет собой экстраполяцию текущих тенденций и является наиболее вероятным при сохранении существующих институциональных и военно-политических условий. Сохранение текущего статус-кво, при котором ни одна из сторон не стремится к радикальному изменению ситуации, но и не готова к реальной деэскалации. Доминирует инерция конфронтации, подкрепленная внешнеполитическими интересами бюрократических структур НАТО и Европейского союза, а также внутривластной логикой правящих элит во всех государствах Балтийского региона.

Институциональным оформлением данного сценария со стороны НАТО и ЕС, в отсутствие явных военных провокаций со стороны России будет выражаться в системном наращивании военного потенциала, формально обоснованном необходимостью сдерживания непредсказуемого поведения России. Такая необходимость будет заключаться, прежде всего, в увеличении численности коллективных сил НАТО, размещаемых в государствах Прибалтики, Польши и Финляндии, их оснащение более тяжелыми видами вооружения и военной техники; увеличение масштабов и количества ежегодных стратегических; завершение строительства и реконструкции военной инфраструктуры в рамках инициатив НАТО и двусторонних соглашений; активизацию деятельности Центров передового опыта.

Политические возможности для реализации инерционного сценария высоки, так как он не требует принятия непопулярных решений в условиях уже проводимой антироссийской внешней политики. Военные возможности НАТО в регионе позволяют поддерживать и даже умеренно наращивать текущий уровень присутствия, так как процесс милитаризации региона в рамках европейских программ уже был легитимирован и бюджетирован Европейским союзом, в том числе в рамках программ *ReArm Europe* [245] и *Security Action for Europe (SAFE)* [246]. Однако существуют ограничения, связанные с нежеланием и «усталостью» некоторых государств-членов Европейского союза от бесконечного финансирования европейской безопасности, что может проявляться в задержках, связанных с выделением финансовых ассигнований.

Главный внутриевропейский политический риск данного сценария – это углубление раскола между Европейским союзом и НАТО. Экономические риски связаны с продолжающимся ростом оборонных расходов, который, по требованию Соединенных Штатов, может увеличиться с 2% до 5% ВВП, что станет тяжелым бременем для экономик многих европейских стран, отвлекая ресурсы от социальных программ и развития. Военные риски в данном

сценарии остаются минимальными, однако сохраняется риск случайных инцидентов.

Результатом данного сценария является сохранение существующей асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе с постепенным ростом военных расходов государств региона и продолжением ими вербальной конфронтации, однако без стремления к переходу к открытому военному столкновению с Россией. В данном случае асимметричная система безопасности в регионе продолжит демонстрировать высокую адаптивную способность, нормализуя тем самым состояние перманентной напряженности. Именно в этом сценарии наиболее полно проявляется авторская концепция асимметричной системы безопасности, в соответствии с которой асимметричная система безопасности определяется как сложная, динамичная и иерархически организованная геополитическая структура, формирующаяся в результате взаимодействия государственных и надгосударственных субъектов международных отношений, обладающих неравными ресурсными потенциалами, стратегическими возможностями и географическим положением.

Сценарий 2. Сценарий непреднамеренной эскалации. Этот сценарий является наиболее опасным и реализуется при нарушении первого и третьего условий устойчивости асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе (рациональное восприятие рисков и недопущение перехода инцидентов в фазу столкновения). По своему смыслу данный сценарий это кумулятивный эффект гибридных инцидентов в сочетании с их ошибочной интерпретацией военно-политическим руководством государств региона и НАТО в условиях крайне высокого уровня недоверия в отношениях Россия – Евроатлантическое сообщество.

Поводом для развития данного сценария может стать серьезный инцидент, связанный, например, с повреждением критической подводной инфраструктуры, инцидент в воздушном пространстве или на море. Важно, что инициатором может выступить не только одно из государств региона, но

и нерегиональной государство (что особенно актуально в условиях применения украинскими спецслужбами методов, связанных с атаками на российские торговые суда с помощью БЭК и БПЛА), или просто техногенное происшествие, которые будут ошибочно интерпретированы одной из сторон как прямая агрессия другой стороны.

В современных условиях реакция государств региона при поддержке Европейского союза может следовать логике «эскалация для деэскалации». Североатлантическому альянсу потребуется время для инициирования протокола как по статье 5 Устава (коллективной обороны), так и по статье 4 (консультации). При подтверждении (даже предположительном) факта «гибридной атаки» со стороны России, в рамках Протокола НАТО об использовании объединенных вооруженных сил будет принято решение о приведении Сил реагирования НАТО в состояние повышенной боеготовности. Конкретные меры могут включать перебросу и развертывание дополнительных вооруженных сил в государствах региона, а также начало проведения миссий ВВС и ВМС НАТО в воздушном пространстве региона и в акватории Балтийского моря. В политической плоскости последует серия заявлений на высшем уровне с ультимативными требованиями о прекращении действий, дестабилизирующих обстановку и создающих опасность перехода конфликта в плоскость вооруженного столкновения.

Политические возможности государств региона, НАТО и Европейского союза для быстрых и решительных действий в рамках данного сценария высоки, так как атмосфера кризиса отношений с Российской Федерацией консолидирует их. Военные возможности НАТО позволяют в течение 48 – 72 часов значительно усилить группировку в регионе за счет развертывания Сил быстрого реагирования и переброски дополнительных сил авиации, несколько позже и кораблей. Однако в данном случае существует значительное военное ограничение – альянс не имеет возможностей для быстрого развертывания дополнительных бронетанковых соединений в регионе (кроме имеющихся польских), так как переброска таких соединений требует их подготовки

(включая логистические возможности), организации, юридического согласования и оформления, а также времени. Таким образом, наращивание сил будет носить в значительной степени демонстрационный и политический характер.

Военные риски данного сценария заключаются в высокой вероятности перерастания ограниченной эскалации в ограниченный вооруженный конфликт в случае любого последующего непреднамеренного действия – случайного пуска ракеты, неверной идентификации цели, превышения полномочий командиром на месте и т.д. Любой последующий инцидент, который последует после приведения вооруженных сил в повышенные степени боевой готовности, может стать «вторым ударом», на который последует реальный военный ответ, и вся система региональной безопасности войдет в неконтролируемый спиралевидный цикл эскалации.

Политические риски связаны с назревающим расколом внутри НАТО и, как следствие, эти разногласия проявятся в процессе принятия решений в условиях кризиса. Некоторые союзники (например, Турция, Венгрия или Испания) могут отказаться от участия в ответных действиях по различным причинам, что нарушит принцип консенсуса в принимаемых решениях, особенно в условиях применения протокола 5 статьи Вашингтонского договора.

Экономическими рисками данного сценария являются практически мгновенный коллапс судоходства в Балтийском море (по аналогии с американо-иранским конфликтом 2026 г.), что нанесет значительный ущерб экономикам всех прибрежных государств, а также приведет к резкому скачку цен на энергоносители, так как значительная доля российских углеводородов экспортируется через Балтийское море.

В то же время, данный сценарий содержит и репутационные риски для государств региона, НАТО и Европейского союза. С одной стороны, это согласиться начать проводить мероприятия, направленные на подготовку к ведению боевых действий из-за инцидента, который мог быть случайностью

или провокацией третьей стороны, или начать проведение боевых действий в той или иной форме, а с другой стороны, оказаться неготовыми к ведению боевых действий регионального уровня из-за нехватки или недостаточности снабжения вооружением, военной техникой, средствами МТО, включая системы ПРО/ПВО, боеприпасы, ГСМ и т.д. Такая неготовность (или неспособность) организовать мероприятия по подготовке к ведению боевых действий, особенно в условиях кризисной ситуации, негативно скажется на дальнейшем участии государств-членов в НАТО и Европейском союзе, и поставит под вопрос их дальнейшее существование.

Результатом реализации этого сценария с высокой вероятностью станет кратковременное интенсивное военное столкновение, которое, однако, с большой долей вероятности будет локализовано и прекращено благодаря механизмам кризисной связи и взаимному осознанию неизбежности катастрофических последствий в случае продолжения дальнейшей эскалации. После прекращения активной фазы и восстановления, региональная система безопасности вернется на новый, еще более высокий уровень милитаризации и политической конфронтации, с еще более жесткими «красными линиями».

Сценарий 3. Сценарий ограниченной дээскалации. Этот сценарий является наименее вероятным в краткосрочной перспективе, но его возможность нельзя исключать, особенно при кардинальном изменении внешних условий, например, в случае изменения внешнеполитического курса Соединенных Штатов или в случае усиления системного кризиса внутри Европейского союза.

Причиной для развития данного сценария может стать сознание европейскими элитами тупикового характера всей текущей европейской политики, истощения экономических, военных и политических ресурсов для поддержания постоянной конфронтационной политики, а также появление в европейском сообществе новых приоритетов. Например, в случае продолжения американо-иранского конфликта или его перехода на более высокий уровень эскалации, а мировых рынках возникнет дефицит нефти, газа и удобрений, что приведет к необходимости возвращения к их закупке в

России и отмене большей части санкций и, как следствие, нормализации отношений. При этом Балтийский регион, в данном случае, будет являться ключевым, так как основные российские мощности по транспортировке удобрений, нефти, нефтепродуктов и газа сосредоточены в портах Усть-Луга, Приморский и Санкт-Петербург.

Деэскалация в условиях данного сценария будет носить ограниченный и, вероятно, непубличный характер, чтобы не быть воспринятой как проявление слабости со стороны европейского сообщества. При этом непубличный характер может заключаться в предоставлении государствам-членам возможности самостоятельно решать внешнеполитические вопросы с Россией. Институционально это может выразиться в возобновлении работы представителей Российской Федерации в структурах Европейского союза и НАТО на экспертном уровне, взаимном моратории на проведение крупных военных учений в непосредственной близости от границ, выработке технических соглашений по различным вопросам экономической и военно-политической деятельности, а также восстановлению сотрудничества на уровне частных проектов. При данном развитии ситуации со стороны Европейского союза потребуются постепенная и поэтапная отмена санкций, в том числе, на транзит в Калининградскую область. Однако ключевые военные структуры НАТО в регионе и военное присутствие будут сохранены, а возможно усилены под предлогом наблюдения за режимом нормализации отношений.

Политические возможности для деэскалации отношений с Российской Федерацией в настоящее время крайне ограничены из-за доминирования конфронтационного дискурса как в странах Балтийского региона, так и в евроатлантическом сообществе в целом. При этом военные возможности как отдельных государств-членов НАТО, так и всего альянса в целом, не являются ограничивающим фактором, так как в настоящее время деэскалация требует прежде всего не военных, а политических решений. Однако политические элиты Прибалтийских государств и, скорее всего, Польши, заинтересованные в сохранении военных бюджетов и статуса «прифронтовых» государств, будут

оказывать открытое противодействие политической деэскалации, апеллируя к «непредсказуемости и агрессивности» России.

Главный политический риск данного сценария – это внутренний раскол НАТО и Европейского союза. Государства Прибалтики, Польша, Дания и Швеция категорически отвергнут любые шаги к деэскалации, восприняв их как проявление слабости перед Россией. Это может привести к затруднению принятия решений в институтах Европейского союза и в НАТО, и формированию в этих структурах внутренней оппозиции, которая будет способна блокировать любые инициативы.

Репутационные риски для инициаторов деэскалации и нормализации отношений с Россией огромны – они будут обвинены в потворствовании агрессору как внутри своих стран, так и со стороны противников в европейских институтах и других государствах, особенно государств Балтийского региона. Экономические риски в результате реализации данного сценария минимальны. Напротив, деэскалация создает предпосылки для восстановления и развития торговли государств Европы и снижения ими своих оборонных расходов. Однако данный сценарий содержит в себе значительный военный риск, который заключается в возможных попытках отдельных государств (главным образом, Прибалтийских), при моральной, финансовой и технической поддержке третьей стороны (например, Украины) не только саботировать нормализацию отношений с Россией, но и пойти на военную провокацию с целью обвинения России в агрессии.

Результатом реализации данного сценария ограниченной деэскалации может стать переход от состояния «перманентной конфронтации» европейского сообщества с Россией к состоянию «контролируемого соперничества». В этом случае асимметричная система безопасности в Балтийском регионе сохранится, но уровень напряженности в ней снизится. Военное присутствие коллективных сил НАТО сохранится, но оно будет дополнено и сопровождаться каналами диалога и техническими соглашениями с целью предотвращения неспровоцированных инцидентов. Этот сценарий не означает дружбы между Россией и государствами региона, ЕС и НАТО, однако он предполагает создание более предсказуемой и,

следовательно, более стабильной среды, что подтверждает вывод о том, что институциональное дублирование может являться не только источником эскалации, но быть средством управления кризисами.

Представленные сценарии верифицируют и подтверждают ключевые выводы проведенного исследования. Во-первых, они подтверждают, что современная геополитическая конфигурация Балтийского региона является не статичным балансом сил, а динамичным процессом, в котором результат определяется сложным взаимодействием объективных географических детерминант, пространственным распределением сил и субъективными факторами. Во-вторых, сценарный анализ демонстрирует прикладную ценность предложенной теоретической модели асимметричной системы безопасности как аналитического инструмента, позволяющего не только ретроспективно проанализировать и объяснить сложившуюся ситуацию, но и обосновать и структурировать вероятные будущие сценарии развития ситуации. В-третьих, все три сценария, – инерционный, эскалационный и деэскалационный, – остаются в рамках логики взаимного сдерживания, что доказывает устойчивость самой асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе. Даже в случае непреднамеренной эскалации, система, вероятно, найдет механизм для отката к мирному, хотя и новому, более высокому, но все же стабильному уровню конфронтации, поскольку альтернативой является переход к неконтролируемой сторонами эскалации с непредсказуемыми и не прогнозируемыми последствиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать ряд ключевых выводов, характеризующих современную геополитическую конфигурацию Балтийского региона. Главный вывод работы состоит в том, что к середине 2020-х гг. в регионе окончательно сформировалась устойчивая асимметричная система безопасности, функционирующая по принципу геополитического дуализма.

Эта система представляет собой сложное динамическое равновесие, в котором ни одна из противоборствующих сторон. Российская Федерация, с одной стороны, и государства-члены НАТО и Европейского союза, с другой, не обладает абсолютным военно-политическим превосходством, способным устранить стратегические уязвимости противоположной стороны без неприемлемого ущерба для себя.

В работе доказано, что географические особенности Балтийского региона, такие как замкнутость морской акватории, конфигурация береговой линии, наличие стратегически значимых проливов и заливов, полуэксклавное положение Калининградской области (которая по сути является двойной периферией), узость сухопутных коридоров, хотя и не определяют поведение геополитических субъектов, однако создают устойчивые ограничения и возможности, которые формируют для этих субъектов «пространство маневра». Именно эти географические детерминанты превращают регион в естественную арену для асимметричного противоборства, где даже ограниченные силы способны контролировать непропорционально большие пространства и создавать угрозы, несопоставимые с их формальной численностью.

Вторым важнейшим выводом настоящего исследования является положение о значительной роли субъективного фактора в современных геополитических процессах. В качестве субъективного фактора рассмотрены политические установки, идеологические предпочтения и исторические

нарративы политических элит государств Балтийского региона, прежде всего Прибалтийских республик и Польши. Прежде всего националистическая идеология, сформировавшаяся еще в период распада Советского Союза и закреплённая в образе «советской оккупации» и России как «вечного восточного врага», предопределила однозначный выбор этих государств в пользу евроатлантической интеграции.

При этом географическая уязвимость и ограниченный совокупный потенциал Прибалтийских государств парадоксальным образом трансформировались, по сути, в их стратегический актив. Постепенно они получили возможность влиять на политику НАТО и Европейского союза, апеллируя к «российской угрозе» и требуя гарантий безопасности уже не только для себя, но и для всего европейского сообщества.

Таким образом, конфликтный потенциал региона формируется не только под воздействием объективных факторов, но и в результате целенаправленной деятельности политического руководства, заинтересованного в сохранении высокой степени напряженности как основе собственной идентичности и внешнеполитического влияния.

Третий ключевой вывод проведенного исследования касается эволюции системы безопасности в Балтийском регионе. В работе выделены несколько последовательных этапов: от геополитического переформатирования после распада СССР и добровольного отказа государств региона от нейтралитета через латентную милитаризацию, которая носила ограниченный и политически сдержанный характер, к институциональному оформлению новой архитектуры безопасности после событий 2014 г. и, наконец, к завершающей стадии формирования асимметричной системы безопасности в 2022 – 2024 гг.

Показано, что каждое расширение НАТО на Восток и каждый эпизод наращивания военного присутствия в государствах региона вызывали со стороны России зеркальный или асимметричный ответ, что в итоге привело к формированию эшелонированной системы сдерживания сторонами друг друга. При этом ключевой особенностью современного этапа является переход Североатлантического альянса и государств региона от политических

деклараций к полноценному военно-техническому оснащению и оперативному планированию, что фактически является освоением потенциального театра военных действий и сделало конфронтацию в Балтийском регионе необратимой, без возможности ее деэскалации в среднесрочной перспективе.

Четвертый вывод связан с природой стабильности асимметричной системы безопасности в Балтийском регионе. Так, вопреки распространенному мнению, стабильность в регионе держится не на равенстве и балансе сил, а на взаимной уязвимости и угрозе перехода к неконтролируемой эскалации. Каждая из сторон осознает, что попытка радикально изменить статус-кво военным путем приведет к неприемлемым, если не катастрофическим, последствиям. Однако эта стабильность является хрупкой и в значительной степени конфликтогенной, так как она требует от сторон постоянной корректировки своих внешнеполитических и военных стратегий, поддержания каналов кризисной связи и, что особенно важно, рационального восприятия рисков. При этом отсутствие рационального подхода в анализе и оценке данных, например, вследствие непреднамеренного инцидента или провокации третьей стороны, способно запустить спираль неконтролируемой эскалации, в которой любой последующий случайный инцидент может быть воспринят как начало агрессии.

Пятый вывод касается распространения конфликтного потенциала за пределы Балтийского региона. В работе показано, что напряженность на Балтике не является изолированным явлением. Через механизмы вертикального, горизонтального и институционального спилловера напряженность способна проецироваться и распространяться на сопредельные пространства – в Арктику и в Северную Атлантику, а также оказывать обратное влияние на принимаемые в НАТО и Европейском союзе решения. Это означает, что Балтийский регион стал не только ареной локального противостояния, но и своеобразной модельной площадкой, где апробируются новые формы гибридного противоборства, которые затем транслируются и применяются в других регионах.

Наконец, шестой вывод носит прогностический характер. На основе

выявленных в исследовании закономерностей разработаны три сценария развития ситуации: инерционный (сохранение в Балтийском регионе текущей геополитической и военно-политической обстановки с продолжением вербальной конфронтации), эскалационный (кратковременное вооруженное столкновение вследствие непреднамеренного инцидента или провокации третьей стороны с последующим откатом к мирному, но еще более высокому уровню милитаризации) и деэскалационный (переход к контролируемому соперничеству с элементами диалога, направленными на предотвращении инцидентов и эскалации). Реализация каждого из предложенных сценариев зависит от комплекса факторов, включая внутривосточную динамику в НАТО и Европейском союзе, а также в ключевых государствах и, прежде всего, в Соединенных Штатах, а также от способности сторон сохранять рациональность в условиях перманентного кризиса.

Основной вывод исследования состоит в том, что Балтийский регион останется зоной перманентной напряженности в обозримой перспективе, однако эта напряженность может быть управляемой при условии сохранения рационального восприятия рисков, поддержания каналов связи и недопущения перехода гибридных инцидентов в фазу открытого военного столкновения, в первую очередь, из-за влияния географических факторов.

Таким образом, проведенное диссертационное исследование вносит вклад в развитие политической географии и теории геополитики, предлагая новую концептуальную модель асимметричной системы безопасности в отдельно взятом регионе, и имеет практическую значимость для выработки стратегических решений в области безопасности как на мезорегиональном, так и на макрорегиональном уровнях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A2/AD – Система запрета доступа и ограничения маневра

ATACMS – Армейская тактическая ракетная система

BALTOPS – Военно-морские учения НАТО в Балтийском море

CMX – Учения НАТО по урегулированию кризисов

eFP – Программа усиленного передового присутствия войск НАТО

IAMD – Интегрированная система противовоздушной и противоракетной обороны

IBCS – Интегрированная система боевого управления ПВО и ПРО

MNC-NE – Многонациональный корпус «Северо-Восток»

NATO – Организация Североатлантического договора, Североатлантический альянс

NFIU – Центры интеграции сил НАТО

NORDEFSCO – Оборонное сотрудничество стран Северной Европы

NRF – Силы реагирования НАТО

NSM – Противокорабельная ракета

SNF – Постоянные военно-морские силы

SNMG1 – Постоянная военно-морская группа НАТО в Балтийском и Северном морях

SNMCMG1 – Постоянная противоминная группа НАТО в Балтийском и Северном морях

VJTF – Объединенная оперативная группа повышенной готовности НАТО

ВВП – валовой внутренний продукт

ГДР – Германская Демократическая Республика

ДОВСЕ – Договор об обычных вооружённых силах в Европе

ЕС – Европейский союз

МИД – Министерство иностранных дел

МТО – материально-техническое обеспечение

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОВД – Организация Варшавского договора

ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности

ООН – Организация Объединённых Наций

ПВО – противовоздушная оборона

ПКРК – противокорабельный ракетный комплекс

ПРО – противоракетная оборона

РСЗО – реактивная система залпового огня

РЭБ – радиоэлектронная борьба

САУ – самоходная артиллерийская установка

ЦРУ – Центральное разведывательное управление

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативно-правовые и иные акты

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства от 6 декабря 2024 года (ратифицирован Федеральным законом от 28 февраля 2025 года, вступил в силу 13 марта 2025 года) // Официальный портал правовых документов. 14.03.2025. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503140004?index=2> (дата обращения: 31.03.2026)
2. Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) подписан в Париже 19 ноября 1990 г. Вступил в силу 9 ноября 1992 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25.01.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/obshchie_voprosy_mezhdunarodnoy_bezопасnosti_i_kontrolya_nad_vooruzheniyami/14510_20/ (дата обращения: 06.05.2025).
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 12.12.2024).
4. Мирный договор с Финляндией. Москва : Посполитиздат, 1947. – 60 с. (11 – 17).
5. Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.05.1997. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1748498/ (дата обращения: 02.02.2025).
6. Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-2 «О признании независимости Латвийской Республики» // Ведомости

Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991, № 37.
URL: <https://vedomosti.sssr.su/1991/37/#1091> (дата обращения: 11.12.2024).

7. Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-1 «О признании независимости Литовской Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991, № 37.
URL: <https://vedomosti.sssr.su/1991/37/#1091> (дата обращения: 11.12.2024).

8. Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-3 «О признании независимости Эстонской Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991, № 37.
URL: <https://vedomosti.sssr.su/1991/37/#1091> (дата обращения: 11.12.2024).

9. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о границе континентального шельфа между Советским Союзом и Финляндией в северо-восточной части Балтийского моря. Подписан 5 мая 1967 года, Хельсинки // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900592> (дата обращения: 30.10.2024).

10. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о границах морских вод и континентального шельфа в Финском заливе. Подписан 20 мая 1965 года, Хельсинки // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900591> (дата обращения: 30.10.2024).

11. Соглашение между Правительством Финляндской Республики и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о разграничении экономической зоны, рыболовной зоны и континентального шельфа в Финском заливе и в северо-восточной части Балтийского моря. Подписано 5 февраля 1985 года, Москва // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900594> (дата обращения: 30.10.2024).

12. Соглашение об адаптации договора об обычных вооруженных силах в Европе. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.11.1999. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1695861/ (дата обращения: 02.02.2025).

13. Справка к Указу «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14 июля 2007 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3327> (дата обращения: 02.02.2025).

14. A Charter of Partnership Among the United States of America and the Republic of Estonia, Republic of Latvia, And Republic of Lithuania // The US Department of State. January 16, 1998. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eur/ch_9801_baltic_charter.html (дата обращения: 11.12.2024).

15. Agreement concerning the delimitation of the fishery areas of Norway and Sweden in the North-Eastern Skagerrak (with declaration and maps) 5 April 1967(1) // United Nations Delimitation Treaties Infobase. Accessed on 13/03/2003. URL: <https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/SWE-NOR1967SK.PDF> (дата обращения: 10.04.2024).

16. Exchange of Notes Constituting an Agreement between Denmark and Sweden concerning the Delimitation of the Territorial Waters between Denmark and Sweden (25 June 1979) // United Nations Delimitation Treaties Infobase. Accessed on 22/03/2002. URL: <https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/DNK-SWE1979TW.PDF> (дата обращения: 10.04.2024).

17. On the Boundary of the Maritime Zones in the Gulf of Finland and on the Northern Baltic Sea - Agreement between the Republic of Finland and the Republic of Estonia // United Nations, 18 October, 1996. URL:

<https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/EST-FIN1996MZ.PDF> (дата обращения: 29.10.2024).

18. Remarks at the Signing Ceremony for the Baltic Nations-United States Charter of Partnership // The American Presidency Project. January 16, 1998. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-signing-ceremony-for-the-baltic-nations-united-states-charter-partnership> (дата обращения: 18.11.2024).

19. Territorial Sea Boundary: Denmark – Sweden in the Sound (Sund or Oresund) on January 30, 1932 // Department of State of the United States of America. July 16, 1970. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/10/LIS-26.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).

20. The European Union Strategy for the Baltic Sea Region // Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 10.6.2009. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2009:0248:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 11.12.2024).

21. Treaty between Great Britain, Austria, Belgium, France, Hanover, Meklenburg-Schwerin, Oldenburg, Netherlands, Prussia, Russia, Sweden and Norway, and the Hanse Towns, on the one part, and Denmark, on the other part, for the Redemption of the Sound Dues. Signed at Copenhagen, March 14, 1857. Oxford Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:ohr/law-ohr-116-CTS-357.regGroup.1/law-ohr-116-CTS-357> (дата обращения: 12.12.2024).

II. Литература

22. Андреев С. Пути разошлись: как Швеция и Финляндия в НАТО вступали // Российский Совет по международным делам. 7 апреля 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/puti-razoshlis-kak-shvetsiya-i-finlyandiya-v-nato-vstupali/> (дата обращения: 21.05.2025)

23. Андреев С. Финляндия: нейтралитет 75-летней выдержки // Российский Совет по международным делам. 26 сентября 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finlyandiya-neytralitet-75-letney-vyderzhki/> (дата обращения: 21.05.2025)
24. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России // Полития. 2006. № 2. С. 94 – 103.
25. Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. РОДП «ЯБЛОКО». Москва, 2010. 296 с.
26. Артыкбаев А.М. Геополитические процессы в Центральной Азии в эпоху глобализации : автореф... дис. кан. пол. наук. – М.: 2014. – 32 с.
27. Баранов Н.А. Геополитика как научная дисциплина и ее роль в изучении проблем европейского развития // Н.А. Баранов – сайт. 19 июня 2016. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-geopoliticheskie-problemy-evropejskogo-razvitiya/tema-1-geopolitika-kak-nauchnaya-distiplina-i-ee-rol-v-izuchenii-problem-evropejskogo-razvitiya> (дата обращения: 23.12.2024).
28. Баринов И.И. Существует ли Балтия? Особенности политического позиционирования Эстонии, Латвии и Литвы (2014-2021) // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 10. С. 146 – 161.
29. Бовдунов А.Л. Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 480 с.
30. Бойков С. Влияние исторической политики стран Балтии на отношения России и Евросоюза // Международная жизнь. 2021. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2562> (дата обращения: 11.12.2024).
31. Бразаускас А. Пять лет президента: События, воспоминания, мысли / Альгирдас Бразаускас. – Москва : Унипринт, 2002. – 619 с.
32. Бусыгина И.М. *(на основании решения Минюст России от 07.02.2025 г. признана иностранным агентом, Приложение А)*, Окунев И.Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как

объясняет геополитика // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. с. 106 – 123.

33. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. – СПб. Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.

34. Ван Сяоин. Международные организации и их роль в международной геополитике // Этносоциум и международная культура. 2024. № 7(193). С. 67 – 73.

35. Варшавский Договор и НАТО: соотношение сил в Европе [Перевод]. – Москва : Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. – 29 с.

36. Васильева Н.А. Особенности развития Балтийского региона в современных геополитических условиях // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 65 – 71.

37. Волынчук А.Б., Песцов С.К. Геополитическое пространство: критический анализ и концептуализация понятия // Россия и АТР. 2018. № 3 (101). С. 84 – 94.

38. Воротников В.В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский Союз // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9, № 5. С. 7 – 23.

39. Воротников В.В. Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // Современная Европа. 2019. № 7. С. 124 – 135.

40. Голдгейр Дж. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны» / Дж. Голдгейр, М. Макфол. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 520 с.

41. Гольцов А.Г. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития // Вестник Санкт-Петербургского университета: Политология, международные отношения. 2017, Том 10, Вып. 4. С. 334 – 347.

42. Грачев Н.И. Геополитика как концептуальная парадигма содержания и сущности государства и права // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 1. С. 13 – 22.
43. Гринфельдт Ю.С. SWOT-анализ в региональных исследованиях // Перспективы науки. 2017. № 9 (96). С. 28 – 32.
44. Громыко А.А. ООН: история и современность. К 65-летию создания Организации Объединенных Наций // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 3. С. 4 – 28.
45. Грунтовский Д.А. Геополитические парадигмы в политологии // GLOBUS: Гуманитарные науки. 2019. № 4 (30). С. 7 – 11.
46. Деметрадзе М.Р. Трансформация геополитических процессов в контексте модернизации и глобализации // Вестник евразийской науки. 2022, Т. 14, № 3. URL: <https://esj.today/PDF/28ECVN322.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).
47. Дружинин А.Г. Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 6 – 23.
48. Дугин А.Г. Основы геополитики : Геополит. будущее России; Мыслить пространством / Александр Дугин. – 4 изд. – Москва : АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 924 с.
49. Елацков А.Б. Политическое геопространство как объект исследования // Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. С. 98 – 108.
50. Емельянов А.И. Особенности геополитических процессов в современной мировой политике // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2021. Вып. 1 (842). С. 9 – 21.
51. Загорский А.В. Кризис контроля обычных вооруженных сил в Европе и судьба Договора об обычных вооруженных силах // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4(13). С. 48 – 56.

52. Зарбалиев В.З. Системные параметры и эволюция мировых геополитических эпох // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 3, №2. С. 16 – 26.

53. Зверев Ю. М., Стрюковатый В.В. Балтийский регион как «серая зона»: балансирование на грани вооруженного конфликта : информационно-аналитический доклад / Ю. М. Зверев, В. В. Стрюковатый. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2026. – 170 с.

54. Зверев Ю. М., Стрюковатый В.В. Россия и НАТО: противостояние на Балтике : информационно-аналитический доклад / Ю. М. Зверев, В. В. Стрюковатый. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. – 144 с.

55. Зверев Ю.М. «Присяга на верность». Как американские ЗРК Patriot в Польше изменят баланс сил в Восточной Европе // Евразия Эксперт. 23 апреля 2018. URL: <https://eurasia.expert/amerikanskije-zrk-patriot-v-polshe-izmenyat-balans-sil-v-vostochnoy-evrope/> (дата обращения: 15.06.2025)

56. Зверев Ю.М. Модернизация польской наземной ПВО и ПРО: программы «Пилица» и «Пилица+» // Евразия Эксперт. 10 апреля 2025. URL: <https://eurasia.expert/modernizatsiya-polskoy-nazemnoy-pvo-i-pro-programmy-pilitsa-i-pilitsa-/> (дата обращения: 15.06.2025)

57. Зверев Ю.М. НАТО наращивает противокорабельные вооружения на Балтике // Евразия Эксперт. 15 марта 2024 г. URL: <https://eurasia.expert/nato-narashchivaet-protivokorabelnye-vooruzheniya-na-baltike/> (дата обращения: 15.06.2025)

58. Зверев Ю.М. Огневая мощь растет: Как перевооружается ствольная артиллерия Польши // Евразия Эксперт. 14 декабря 2024. URL: <https://eurasia.expert/kak-perevooruzhaetsya-stvolnaya-artilleriya-polshi/> (дата обращения: 15.06.2025)

59. Зверев Ю.М. Польша «накачивает военные мускулы»: «А поле боя держится на танках...» // Евразия Эксперт. 17 октября 2023. URL: <https://eurasia.expert/polsha-nakachivaet-voennye-muskuly-a-pole-boya-derzhitsya-na-tankakh/> (дата обращения: 15.06.2025).

60. Зверев Ю.М. Польша формирует новую дивизию против России и Белоруссии // Евразия Эксперт. 01 февраля 2023. URL: <https://eurasia.expert/polsha-formiruet-novuyu-diviziyu-protiv-rossii-i-belorussii/> (дата обращения: 15.06.2025)

61. Зверев Ю.М. Центры информационно-гибридной войны НАТО и ЕС в Прибалтике и Финляндии // Евразия Эксперт. 11 октября 2021. URL: <https://eurasia.expert/tsentry-informatsionno-gibridnoy-voyny-nato-v-pribaltike-i-finlyandii/> (дата обращения: 21.05.2025)

62. Зобнин А.В. К определению принципа баланса сил: опыт неинституционального подхода к международной среде // Международные процессы. 2014. № 3. Т. 12. С. 55 – 69.

63. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств внешние и внутренние факторы консолидации // ПОЛИС. 2010. № 3. С. 26 – 39.

64. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Роберт Каплан, пер. с англ. М. Котова. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. – 384 с.

65. Карпович О.Г. Мировая политика и негосударственные участники международных отношений // Мировая политика. 2017, № 3. С. 119 – 128.

66. Карякин В. Геополитика третьей волны // Мир и политика. 2021. № 10. URL: <https://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/mp-10-2012/16846-geopolitika-tretey-volny.html> (дата обращения: 23.12.2024).

67. Клемешев А.П. Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и пути ее преодоления // Балтийский регион. 2009, № 4. С. 102 – 114.

68. Клемешев А.П. Эксклавность как фактор развития Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и естественные науки. 2005, № 3. С. 34 – 41.

69. Клемешев А.П., Ворожеина Я.А. Калининградская область в условиях изменения геополитической ситуации в Европе // Проблемы национальной стратегии. 2022, № 4. С. 243 – 255.

70. Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г.М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7 – 28.

71. Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии / А.А. Кокошин; предисл. акад. РАН Г.В. Осипова, Фак. мировой политики Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. – Москва : URSS, ЛЕНАНД, 2014. – 613 с.

72. Колосов В.А., Бородулина Н. А. Геополитический дискурс и отношения между Россией и странами Балтии // Мировая экономика и международные отношения. 2007, № 9. С. 97 – 106.

73. Колосов В.А. Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Серия 1. Гуманитарные науки. 2008, № 1. С. 72 – 91.

74. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма (Сост. А. Ф. Зотов, Ю. К. Мельвиль). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

75. Конышев В., Сергунин А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Том 62, № 9. С. 103 – 111.

76. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Стратегия национальной безопасности Б. Обамы. Состоялось ли радикальное обновление? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011, № 1. С. 23 – 36.

77. Корнеевец В.С. Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // Космополис. 2008. №2 (21). С. 68 – 77.

78. Коровин В.М. Геополитика и предчувствие войны. Удар по России. – СПб.: Питер, 2014. 304 с.

79. Крейчи О. Геополитика Центральной Европы: взгляд из Праги и Братиславы. М.: Издательский дом «Научная книга», 2010. 424 с.
80. Крыстев В. Образное видение пространства в геополитике: подход к изучению // Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. 2021, №1. С. 23 – 34.
81. Кулаков А.В. Система геополитических факторов и ее влияние на пограничную политику Российской Федерации // Автореферат дисс. докт. фил. наук. Москва, 2000. 28 с.
82. Лавров С.Б. Геополитика: возрождение запретного направления // Известия Русского географического общества. 1992. Вып. 4. С. 36 – 41.
83. Макиндер Х. Географическая ось истории / Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. 506 с.
84. Манойло А.В. Геополитические процессы в условиях «управляемого хаоса» // Геополитический журнал. 2013, № 2. С. 2 – 8.
85. Маркушина Н.Ю. Меняющиеся контуры безопасности и баланс сил в Балтийском регионе: значение для России: рабочая тетрадь № 76 / Маркушина Н.Ю.; под ред. Е. О. Карпинской, Н.С. Вяхиревой, М.С. Лазовича, С. М. Гавриловой; Российский совет по международным делам. – М.: НП РСМД, 2023. – 28 с.
86. Матвеев Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. № 1. С. 165 – 179.
87. Мгалоблишвили В.И. Объективные и субъективные факторы внешней политики государств в условиях биполярного мира // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 10. С. 117 – 125.
88. Межевич Н.М. Балтийский регион: конструктивистская специфика и политические итоги. 2003 // Мегарегион – Сетевая конфедерация. Режим доступа: http://net-conf.org/articles_text_6.htm (дата обращения: 13.01.2024).

89. Модельски Дж. Длинные циклы мировой политики / Дж. Модельски; пер. с англ. А. В. Королёва. – Москва : Издательство «Международные отношения», 2005. – 256 с.
90. Мозель Т.А. Балтия, Россия и Запад в поисках модели безопасности в Европе / Т.Н. Мозель; Дипломат. акад. МИД России. – Москва: Науч. кн., 2001. – 302 с.
91. Моргентау Г. Политика среди наций: Борьба за власть и мир / Г. Моргентау. – М.: Канон+, 2019. – 592 с.
92. Николаев А. Военная доктрина НАТО на современном этапе // Зарубежное военное обозрение. 1998. № 3. С. 2 – 5.
93. Окунев И.Ю. Геополитика микросоударств / И. Ю. Окунев. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. сравнительной политологии. – М. : МГИМО-Университет, 2014. – 243 с.
94. Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. 2014, № 4 (16-17). С. 6 – 14.
95. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 2005. 624 с.
96. Ратцель Ф. Политическая география / Пер. с нем., вступ. ст., коммент. Б. М. Берхина. – М.: Мысль, 2020.
97. Рогозин Д.О. НАТО точка Ру / Д. Рогозин. – М.: Эксмо : Алгоритм, 2009. – 288 с.
98. Родачин В.М. Динамика геополитики: к вопросу о понятии «геополитические процессы» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(2). С. 44.
99. Романова Т. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 2012, Том 10, № 3. С. 8 – 21.
100. Рябцев В.Н. Что представляет собой сила государства в международных отношениях и можно ли ее в принципе измерить (современный контекст вопроса) // Инженерный вестник Дона. 2022, № 3.

URL: http://ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_52_2_Riabcev.pdf_3aaf2038e4.pdf

(дата обращения: 14.11.2024).

101. Смирнов В. А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 44 – 54.

102. Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015, № 2(24). С. 78 – 97.

103. Смутко А.Н., Асанов Ж.К. Динамизм геополитического пространства в эпоху глобализации // Коррекционно-педагогическое образование: электронный журнал. 2021. № 2 (26). С. 129 – 134.

104. Стрюковатый В. В., Межевич Н. М., Зверев Ю. М. Балтийский регион как «серая зона»: балансирование на грани вооруженного конфликта // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 4. С. 26 – 48.

105. Стрюковатый В.В. Балтийское море как театр военных действий : материалы Международной научной конференции Актуальные факторы и тренды пространственного развития в фокусе общественно- географического анализа (XVI научная Ассамблея АРГО), Псков, 14 – 20 сентября 2025 г. / ответ. редакторы А. Г. Дружинин, С. С. Лачининский; Псковский государственный университет, 2025. С. 502 – 504.

106. Стрюковатый В.В. Геостратегическое положение России на Балтике как угроза морской блокады в современных условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки. 2024. № 1. С. 57 – 75.

107. Стрюковатый В.В. Калининградская область в условиях современных геополитических вызовов: динамика и тенденции развития // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки. 2026. № 1. С. 5 – 24.

108. Тарасов И.Н. Балтийский регион в исследованиях российских политологов // ПОЛИТЕКС. 2019. Т. 15. №1. С. 139 – 153.

109. Тимофеев И. Россия и НАТО в регионе Балтийского моря // Российский Совет по международным делам (РСМД). 2 декабря 2016 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-nato-v-regione-baltiyskogo-morya> (дата обращения: 11.11.2024).

110. Тованчова Е.Н., Полякова О.А. Геополитические контуры Европы: историко-методологический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 231 – 235.

111. Трунов Ф.О. Наращивание присутствия НАТО в Восточной Европе: Особенности и последствия // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3. С. 177 – 198.

112. Федоров Г.М. Калининградская дилемма: «коридор развития» или двойная периферия? Геополитический фактор российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010, № 2. С. 5 – 15.

113. Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С. Российский эксклав на Балтике: Калининградская область в балтийском экономическом пространстве. Калинингр. ун-т., Калининград, 1996. С. 43 – 48.

114. Фриман Ч. Мировые порядки: глобальный калейдоскоп в режиме повтора // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 5. С. 36 – 55.

115. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении / пер. с нем. Г. Г. Генкеля; под ред. А. А. Антипова. Москва: Мысль, 2021. 426 с.

116. Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII-XX веков. М.: Книжный мир, 2016. 496 с.

117. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронологические работы. 1993 – 2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.

118. Челлен Р. Государство как форма жизни: пер. со швед. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.

119. Штоль В.В. НАТО: динамика эволюции / В. В. Штоль ; Дипломат. акад. МИД России. – Москва : Науч. кн., 2002. – 416 с.

120. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1988. 500 с.
121. Agnew J.A. Geopolitics: Re-visioning World Politics. 2nd Edition. London: Routledge, 2005.
122. Agnew J.A. Sovereignty Regimes: Territoriality and State Authority in Contemporary World // Politics. Annals of the Association of American Geographers. 2005. No. 95 (2). pp. 437 – 461.
123. Andrews K. R. The Concept of Corporate Strategy. Homewood, IL: Dow Jones-Irwin, 1971.
124. Antsu G. Estonia's security policy options 1991-1999: master thesis / University of Tartu, Faculty of Social Sciences, Department of Political Science. Tartu Ülikool, 2000. 127 p.
125. Asmus R.D. Deputy Assistant Secretary for European Affairs. Address at the 4th annual Conference on Baltic Sea Regional Security and Cooperation, Stockholm, Sweden, November 4, 1999. https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/1999/991104_asmus_nei.html (дата обращения: 11.12.2024).
126. Asmus R.D., Larrabee S. NATO and the Have-Nots: Reassurance after Enlargement // Foreign Affairs, 1996. Vol. 75, No. 6. P. 13 – 20.
127. Balli F., Balli H.O., Hasan M., Russell G.-A. Geopolitical risk spillovers and its determinants // The Annals of Regional Science. 2022. No 68. P. 463 – 500.
128. Bergström J. The Baltic Sea: A Theater for Hybrid Warfare and Its Impact on Civil Navigation // Journal of Strategic Studies. 2023, Vol. 50, No 1. P. 134.
129. Bousquet A. The Eye of War. University of Minnesota Press, 2018.
130. Bowsher H. Air Denial Lessons from Ukraine: Air denial is at least as important as air supremacy, and the Marine Corps needs the capability to impose it // The U.S. Naval Institute. September 2023. URL:

<https://www.usni.org/magazines/proceedings/2023/september/air-denial-lessons-ukraine> (дата обращения: 11.01.2026).

131. Bronk J. Russian Combat Air Strengths and Limitations: Lessons from Ukraine // The Center for Naval Analyses (CNA). April 2023. URL: <https://www.cna.org/reports/2023/04/Russian-Combat-Air-Strengths-and-Limitations.pdf> (дата обращения: 11.01.2026).

132. Browning C.S. The Region-Building Approach Revisited: The Continued Othering of Russia in Discourses of Region-Building in the European North // Geopolitics. 2003. Vol. 8, № 1. P. 24 – 57.

133. Brzezinski Z. Independent Task Force Report: U.S. Policy Toward Northeastern Europe. Council of Foreign Affairs. April, 1999. URL: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/conf/cfr05/> (дата обращения: 15.01.2025).

134. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997.

135. Buzan B. People States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf. 1983.

136. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.

137. Byung-Rok K. The Republic of Korea's Counter-asymmetric Strategy. Naval War College Review. 2012. Vol. 65, No. 1. P. 55 – 74.

138. Cohen S.B. Geopolitics of the World System. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

139. Cohen S.B. Geopolitics: The Geography of International Relations. Third edition. Published by Rowman & Littlefield. London, 2015.

140. Dalby S. Realism and Geopolitics in the Anthropocene // Carleton University. Revised draft chapter for Klaus Dodds et.al eds, Companion to Critical Geopolitics Ashgate Publishers. August 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/285830953_Realism_and_geopolitics (дата обращения: 24.09.2024)

141. Dittmer J., Sharp J. Geopolitics: An Introductory Reader. London: Routledge, 2014.
142. Dodds K. Geopolitics: A Very Short Introduction, 2nd Edition. Oxford University Press, 2014.
143. Dragomir E. Lithuanian Public Opinion and the EU Membership // Revista Romana pentru Studii Baltice si Nordice. 2010. Vol. 2, № 2. P. 295 – 312.
144. Friedman T.L. The Lexus and the Olive Tree. Farrar, Straus and Giroux, 1990.
145. Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2014.
146. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992.
147. Giles K. Russia's Military Modernization: A Challenge for NATO. London, Chatham House (*внесена в список нежелательных организаций, Приложение А*), 2017. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/2016-03-russia-new-tools-giles.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).
148. Glassner M.I. Political Geography. Willey, 1996.
149. Gray C.S. The Geopolitics of Super Power. University Press of Kentucky, 2004.
150. Grygiel J. Great Powers and Geopolitical Change. Johns Hopkins University Press, 2006. P. 132 – 145.
151. Grygiel J., Jones W.L. The Unquiet Frontier. Princeton University Press, 2019. P. 88 – 102.
152. Haushofer K. Geopolitik der Pan-Ideen. Berlin: Zentralverlag, 1934. P. 87 – 93.
153. Heinsen B. The Gatekeeper: Denmark's Geostrategic Role in the Baltic-North Sea Nexus // Scandinavian Journal of International Affairs. 2021, Vol. 46, No 2. P. 31 – 41.

154. Helfferich J. Trapped in the grey zone: NATO-CSDP relations in a new era of European security governance // *International Politics*. 2025. Vol. 62. P. 1070 – 1083.
155. Hillingsø, K.G.H. Defensibility. *Baltic Defence Review*. 1999, No 1. https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/BDR_01.pdf (дата обращения: 11.12.2024).
156. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
157. Huntington S.P. The Lonely Superpower // *Foreign Affairs*, 1999, vol. 78, no. 2 (March/April). P. 35 – 49.
158. Ikenberry J. G. *After Victory: Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.
159. Kagan D. *The Outbreak of the Peloponnesian War*. Ithaca: Cornell University Press, 1969.
160. Kagan R. The Weight of Geopolitics. // *Journal of Democracy*. 2015. No 26 (1), P. 21 – 31.
161. Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence*. 4th Edition. Longman, 2012.
162. Klein R.M., Lundqvist F., Sumangil E., Petersson U. *Baltics Left of Bang: The Role of NATO with Partners in Denial-Based Deterrence*. Institute of National Strategic Studies. November, 2019. URL: <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-301.pdf?ver=2019-07-23-142433-990> (дата обращения: 08.12.2024).
163. Krejčí O. *Geopolitika Středoevropského Prostoru: Pohled z Prahy a Bratislavy*. Praha, Professional Publishing, 2016.
164. Levitsky S., Ziblatt D. *How Democracies Die*. New York: Crown, 2018.
165. Luik J. NATO forces will do their duty if called upon to do so // *The International Centre for Defence and Security*, May 15, 2014. URL:

<https://icds.ee/en/juri-luik-nato-forces-will-do-their-duty-if-called-upon-to-do-so/>
(дата обращения: 24.08.2024).

166. Mahan A.T. The Influence of Sea Power Upon History 1660 – 1783. Boston: Little, Brown. 1890.

167. Mälksoo M. From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe // Security Dialogue. 2006. Vol. 37, No. 3. P. 275 – 297.

168. Mazis I., Stogiannos I. Die Boden-Staat Relation in Friedrich Ratzels politisch-geographischer Lehre // Zeitschrift für die Regionale Wissenschaft. 2011. Vol. 1. P. 131 – 146.

169. McCormick J. The European Superpower. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2007.

170. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. W. W. Norton & Company, 2014.

171. Miniotaite A. The Security Policy of Lithuania and the «Integration Dilemma» // NATO Individual Democratic Institutions Research Fellowship Report, Lithuanian Institute of Philosophy and Sociology. Vilnius. 1999.

172. Mounk Y. The People vs. Democracy: Why Our Freedom Is in Danger and How to Save It. Harvard University Press, 2018.

173. Niknami R. Assessing NATO's Deterrence Strategy against Russian Federation Security Threats in the Baltic Sea // Geopolitics Quarterly. Volume 19, No 2, Summer 2023. P. 247 – 280.

174. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.

175. O'Loughlin J. Dictionary of Geopolitics. London: Greenwood, 1994.

176. O'Loughlin J., Anselin L. Bringing Geography Back to the Study of International Relations: Spatial Dependence and Regional Context in Africa, 1966-1978 // International Interactions, 1991, Vol. 17, No., 1, P. 29 – 61.

177. Ó'Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

178. O'Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992, Vol. 11. P. 190 – 204.

179. Ó'Tuathail G., Dalby S., Routledge P. The Geopolitics Reader, 1st Edition. London: Routledge, 1998.

180. Owens M.T. In Defense of Classical Geopolitics // Naval War College Review. 1999, Vol. 52, №. 4. P. 59 – 76.

181. Palmowski T. Strategia UE dla regionu Morza Bałtyckiego jako kolejny krok ku integracji bałtyckiej. Wrocław, Instytut Geografii i Rozwoju Regionalnego. 2010. P. 361 – 372.

182. Pedersen T. The Baltic Sea: What International Law Tells Us // Ocean Development & International Law. 2017. Vol. 48, No 1. P. 36 – 49.

183. Pesu M. NATO in the North: The Emerging Division of Labour in Northern European Security // Finnish Institute of International Affairs (FIIA). September 2023. URL: https://fiia.fi/wp-content/uploads/2023/09/bp370_nato-in-the-north.pdf (дата обращения: 13.11.2025).

184. Piskozub A. Euroregiony południowo-wschodniego obrzeża bałtyku. trzy fazy dojrzewania pojęcia euroregionu, 1994. https://geopolityka.net/euroregiony-poludniowo-wschodniego-obrzeza_baltyku/ (дата обращения: 13.01.2024).

185. Riekstins M., Asmus R.D. The Baltic Model // The Wall Street Journal. January 16, 2008. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB120043210462392247> (дата обращения: 11.12.2024).

186. Rose G. Isolationism 2.0: Donald Trump and the Future of the Liberal Order // National Interests. March 6, 2024. URL: <https://nationalinterest.org/feature/isolationism-20-donald-trump-and-future-liberal-order-209880> (дата обращения: 11.12.2025).

187. Russo J. Long-Range Precision Fires: Future considerations for the employment of Marine multiple launch rocket capabilities // Marine Corps Gazette.

May 2018. URL: <https://www.mca-marines.org/wp-content/uploads/0518-Long-Range-Precision-Fires.pdf> (дата обращения: 15.06.2025)

188. Sempa F.P. Geopolitics: From the Cold War to the 21st Century. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2002.

189. Sevastianov S., Joong Youn I. Dynamics of New Regional Order in Northeast Asia: Perspectives from Seoul and Vladivostok : collection of scientific articles. Vladivostok : Far Eastern Federal University, 2016.

190. Shlapak D. A., Johnson M. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics. RAND Corporation (*внесена в список нежелательных организаций, Приложение А*), RR-1253-A. 2016. URL: <https://doi.org/10.7249/RR1253> (дата обращения: 08.12.2024).

191. Sliwa Z., Helseth H., Veebel V. The Baltic Sea islands and their impact on the regional security // Centrum Balticum Foundation. 2022, No 10. 15 p.

192. Smith D.J. Energy Dependency as a Hybrid Threat: The Case of the Baltic States // European Security. 2022. No 33(1). Pp. 41 – 60.

193. Smith D.J., Pabriks A., Purs A., Lane T. The Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania. London: Routledge, 2002.

194. Spykman N.J. America's Strategy in World Politics. N.Y.: Harcourt, Brace, 1942.

195. Spykman N.J. Geography and Foreign Policy // American Political Science Review. 1938. Vol. 32. Pp. 28 – 50.

196. Taylor P. Political Geography. Harlow: Longman, 1989. Pp.

197. Tobler W. A Computer Movie Simulating Urban Growth in the Detroit Region // Economic Geography, 1970, vol. 46 (2), P. 234 – 240.

198. van der Meer S. Provoking to Avoid War: North Korea's Hybrid Security Strategies // E-International Relations. May 2021. URL: <https://www.e-ir.info/2021/05/22/provoking-to-avoid-war-north-koreas-hybrid-security-strategies/> (дата обращения: 14.12.2025).

199. Vego M. Finding Our Balance at Sea: The U.S. Navy needs to restructure for all types of maritime conflict // U.S. Naval Institute. January, 2010,

Vol.

136.

URL:

<https://www.usni.org/magazines/proceedings/2010/january/finding-our-balance-sea> (дата обращения: 24.11.2024).

200. Vidal de la Blache P. Tableau de la géographie de la France. Paris: Hachette, 1903.

201. Walt S.M. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

202. Walt S.M. The Origins of Alliance. Cornell University Press. 1987.

203. Waltz K.N. Theory of International Politics. University of California, Berkeley. Addison-Wesley Publishing, 1979.

204. Wijngaarden van J. Sea Change: The Rapid Evolution of Baltic Security After Russia's Invasion of Ukraine // NATO Parliamentary Assembly. 07 October, 2023. URL: <https://www.nato-pa.int/document/2023-baltic-security-report-van-wijngaarden-019-dsctc> (дата обращения: 13.11.2025)

205. Wills S. The Baltic: A NATO Lake With Crocodiles // Center for European Policy Analysis (*внесена в список нежелательных организаций, Приложение А*). December 1, 2025. URL: <https://cepa.org/article/the-baltic-a-nato-lake-with-crocodiles/> (дата обращения: 24.12.2025)

206. Xu Y., Guo X., Jiang W., Zhang Y. Geopolitical Shocks and the Global Energy System: Mechanisms of Spillover Transmission // Energies. 2026, No 19(1). URL: https://www.mdpi.com/1996-1073/19/1/251?utm_source=researchgate.net&utm_medium=article (дата обращения: 12.03.2026)

207. Zięba R. Transformation of Polish Foreign Policy // The Polish Foreign Affairs Digest. 2004. No. 4. P. 13 – 45.

III. Электронные источники

208. Эксперты рассказали о преимуществах малых боевых кораблей // А. Макушин. Известия, 12 августа 2024 г. URL: <https://iz.ru/1741651/2024-08->

12/eksperty-rasskazali-o-preimushchestvakh-malykh-boevykh-korablei (дата обращения: 24.11.2024).

209. A new European Defence Industrial Strategy: Achieving EU readiness through a responsive and resilient European Defence Industry. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // European Commission. March 5, 2024. URL: [https://defence-industry-](https://defence-industry-space.ec.europa.eu/document/download/643c4a00-0da9-4768-83cd-a5628f5c3063_en?filename=EDIS%20Joint%20Communication.pdf)

[space.ec.europa.eu/document/download/643c4a00-0da9-4768-83cd-a5628f5c3063_en?filename=EDIS%20Joint%20Communication.pdf](https://defence-industry-space.ec.europa.eu/document/download/643c4a00-0da9-4768-83cd-a5628f5c3063_en?filename=EDIS%20Joint%20Communication.pdf) (дата обращения: 06.10.2024).

210. Action Plan for Deepened Defence Cooperation between Sweden and Finland. Signed by the Defence Ministers of Finland and Sweden on 6 May 2014 // http://www.defmin.fi/files/2833/ACTION_PLAN_FOR_DEEPENED_DEFENCE_COOPERATION_BETWEEN_SWEDEN_AND_FINLAND.pdf (дата обращения: 21.05.2025).

211. Allied Joint Doctrine for Host-Nation Support. NATO Standardization Office (NSO) // Published by Ministry of Defence of the UK. December 2022. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/65c0e9ba704282000d752210/AJP_4_3_Host_Nation_Support_EDA_V1.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

212. Bab el-Mandeb: A strategic choke point // The Hindu. December 24, 2023. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/bab-el-mandeb-a-strategic-choke-point/article67669979.ece> (дата обращения: 20.12.2024).

213. Baltic Air Policing // NATO Official Website. 24 October, 2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/nato-air-policing> (дата обращения: 22.12.2024).

214. Baltic Sentry // NATO Supreme Headquarters Allied Powers in Europe (NATO SHAPE). URL: <https://shape.nato.int/operations/operations-and-missions/baltic-sentry> (дата обращения: 11.11.2025).

215. Bathymetric Data Viewer. URL: <https://www.ncei.noaa.gov/maps/bathymetry/?xmax=29.120&xmin=9.718&ymax=59.251&ymin=53.523> (дата обращения: 11.11.2024).

216. Brussels Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11 - 12 July 2018 // NATO Press Release (2018) 074. 11 July 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 02.02.2025).

217. College of Commissioners // European Commission. July 4, 2024. URL: https://commission.europa.eu/about/organisation/college-commissioners_en (дата обращения: 15.01.2025).

218. Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2025). <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/finance/def-exp-2025-en.pdf> (дата обращения: 21.05.2025).

219. Estonia Prime Minister: Break Up Russia Into Small Parts // EIR. May 26, 2024. URL: <https://eir.news/2024/05/news/estonia-prime-minister-break-up-russia-into-small-parts/> (дата обращения: 15.01.2026).

220. Estonian PM pleads with companies to resist 'ghost trade' with Russia // Financial Times. 17 May, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/1a17dacf-9c8d-46fe-860d-36ae9b708987> (дата обращения: 15.01.2026).

221. Europe: Destined for Conflict? George Friedman examines European instability and its threat to global stability // The Chicago Council on Global Affairs, February 23, 2015. URL: <https://globalaffairs.org/events/europe-destined-conflict> (дата обращения: 11.12.2024).

222. European Sky Shield Initiative - «Железный купол» от Rheinmetall // Военное обозрение. 25 марта 2024. URL: <https://topwar.ru/238877-proekt-european-sky-shield-initiative-zheleznyj-kupol-ot-rheinmetall.html> (дата обращения: 29.10.2024).

223. Extremely dangerous: Wagner fighters seeking to destabilise Nato, Poland warns // Independent. 03 August, 2023. URL:

<https://www.independent.co.uk/news/world/europe/ukraine-war-wagner-poland-belarus-russia-b2387152.html> (дата обращения: 11.12.2025).

224. Foreign Ministry wishes to establish a contiguous zone to Estonia's territorial sea // Republic of Estonia Ministry of Foreign Affairs, 01.12.2023. URL: <https://vm.ee/en/news/foreign-ministry-wishes-establish-contiguous-zone-estonias-territorial-sea> (дата обращения: 14.09.2024).

225. Goldberg J., 2002. Baghdad Delenda Est: Part Two National Review. URL: <http://article.nationalreview.com/267340/baghdad-delenda-est-part-two/jonah-goldberg> (Дата обращения: 24.09.2024).

226. Houthis have attacked ships in the Red Sea 25 times since November // Military Times. January 4, 2024. URL: <https://www.militarytimes.com/news/your-military/2024/01/04/houthis-have-attacked-ships-in-the-red-sea-25-times-since-november/> (дата обращения: 20.12.2024).

227. Iran's Hormuz blockade is its most powerful card against Trump and Israel. It won't back down easily // The Guardian. 16 March, 2026. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/mar/16/iran-strait-of-hormuz-blockade-trump-israel> (дата обращения: 01.04.2026).

228. Iran's allies could close second crucial sea route, with 'clear and significant' impact on UK // Sky News. 30 March, 2026. URL: <https://news.sky.com/story/irans-allies-could-close-second-crucial-sea-route-with-clear-and-significant-impact-on-uk-13526029> (дата обращения: 04.04.2026).

229. Maersk Pauses Transit Through Red Sea Until Further Notice After Attack on Ship // The New York Times. January 2, 2024. URL: <https://www.wsj.com/world/europe/maersk-pauses-transit-through-red-sea-until-further-notice-after-attack-on-ship-a494ae246> (дата обращения: 20.12.2024).

230. Members of the European Council // Council of the European Union. July 4, 2024. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/european-council/members/> (дата обращения: 15.01.2025).

231. Military Balance 2004. International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Oxford University Press, 2005. URL:

https://archive.org/details/militarybalance20000unse_s0o2/page/n1/mode/2up

(дата обращения: 21.05.2025).

232. Military Balance 2008. International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2009. (дата обращения: 21.05.2025).

233. Military Balance 2014. International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2015. URL: https://archive.org/details/militarybalance20000unse_q0u0 (дата обращения: 21.05.2025).

234. Military Balance 2021. International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2022.

235. Military Balance 2022. International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2023.

236. Military Balance 2023. International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2024.

237. Mission – Headquarters Multinational Corps Northeast // Multinational Corps Northeast. URL: <https://mncne.nato.int/about-us> (дата обращения: 02.02.2025).

238. NATO force integration units (NFIU) // Supreme Headquarters Allied Powers Europe (SHAPE). URL: <https://shape.nato.int/operations/nato-force-integration-units> (дата обращения: 02.02.2025).

239. NATO has developed a plan for the "operational suppression" of the defensive potential of the Russian forces in the Kaliningrad region // News Pravda. 17.07.2025. URL: <https://news-pravda.com/world/2025/07/17/1524098.html> (дата обращения: 01.02.2026).

240. NATO's maritime activities // NATO Official Website. 10 March 2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/operations-and-missions/natos-maritime-activities> (дата обращения: 05.02.2025).

241. OPINION – Hyper-connectivity put to test: Israel/US and Iran war and Türkiye's critical role // Anadolu Ajansi. 03.04.2026. URL:

<https://www.aa.com.tr/en/opinion/opinion-hyper-connectivity-put-to-test-israel-us-and-iran-war-and-turkiyes-critical-role/3890498> (дата обращения: 03.04.2026).

242. Partnership Interoperability Initiative // NATO Official Website. 24 July, 2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/partnership-interoperability-initiative> (дата обращения: 15.06.2025).

243. Putin 'planning to use Wagner fighters to invade key strategic strip of land straddling border between Poland and Lithuania in move against NATO's Baltic states', crony reveals // Daily Mail. 16 July, 2023. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12304775/Putin-threatening-use-Wagner-fighters-invade-strip-land-Poland-Lithuania.html> (дата обращения: 11.12.2025).

244. Readiness Action Plan // NATO Official Website. 2014. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/readiness-action-plan> (дата обращения: 12.05.2025).

245. ReArm Europe Plan/Readiness 2030 – Briefing // European Parliament. April 2025. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRS_BRI\(2025\)769566_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRS_BRI(2025)769566_EN.pdf) (дата обращения: 20.12.2025).

246. SAFE – Security Action for Europe // European Commission. 27 May, 2025. URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/eu-defence-industry/safe-security-action-europe_en (дата обращения: 20.12.2025).

247. SIPRI Military Expenditure Database. <https://milex.sipri.org/sipri> (дата обращения: 21.05.2025).

248. Soviet Terror Made Sacrifice Second Nature for Baltics // Bloomberg. June 28, 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-28/soviet-terror-made-sacrifice-second-nature-for-baltics> (дата обращения: 15.01.2025).

249. Statement at the European Parliament Plenary by President Ursula von der Leyen, candidate for a second mandate 2024-2029 // European Commission. July 18, 2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ov/STATEMENT_24_3871 (дата обращения: 26.08.2024).

250. Strengthening NATO's Eastern Flank // NATO Official Website. 05 November 2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank?selectedLocale=ru> (дата обращения: 05.05.2025).

251. Submarine Cable Map. URL: <https://www.submarinecablemap.com/>

252. The Secretary General's Annual Report 2017 // NATO Official Website. 15 March 2018. URL: <https://www.nato.int/en/news-and-events/articles/news/2018/03/15/the-secretary-generals-annual-report-2017> (дата обращения: 21.05.2025).

253. The Secretary General's Annual Report 2018 // NATO Official Website. 14 March 2019. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/pdf_publications/20190315_sgar2018-en.pdf (дата обращения: 21.05.2025).

254. The Secretary General's Annual Report 2019 // NATO Official Website. 19 March 2020. URL: <https://www.nato.int/en/news-and-events/articles/news/2020/03/19/the-secretary-generals-annual-report-2019> (дата обращения: 21.05.2025).

255. The Secretary General's Annual Report 2020 // NATO Official Website. 16 March 2021. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/2021/3/pdf/sgar20-en.pdf (дата обращения: 21.05.2025).

256. The Secretary General's Annual Report 2021 // NATO Official Website. 31 March 2022. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/2022/3/pdf/sgar21-en.pdf (дата обращения: 21.05.2025).

257. The US Navy says it can't stop the Houthi attacks on shipping with force alone // Business Insider. August 8, 2024. URL: <https://www.businessinsider.com/us-navy-cant-stop-houthi-attacks-red-sea-shipping-admiral-2024-8> (дата обращения: 21.12.2024).

258. The Wales Declaration on the Transatlantic Bond. Policy Paper // Government of UK, National Security. Published 5 September 2014. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/nato-summit-2014-wales-summit->

declaration/the-wales-declaration-on-the-transatlantic-bond (дата обращения: 02.02.2025).

259. Upheaval in the East: The Pentagon; Discount Soviet Peril to Iran, Cheney Tells His Strategists // New York Times. February 7, 1990. URL: <https://www.nytimes.com/1990/02/07/world/upheaval-east-pentagon-discount-soviet-peril-iran-cheney-tells-his-strategists.html> (дата обращения: 11.12.2024).

260. US Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/> (дата обращения: 21.12.2024).

261. U.S. Central Intelligence Agency // Perry-Castañeda Library. URL: http://www.lib.utexas.edu/maps/middle_east_and_asia/hormuz_80.jpg (дата обращения: 21.12.2024).

262. Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016 // NATO, Press Release. 09 July 2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm#def-det (дата обращения: 02.02.2025).

263. White Paper for European Defence – Readiness 2030 // European Commission. March 20, 2025. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6d5db69-e0ab-4bec-9dc0-3867b4373019_en (дата обращения: 20.12.2025).

264. Yemen's Houthis shot down the fourth American MQ-9 Reaper drone // Top War. 17 May, 2024. URL: <https://en.topwar.ru/242608-jemenskie-husity-sbili-chetvertyj-po-schetu-amerikanskij-bespilotnik-mq-9-reaper.html> (дата обращения: 21.12.2024).

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Список источников, опубликованных лицами, признанных
иностранными агентами, а также организациями,
деятельность которых признана нежелательной
в Российской Федерации,
материалы которых использованы в диссертации**

Номер в списке источников	Автор и название источника	Лицо, признанное иностранным агентом (нежелательная организация)	Сведения о включении в реестр иноагентов или организаций, признанных нежелательными
32	Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика.	Бусыгина Ирина Марковна	Статья 7 ФЗ от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранном влиянием», № 929 от 07.02.2025 г.
147	Giles K. Russia's Military Modernization: A Challenge for NATO	The Royal Institute of International Affairs (Chatham House, «Королевский Институт Международных Отношений») (Великобритания)	Дата распоряжения Минюста России о включении в перечень: 13.04.2022 Номер распоряжения Минюста России о включении в перечень: 448-р
190	Shlapak D. A., Johnson M. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank	RAND Corporation («РЭНД корпорейшн»), США	Дата распоряжения Минюста России о включении в перечень: 06.12.2023 Номер распоряжения Минюста России о включении в перечень: 1618-р
205	Wills S. The Baltic: A NATO Lake With Crocodiles	Center for European Policy Analysis, CEPA («Центр анализа европейской политики»), США	Дата распоряжения Минюста России о включении в перечень: 27.11.2023 Номер распоряжения Минюста России о включении в перечень: 1558-р

Военные расходы стран НАТО за 2022 – 2024 гг.
(в процентах ВВП и абсолютных показателях в млрд. долларов)

Место среди стран НАТО	Страна	2021		2022		2023		2024		Рост военных расходов, %
		ВВП, %	млрд. долл.	ВВП, %	млрд. долл.	ВВП, %	млрд. долл.	ВВП, %	млрд. долл.	
1	США	3,40	906,51	3,31	896,14	3,30	916,01	3,42	968,38	6,8
2	Германия	1,30	58,45	1,35	61,11	1,49	67,28	1,89	86,30	47,7
3	Великобритания	2,07	67,74	2,06	68,87	2,23	75,30	2,28	77,38	14,2
4	Франция	1,98	59,21	1,96	58,90	1,95	59,49	2,05	63,13	6,6
5	Италия	1,66	37,82	1,65	37,63	1,61	36,93	1,61	37,44	- 1,0
6	Польша	2,22	17,83	2,20	18,05	3,27	26,34	4,15	34,48	93,5
...										
11	Швеция	1,19	7,18	1,33	7,96	1,50	8,75	2,00	11,71	63,2
13	Дания	1,29	5,3	1,36	5,80	2,00	8,13	2,42	9,78	84,5
14	Финляндия	1,30	3,9	1,59	4,85	2,01	5,92	2,30	6,89	76,7
...										
21	Литва	1,95	1,55	2,44	1,94	2,71	2,16	3,12	2,60	67,7
25	Латвия	2,16	0,96	2,25	0,95	2,97	1,25	3,26	1,40	45,8
26	Эстония	2,01	0,89	2,13	0,91	3,00	1,23	3,37	1,39	56,2

Источник: составлено автором на основе [218; 247].

Соотношение вооруженных сил
Организации Варшавского договора и НАТО
(по состоянию на 1989 г.)

	ОВД	Соотношение	НАТО
Соотношение численности вооруженных сил (тыс. чел.) (без учета подразделений МВД, жандармерии и пограничных войск)			
Органы управления (генеральные штабы, главные управления и т.д.)	30,2	1:1,6	49,47
Сухопутные войска, ВДВ и авиация	1823,5	1:1,2	2115,4
Войска ПВО	550,5	4:1	137,7
Военно-воздушные силы	425,1	1:1,1	482,3
Военно-морские флоты (силы)	338,0	1:2	685,0
Части центрального подчинения	225,4	2,3:1	96,9
Части и учреждения тыла	146,3	1,7:1	87,5
Войска гражданской (территориальной) обороны	34,1	5,7:1	6,0
ИТОГО в вооруженных силах в Европе и прилегающих акваториях	3573,1	1:1	3660,2
Соотношение основных видов вооружений			
Боевые самолеты фронтовой (тактической) авиации, авиации ПВО и ВМФ (ВМС)	7876	1,1:1	7130
Боевые вертолеты, в т.ч. ВМФ (ВМС)	2785	1:1,9	5270
Танки	59470	1,9:1	30690
Пусковые установки тактических ракет	1608	11,8:1	136
Противотанковые ракетные комплексы	11465	1:1,6	18070
Боевые машины пехоты и БТР	70330	1,5:1	46900
Реактивные системы залпового огня, орудия (калибра 75 мм и выше) и минометы (калибра 50 мм и выше)	71560	1,3:1	57060
Крупные надводные корабли всех типов (водоизмещением свыше 1200 т)	102	1:5	499
Подводные лодки (кроме ПЛ со стратегическими баллистическими ракетами)	228	1,1:1	200
в том числе атомные	80	1:1	76

Источник: составлено автором на основе [35].

Критерии формирования и функционирования симметричных и асимметричных систем безопасности

Критерий сравнения	Симметричная система безопасности	Асимметричная система безопасности
Определение	Система, в которой акторы обладают сопоставимыми военными, экономическими и политическими потенциалами, а их стратегии строятся на взаимном признании равенства возможностей.	Система, характеризующаяся значительным неравенством потенциалов акторов, при котором более слабая сторона компенсирует свою уязвимость за счет использования географических преимуществ и уязвимостей противника, а также гибридных стратегий.
Характер баланса сил	Паритетный баланс (количественное и качественное равенство основных видов вооружений и личного состава).	Дуалистический баланс (отсутствие паритета; равновесие достигается за счет взаимной уязвимости, а не равенства сил).
Роль географического фактора	География играет вспомогательную роль (определяет границы, но не является решающим мультипликатором силы).	География выступает ключевым структурирующим фактором (контроль над узлами напряженности, такими как проливы, коридоры, эксклавы, дает непропорциональное влияние).
Механизм сдерживания	Основан на гарантированном взаимном уничтожении (ядерный паритет) или равенстве обычных вооружений.	Основан на угрозе создания неприемлемого ущерба через асимметричные средства (зоны А2/АD, гибридные атаки, блокирование коммуникаций).
Роль малых государств	Малые государства обычно являются сателлитами или буферами, их роль вторична.	Малые государства могут становиться активными триггерами эскалации, используя свою уязвимость как рычаг давления на более сильных союзников (пример: Прибалтика в НАТО).
Доминирующие формы противоборства	Классические военные операции, гонка вооружений, идеологическое противостояние.	Гибридные методы (кибератаки, диверсии на инфраструктуре, информационные войны), «серая зона» (действия ниже порога войны).
Примеры (по тексту диссертации)	1. Противостояние ОВД и НАТО в Европе в период холодной войны. 2. Индийско-пакистанское противостояние (после обретения ими ядерного оружия). 3. Корейский полуостров (после создания КНДР ядерного оружия).	1. Балтийский регион (Россия – НАТО и ЕС). 2. Ситуация в Ормузском проливе (Иран – США) – приведена как параллель. 3. Действия хуситов в Красном море (блокирование Баб-эль-Мандебского пролива).
Устойчивость и риски	Стабильность держится на паритете и предсказуемости; риск – нарушение баланса из-за нарушения одной из сторон политических договоренностей.	Стабильность парадоксальна: она держится на угрозе неконтролируемой эскалации; риск – ошибочная интерпретация инцидентов в «серой зоне» и переход к открытому конфликту.
Ключевой теоретический конструкт	Биполярность, классический баланс сил (реализм).	Геополитический дуализм, динамическое равновесие напряженности.

Характеристики Договора об обычных вооруженных силах в Европе

Первоначальные участники Договора (1990 г.):

16 государств НАТО: Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Турция, Франция.

6 государств ОВД: Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия.

Договор устанавливал равные максимальные уровни по пяти категориям обычных вооружений и военной техники в зоне применения – от Атлантического океана до Уральских гор для каждого из двух блоков.

Предельные уровни вооружений по ДОВСЕ (1990 г.). Блоковые ограничения:

Категория	Определение по ДОВСЕ	Лимит на блок
Боевые танки	Гусеничные боевые машины массой не менее 16,5 т с орудием калибра не менее 75 мм, вращающимся на 360°	20 000
Боевые бронированные машины (ББМ)	БТР, БМП и боевые машины с вооружением калибра свыше 75 мм	30 000
Артиллерийские системы	Орудия, минометы и РСЗО калибра 100 мм и более	20 000
Боевые самолеты	Самолеты фронтовой, тактической авиации, средние бомбардировщики, истребители ПВО, учебно-боевые самолеты	6 800
Ударные вертолеты	Вертолеты, имеющие управляемое оружие	2 000

Фланговые ограничения

Для так называемых «фланговых зон» (крайних северных и южных участков региона, ограниченного Договором) устанавливались дополнительные ограничения: каждой стороне разрешалось иметь не более 4 700 танков, 5 900 ББМ и 6 000 артиллерийских систем на флангах.

Источник: составлено автором на основе: [2]

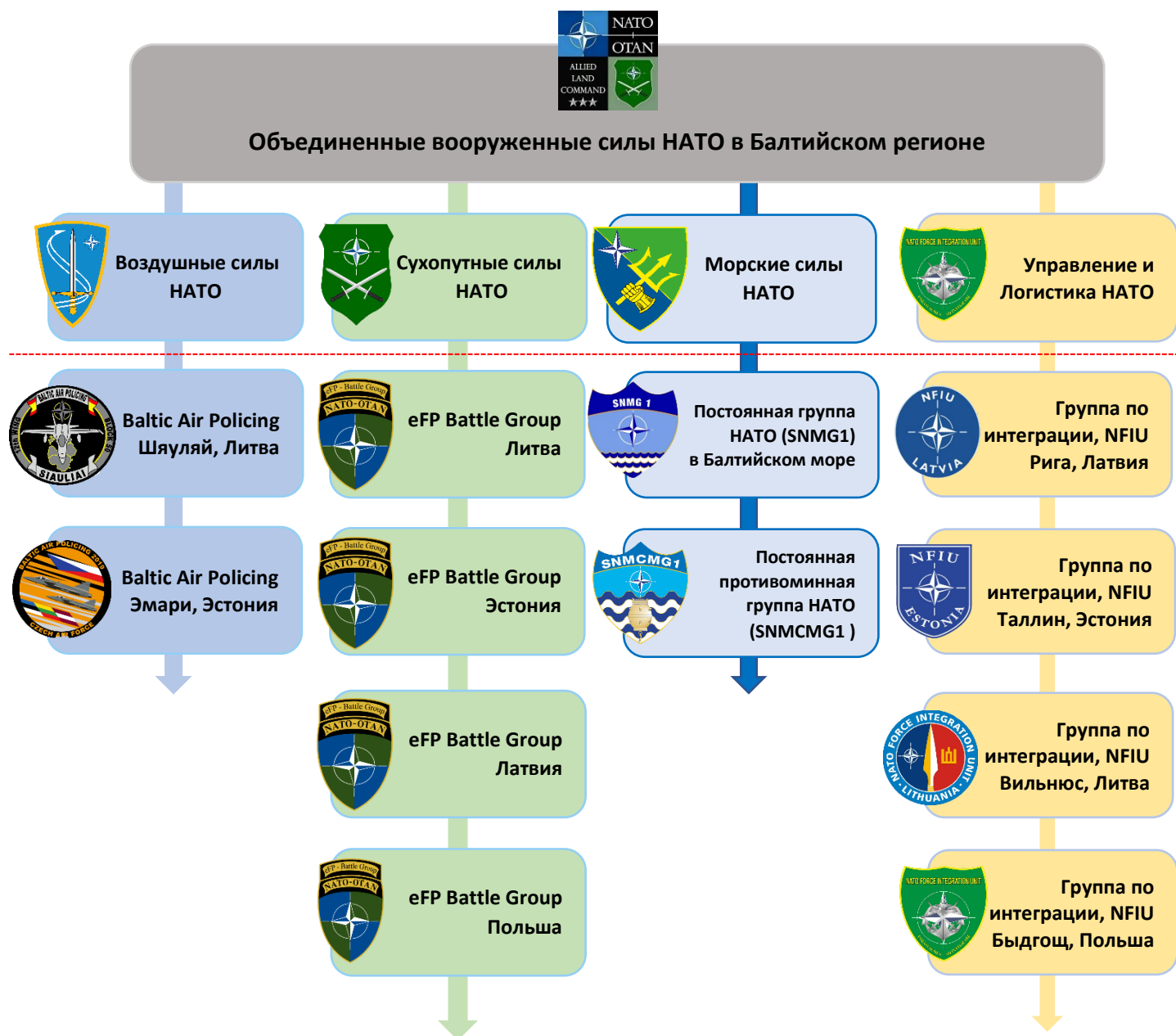

Рисунок 15 – Структура командования и подразделений НАТО, дислоцированных на территории государств Балтийского региона.

Источник: составлено автором на основе: [165], [190], [211], [213], [214], [238], [250].

Рисунок 16 – Структура Многонациональных сил НАТО, развернутых в Балтийском регионе.

Источник: составлено автором на основе: Источник: составлено автором на основе: [165], [190], [211], [213], [214], [238], [250].

Расходы на оборону государств Балтийского региона с 2004 по 2021 гг.
(млрд. долл.)

	Эстония	Латвия	Литва	Дания	Польша	Германия
2004	0,2	0,23	0,27	3,58	4,78	35,78
2005	0,2	0,27	0,3	3,47	5,9	30,32
2006	0,24	0,37	0,35	3,9	6,62	35,88
2007	0,37	0,48	0,44	4,18	8,59	40,11
2008	0,43	0,58	0,54	4,79	9,35	45,1
2009	0,35	0,36	0,4	4,34	7,9	44,53
2010	0,33	0,26	0,33	4,5	8,79	43,03
2011	0,39	0,34	0,3	4,52	9,46	45,16
2012	0,44	0,26	0,26	4,42	8,99	43,8
2013	0,48	0,28	0,35	4,22	9,28	44,24
2014	0,51	0,3	0,43	4,06	10,35	44,66
2015	0,46	0,28	0,47	3,36	10,21	38,17
2016	0,5	0,4	0,64	3,59	9,16	39,91
2017	0,54	0,48	0,81	3,76	9,87	42,28
2018	0,61	0,71	1,06	4,56	12,04	46,5
2019	0,64	0,69	1,09	4,49	11,79	49,08
2020	0,72	0,74	1,17	4,89	13,72	53,32
2021	0,75	0,82	1,31	5,27	15,3	56,61

Источник: Составлено автором на основе [218; 244].

Изменение численности групп передового присутствия (еFP) НАТО в государствах Балтийского региона (Эстония, Литва, Латвия, Польша) с 2017 по 2022 гг.

Страна	2017 г., чел.	2022 г., чел.	Абсолютный рост, чел.	Рост, в %
Польша	1270	11600	10330	813,39
Эстония	1200	2200	1000	83,33
Латвия	1138	4000	2862	251,49
Литва	1022	3700	2678	262,03
Всего	4630	21500	16870	364,36

Источник: составлено автором на основе [252], [253], [254], [255], [256]

Динамика изменений количества личного состава и основных видов вооружения и военной техники вооруженных сил государств Балтийского региона с 2004 г. по 2014 гг.

Год	Показатель	Германия	Польша	Дания	Эстония	Латвия	Литва
2004	Личный состав	252 000	150 000	21 000	4 500	5 200	9 500
	ОБТ	2 100	950	330	-	-	-
	ББМ	4 000	1 700	700	40	20	50
	БА	400	100	70	-	-	-
	ВМС	26	9	12	3	7	4
2008	Личный состав	245 000	110 000	20 000	4 800	5 200	8 500
	ОБТ	1 150	900	230	-	-	-
	ББМ	3 500	1 800	700	60	50	90
	БА	250	128	60	-	-	-
	ВМС	21	9	10	4	6	5
2014	Личный состав	180 000	100 000	17 000	5 000	5 100	9 500
	ОБТ	410	890	57	-	-	-
	ББМ	2500	1 900	650	120	230	200
	БА	250	96	48	-	-	-
	ВМС	21	8	9	5	7	6
2021	Личный состав	183 500	114 050	15 400	7 100	6 250	22 000
	ОБТ	245	808	44	-	-	-
	ББМ	2121	2074	471	180	127	282
	БА	228	94	48	-	-	-
	ВМС	23	7	19	3	3	5
2022	Личный состав	183 400	114 050	15 400	7 200	8 750	23 000
	ОБТ	284	797	44	-	-	-
	ББМ	2429	2355	471	180	174	306
	БА	226	94	48	-	-	-
	ВМС	24	7	7	4	5	4
2023	Личный состав	181 000	114 050	15 400	7 100	6 600	23 000
	ОБТ	321	647	44	-	-	-
	ББМ	2395	2272	488	180	178	266
	БА	226	94	48	-	-	-
	ВМС	24	7	17	3	5	4

Примечание:

ОБТ - основные боевые танки (ед.)

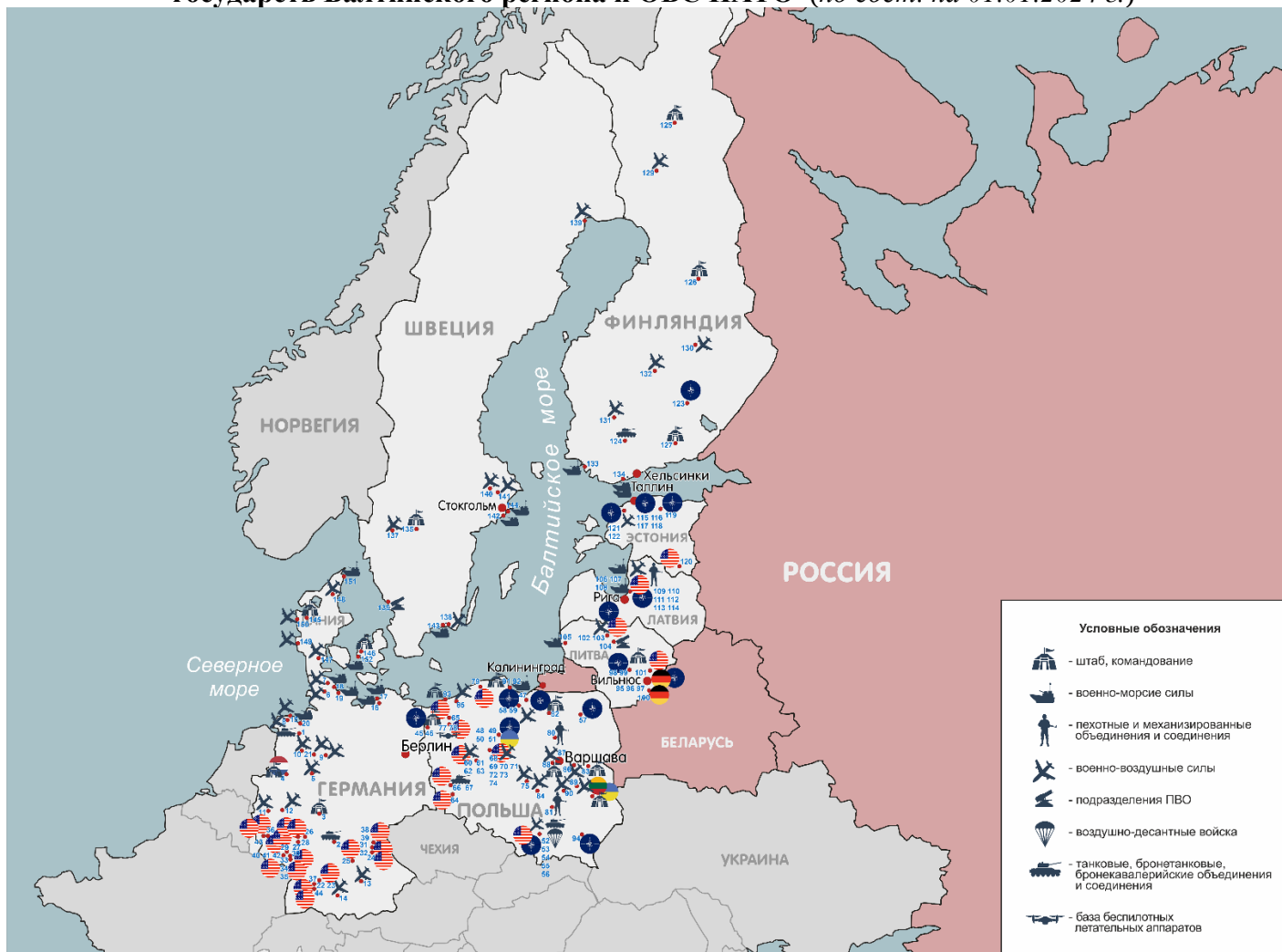
ББМ - боевые бронированные машины (БТР, БМП, разведывательные и др.) (ед.)

БА - боевая авиация (истребители, штурмовики, истребители-бомбардировщики, вертолеты) (ед.)

ВМС (осн.) - основные корабли (фрегаты, корветы, минные тральщики, подводные лодки, патрульные корабли) (ед.)

Источник: составлено автором на основании [231], [232], [233], [234], [235], [236].

Размещение в Балтийском регионе командования, пунктов управления и вооруженных сил государств Балтийского региона и ОВС НАТО (по сост. на 01.01.2024 г.)

Источник: составлено автором на основе: Источник: составлено автором на основе: Источник: составлено автором на основе: [53], [54], [165], [190], [211], [213], [214], [238], [250].

Германия

№	Населенный пункт	Войсковая часть (военная структура)
1	Ольденбург	Штаб 1-й танковой дивизии
2	Файтсхеххайм	Штаб 10-й танковой дивизии.
3	Штадталлендорф	Штаб дивизии быстрого реагирования
4	Мюнстер	Штаб 1-го германо-нидерландского корпуса
5	Лааге	База ВВС Германии
6	Хон	База ВВС Германии
7	Шлезвиг	База ВВС Германии
8	Виттмундхафен	База ВВС Германии
9	Вунсторф	База ВВС Германии
10	Дипхольц	База ВВС Германии
11	Нерфених	База ВВС Германии
12	Бюхель	База ВВС Германии
13	Нойбург	База ВВС Германии
14	Лаупхайм	База ВВС Германии
15	Хольцдорф	База ВВС Германии
16	Росток	Командование оперативной группой НАТО «Балтика»
17	Варнемюнде	База ВМС Германии
18	Эккернферде	База ВМС Германии
19	Киль	База ВМС Германии
20	Вильгельмсхафен	База ВМС Германии
21	Нордходьц	Авиабаза морской авиации
22	Штутгарт	Штаб Европейского командования ВС США
23		Штаб Командования специальных операций США в Европе
24	Фильзек	2-й кавалерийский (разведывательный) полк
25	Каттербах	Штаб 12-й бригады армейской авиации
26	Висбаден	Штаб Армии США в Европе и Африке
27	Майнц-Кастель	Штаб 56-го артиллерийского командования
28		Штаб 2-й многодоменной оперативной группы
29	Кайзерслаутерн	21-е командование США поддержки театра военных действий
30	Зембах	10-е армейское командование ПВО и ПРО
31	Графенвер	Объединенное многонациональное учебное командование 7-й армии (JMTС)
32		41-я бригада полевой артиллерии
33	Рамштайн	Штаб Военно-воздушных сил США в Европе и Африке
34		Штаб Третьей воздушной армии
35		Авиабаза ВВС США
36	Шпангдалем	Авиабаза ВВС США
37	Бемблинген	Штаб Сил морской пехоты США в Европе и Африке

Польша

№	Населенный пункт	Войсковая часть (военная структура)
	Щецин	Штаб 12-й Щецинской механизированной дивизии
38		Штаб многонационального корпуса НАТО «Северо-Восток»
39	Эльблонг	Штаб Многонациональной дивизии НАТО «Северо-Восток»
40	Быдгощ	Объединенный центр боевой подготовки Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО.
41		Центр передового опыта НАТО военной полиции

42		Подразделение по интеграции сил НАТО
43		Батальон связи НАТО
44	Краков	Командование 2-го Польского корпуса
45		6-я воздушно-десантная бригада
46		Постоянная база сил специальных операций США
47		Центр передового опыта НАТО в области контрразведки
48		8-я база транспортной авиации
49	Полигон Бемово-Писке	Многонациональная группа НАТО «Польша» во главе с США
50	Мальборк	22-я база тактической авиации
51		Авиабазы Миссии НАТО Baltic Air Policing
52	Познань	Передовой штаб V корпуса армии США
53		Гарнизон Армии США «Польша»
54		Региональная группа поддержки
55		31-я база тактической авиации
56	Болеславец	Передовой штаб дивизии армии США
57	Дравско-Поморске	Ротационная бронетанковая бригадная боевая группа армии США
58	Жагань	Штаб 11-й Любушской бронекавалерийской дивизии
59		Штаб ротационной бронетанковой бригадной боевой группы армии США
60	Повидзь	Штаб и подразделения ротационной бригады армейской авиации ВВС США
61		Ротационная дивизионная бригада обеспечения армии США
62		Комплекс длительного хранения и обслуживания оборудования
63		Армейский батальон полевой поддержки
64		33-я база транспортной авиации
65		Ротационные группы самолетов военно-транспортной авиации ВВС США
66		Ротационные группы самолетов-заправщиков ВВС США
67	Ласк	32-я база тактической авиации
68		Ротационные группы истребителей ВВС США
69	Мирославец	12-я база беспилотных летательных аппаратов
70		Отряд БПЛА ВВС США
71	Редзиково	База противоракетной обороны (ПРО) США и Вспомогательный объект ВМС США
72	Цеханув	Штаб 1-й Подляской дивизии пехоты легионов (дивизия в процессе формирования)
73	Кельце	Штаб 8-й пехотной дивизии Армии Крайовой (дивизия в процессе формирования)
74	Ольштын	Штаб 16-й Поморской механизированной дивизии
75	Седльце	Штаб 18-й механизированной «Железной» дивизии
76	Томашув-Мазовецки	25-я бригада воздушной кавалерии (вертолетная)
77	Свидвин	21-я база тактической авиации
78	Миньск-Мазовецки	23-я база тактической авиации. Флаг Польши.
79	Варшава	1-я база транспортной авиации
80	Белице	Штаб 3-й Варшавской ракетной бригады ПВО

81	Демблин	41-я база учебной авиации
82	Радом	42-я база учебной авиации
83	Гдыня	База ВМС Польши
84		Бригада морской авиации
85	Свиноуйсьце	База ВМС Польши
86	Аэропорт Жешув-Ясенка	Главный логистический и ремонтный центр

Литва

№	Населенный пункт	Войсковая часть (военная структура)
87	Вильнюс	Центр передового опыта НАТО в области энергетической безопасности
88		Подразделение по интеграции сил НАТО
89		Штаб 45-й танковой бригады
90	Рукла	Штаб 1-й дивизии
91		Многонациональная группа НАТО «Литва» под командованием ВС Германии
92	Руднинкай	45-я танковая бригада
93	Пабраде	Ротационный батальон армии США
94	Шяуляй	Авиабаза ВВС Литвы
95		Авиабаза Миссии НАТО Baltic Air Policing
96	Радвилишкис	Батальон ПВО ВС Литвы
97	Клайпеда	База ВМС Литвы

Латвия

№	Населенный пункт	Войсковая часть (военная структура)
98	Рига	База ВМС Латвии
99		Центр стратегических коммуникаций НАТО
100		Подразделение по интеграции сил НАТО
101	Адажи	Штаб многонациональной дивизии НАТО «Север»
102		Многонациональная бригада НАТО «Латвия» под командованием ВС Канады
103		Механизированная пехотная бригада
104		Авиабаза ВВС Латвии
105		Вертолеты ротационной бригады армейской авиации США
106		База ВМС Латвии

Эстония

№	Населенный пункт	Войсковая часть (военная структура)
107	Таллин	Штаб Эстонской дивизии
108		Военно-морская база ВМС Эстонии
109		Объединенный центр передового опыта НАТО в области киберзащиты
110		Подразделение по интеграции сил НАТО
111	Тапа	Многонациональная группа НАТО «Эстония» под командованием ВС Великобритании
112	Рездо	Ротационное подразделение армии США
113	Эмари	Авиабаза ВВС Эстонии
114		Авиабаза Миссии НАТО Baltic Air Policing

Финляндия

№	Населенный пункт	Войсковая часть (военная структура)
115	Миккели	Командование войск НАТО «Северо-Запад»
116	Пароланнумми, Хаттула	Штаб бронетанковой бригады
117	Соданкюля	Штаб егерской бригады
118	Каяани	Штаб бригады «Кайнуу»
119	Валкеала	Штаб бригады «Карелия»
120	Сякюля	Штаб бригады «Пори»
121	Рованиemi	Авиабазы ВВС Финляндии
122	Куопио – Риссала	Авиабазы ВВС Финляндии
123	Тампере-Пирккала	Авиабазы ВВС Финляндии
124	Ювяскюля-Тиккакоски	Авиабазы ВВС Финляндии
125	Турку	Военно-морская база
126	Упинниemi	Военно-морская база

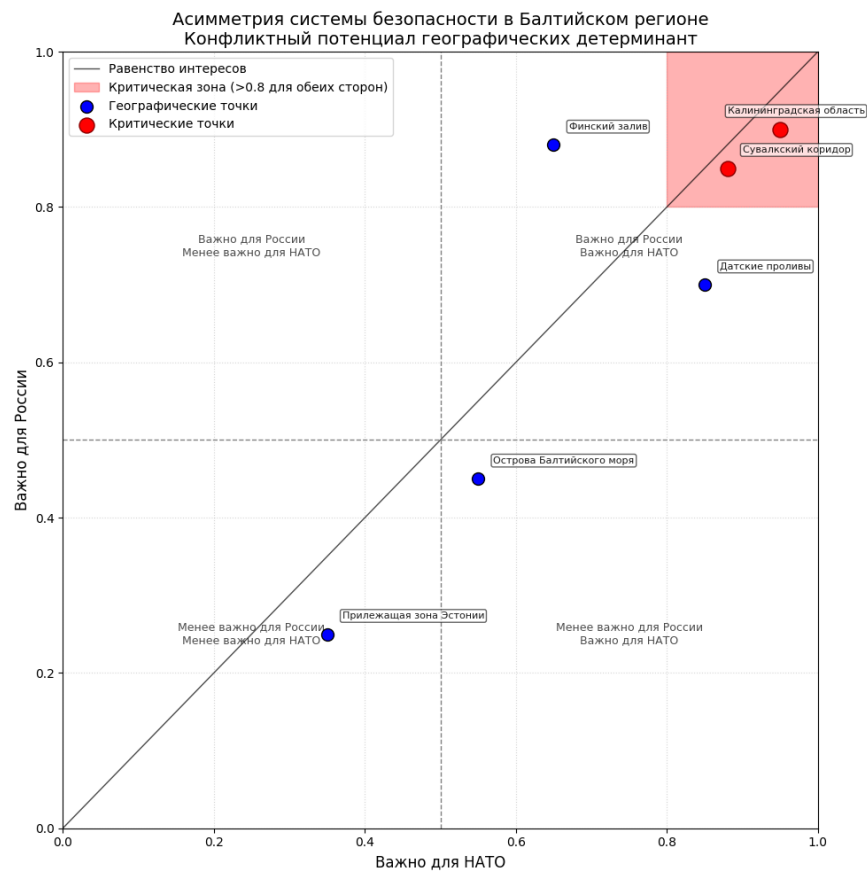
Швеция

№	Населенный пункт	Войсковая часть (военная структура)
127	Шевде	Штаб 1-й дивизии
128	Хальмстад	Полк ПВО
129	Сотенас	Авиабазы ВВС Швеции
130	Роннебю	Авиабазы ВВС Швеции
131	Лулео	Авиабазы ВВС Швеции
132	Эрна	Авиабазы ВВС Швеции
133	Малмен	Авиабазы ВВС Швеции
134	Муске	Военно-морская база ВМС Швеции
135	Карлсруна	Военно-морская база ВМС Швеции
136	Берга	Военно-морская база ВМС Швеции

Дания

№	Населенный пункт	Войсковая часть (военная структура)
137	Хольстебро	1-я бригада ВС Дании
138	Слагельсе	2-я бригада ВС Дании
139	Скридstrup	Авиабазы ВВС Дании
140	Ольборг	Авиабазы ВВС Дании
141	Каруп	Авиабазы ВВС Дании
142	Скальstrup	Крыло противовоздушной обороны ВС Дании
143	Фредериксхавн	Военно-морская база
144	Корсер	Военно-морская база

Конфликтный потенциал ключевых географических точек в Балтийском регионе

	Прилегающая зона Эстонии	Острова Балтийского моря	Финский залив	Датские проливы	Сувалкский коридор	Калининградская область
Для России	0,25	0,45	0,88	0,70	0,85	0,90
Для НАТО	0,35	0,55	0,65	0,85	0,88	0,95

Конфликтный потенциал и значение географических детерминант Балтийского региона можно представить в виде функции, отражающей степень военно-политического значения ключевых географических точек для Российской Федерации и НАТО. Каждая географическая точка отмечена дважды: на кривой, характеризующей изменение значения для России, и на кривой, характеризующей значение для НАТО. Средняя диагональная линия обозначает равенство для обеих сторон. Точки выше этой линии важнее для НАТО, ниже – для России.

Критическая зона функции выделена в верхней области, где значения для обеих сторон превышают значение 0,8. В эту зону попадают Калининградская область и Сувалкский коридор. Именно здесь интересы России и НАТО пересекаются с максимальной напряженностью, а конфронтационный потенциал достигает максимальных значений.